

Александр Припутнев

ОТКРЫВАЯ ГЛАЗА

Александр Припутнев

Открывая глаза

«Издательские решения»

Припутнев А. С.

Открывая глаза / А. С. Припутнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909103-1

Пол Гудвин, молодой студент, страстно рвущийся осуществить свою мечту — стать врачом. Но на его пути стоит отец, видящий в сыне продолжателя своего революционного дела. Пол упрекает отца в измене семье ради неосуществимой мечты о счастливом будущем общества, не желая идти за ним. Мужчин терзает обида и неприятие друг друга. Они пройдут войну и революции, подвергнутся личной трагедии. Удастся ли им сохранить свои идеалы или они изменят мечтам ради новых целей? Ответы ждут на страницах романа.

ISBN 978-5-44-909103-1

© Припутнев А. С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	66
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Открывая глаза

Александр Сергеевич Припутнев

Мы не можем быть уверены в том, что нам есть ради чего жить, пока мы не будем готовы отдать за это свою жизнь.

© Александр Сергеевич Припутнев, 2018

ISBN 978-5-4490-9103-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Глупец! Заставил себя поверить. А здесь всё также, как и везде... Третья страна, третья нация, а всё, как и везде. Впервые мне пришло в голову, что занимаюсь не тем! Впервые я жалею о той жизни, которой жил долгие годы! Первый раз мне хочется вернуться в тот день, когда всё началось! В тот день, когда я захотел что-то поменять вокруг себя! Вернуться и вышвырнуть из головы эти бредовые идеи! Ведь здесь всё, как везде!

Наше общество больно. И я боюсь, что моих сил не хватит, чтобы его излечить. Боюсь, что их не хватит даже на то, чтобы открыть людям глаза на болезни и пути их лечения. Неравенство, нищета, рабство, грязь, боль, мука, убийства, война, беззаконие, воровство... Полный набор! Мне все чаще кажется, что людей невозможно вылечить от ужасов, которые дарит им жизнь, как невозможно избавиться от сифилиса, которым тебя заразил рано потерявшая свою женскую красоту проститутка. Мне хватило рассказов моряков, чтобы понять, что я попаду не в лучшие условия, чем те, в которых жил, но я всё-таки поплыл... Мне хватило всего несколько минут, проведенных на берегу, чтобы поверить в слова этих моряков. Но было уже поздно возвращаться!

Сойдя на берег, я чувствую, как рукав моего пиджака дергает какой-то мальчишка и просит пару монет. И я его хочу отогнать, потому что знаю, если дам одному, то тут же подбегут десяток других, и мне не останется ничего, как дать денег и им, но денег у меня не так много, и кому-то ничего не достанется. Всепоглощающее желание помочь этим детям съедает меня изнутри, но я понимаю, что, даже дав каждому из них денег, я ничего не исправлю, скорее всего, я даже временно не сделаю их счастливыми, потому что все деньги у них отберут те, ради кого они пришли ко мне с надеждой в глазах. Я решаю пройти мимо схватившего меня оборванца, но не могу спокойно смотреть, как он тянет ко мне грязные, худые, все в ссадинах руки, поэтому быстро прячу в его руке несколько монет, в надежде, что этот мальчишка купит себе рыбы или кусок хлеба и сможет успокоить свой маленький урчащий желудок. Оглядываясь по сторонам, я скорее уйду прочь из порта в город, подталкивая свих детей, дожидаясь повозки, сажусь рядом с ними, и мы уезжаем, и в моем сердце гнусно брезжит откровенно наивная надежда, что в городе много меньше попрошаек и бедняков, что большинство их сосредоточено только в порту. Но моя надежда совсем скоро гаснет в бездне реальности, смеясь надо мной напоследок. Сотни бедолаг, голодных и больных, разочарованных в этом городе и этой стране, бродят по улицам города. Их оборванные рубахи открывают всем грязные детские и взрослые тела: им не на что поменять изношенную одежду. Женщины в старых платьях, с сухими серыми лицами, на которых от безрадостной жизни с молодых лет вылезли глубокие морщины, беззубые, тихо, словно привидения движутся в толпе народа, дыша на прохожих отвратительным запахом, отчего те шарахаются в стороны. Слабые от изнурительной работы мужчины, старики-калеки, босоногие дети – на улицах города можно наблюдать кого угодно, кроме нормальных счастливых людей. Смотря на это средоточие всех бед человеческих, прихожу к мысли, что все они видят меня, и чувствуют, что я хочу им помочь, сделать их жизнь лучше, поэтому их взгляды притягиваются ко мне, застывают на мне, и стоит выйти из повозки, как меня тут же окружит множество нуждающихся и разорвет мое тело на маленькие кусочки, в надежде получить хоть минутное счастье в этой жизни, словно все оно заключено внутри меня. Меня душит это чувство – я понимаю, что так не будет, но уже чувствую себя разорванным на клочья этими людьми, которым так хочется помочь. Я кусаю губы и едва не молюсь Богу, в существование которого не верю, чтобы спокойно доехать до нового дома, где можно будет хоть на немного забыться, спрятаться от действительности. Я пока не в силах её изменить! Как же тяготит эта безысходность... Безысходность... От этого мне всё чаще кажется, что ничего не возможно изменить!

Но с быстротой молнии во мне просыпается то чувство, которому я безмерно благодарен за свое спасение и из-за которого я порой готов застрелить себя, дабы не чувствовать, как разрывается душа и не хватает воздуха от того, что вижу вокруг – чувство борьбы! Оно ни на секунду не покидало меня в жизни, позволяя себе редкие часы отдыха, в которые я становился апатичным и склонным к самоубийству пессимистом, и, вдруг снова проснувшись, резко окунуло меня в русло слепого стремления, сказав, что есть все-таки необходимость в этой бессмысленной борьбе, если уж моя является таковой? Может, мне и не вылечить гангрену, разросшуюся на всё человечество, но если я ничего не буду делать, то зачем же я приплыл сюда?! Зачем тогда я вообще живу?! Ведь оставаясь в стороне от действительности, я заполню свое сердце мерзостью равнодушия, которое будет паразитировать в моем теле всю оставшуюся жизнь, я оскверню свою душу, сделаю её чернее, чем душа самого жестокого тирана, чем мысли и поступки самого отъявленного убийцы.

Нет, я не смогу остановиться. Я решаю, что буду пытаться и тянуться, пока не умру! Неважно, получится или нет, я чувствую, что должен! Может кому-то из тех, кто с надеждой смотрел сегодня на меня, я помогу! Надо попробовать ещё раз! Вся жизнь была потрачена на это!

Часть первая

Глава 1

Сентябрь 1860г.

Сбежав вниз по ступенькам, Гудвин едва не сбил с ног идущего на занятия студента; даже не заметив упрека со стороны парня, Пол поспешил прочь от школы. Ему необходимо было как можно быстрее покинуть это место, чтобы успокоить свою разгневанную душу. Злость переполняла его. Не желающая подчиняться ярость кипела в молодом сердце, отказывающемся повиноваться чужому выбору. Гудвину вдруг опротивела школа. В те минуты было забыто всё положительное, что вот уже несколько месяцев связывало его с этим местом.

Впервые появившись у ступеней огромного, прекрасно сохранившего себя за сорок лет службы людям, здания, Пол Гудвин чувствовал такой огромный душевный подъем, будто свершилось величайшее чудо на свете, хотя для будущего студента учеба в одной из лучших медицинских школ Нью-Йорка, действительно была чудом! Медленно поднимаясь по высоким мраморным ступеням, всегда чистым, словно не знавшим о существовании пыли, и ведущим к огромным входным дверям, парень пристально разглядывал открывшееся ему во всей красе творение человеческих рук. Огромные колонны молочного цвета, державшие фронтоны здания, потрясали своими размерами. Белые стены в утренних лучах солнца приобретали слегка оранжевый оттенок, придавая светлым краскам яркость и увеличивая без того огромное сооружение. Казалось, что ничего не мешает медицинской школе ещё сорок лет просуществовать в таком прекрасном виде, служа хранилищем богатых знаний и драгоценным ларцом, открывающим дорогу новым поколениям врачей. Как позже узнал Гудвин, среди студентов даже ходила шутка, что именно из-за привлекательности, из-за статности здания, уровень знаний учащихся в нем был гораздо выше, чем в других школах. Преподаватели, явно задеваемые этими словами, старались игнорировать любые восклицания молодых студентов о красоте школы.

Уже несколько месяцев Пол поднимался по мраморным ступеням, но все реже и реже ощущал тот прилив радости, которая всегда бывает, когда осознаешь, что осуществлены все твои надежды, преодолены все препятствия на пути к цели. Светлое чувство больше не желало появляться в виде счастливого выражения лица, но Гудвин всё ещё носил его в себе, чтобы иногда вспомнить и насладиться первыми приятными моментами, которые сопровождали его в медицинской школе.

Но ни ощущение удовлетворения от воспоминаний, когда Пол точно рассказывал схваченный на лету материал прошлой лекции, ни веселые истории в перерывах между занятиями, ни сияющие улыбками лица девушек, прохаживающих мимо здания школы в утреннее время, не смогли пробить стену негодования, вдруг выросшую в его сердце.

В дверях школы появился высокий худой парень, в очках, с сильно вытянутым лицом, покрытым шрамами от юношеских угрей. Грегг Аткинсон сильно комплексовал по этому поводу, думая, что большинство студентов избегают тесного общения с ним, по причине отталкивающей внешности. Но Грегг забывал, что он был самым большим занудой, и отличался от большинства учеников школы громадными знаниями, что вкупе и служило основной причиной неприятия его среди товарищей. Мозг у Грегга действительно работал отлично, отчего ему, до появления на курсе Пола, пророчили большое будущее все преподаватели. Конечно, Гудвин не мог помешать Аткинсону закончить учебу лучшим студентом, очевидно уступая ему в теории, но никто не мог сравниться с Полом при прохождении практических занятий. Аткинсона раздражала некая потеря уважения среди преподавателей, и он порой очень злился на Пола, хоть открыто боялся в этом признаться даже себе – он был прилично трусоват и нере-

шителин. Однако, возникавшее иногда в душе Аткинсона чувство негодования не помешало двум студентам, только познакомившись, быстро сдружиться. И хотя между ними не редко возникали споры, в основном из-за их полярных характеров или из-за желания Грегга показать свою состоятельность в обсуждаемой теме, к общему решению молодые люди приходили так же часто. Их долгие диалоги на высоких тонах о той или иной болезни, том или ином способе лечения, ни один раз слышали все сокурсники, многие из которых смотрели на спорящих с нескрываемой завистью. Для Пола эти споры были способом прийти к истине в вопросе, котором он сомневался; Грегг, в свою очередь, чувствовал, что ему приятно внимание со стороны знакомых, часто следящих за разворачивающимися спорами, но не решающихся влезать в разговоры по причине своей безграмотности, поэтому он почти всегда первый находил темы для диалогов, лишь бы привлечь к себе внимание студентов и преподавателей, иногда, к концу разговора забывая, чем он начинался.

– Пол! – Грегг побежал за другом. – Пол, стой! Я не очень люблю бег! А гонюсь за тобой от кабинета профессора!

Гудвин был уже далеко от школы, когда до него долетел голос Аткинсона. Пол сделал вид, что не услышал Грегга, но сзади вновь долетела просьба остановиться, после чего Гудвин сбавил шаг. Он подумал о том, как бы быстрее отделаться от назойливого товарища. Первое, что услышал запыхавшийся Грегг, было:

– Проваливай к черту, видеть тебя не хочу! Хоть бы слово сказал, а то только и делал, что головой кивал! – раздраженный голос Пола заставил нескольких человек, проходящих мимо студентов, в смятении оглянуться.

– Почему ты разозлился? Профессор просто дал нам очередное поручение. Я могу тебя уверить, что мы не первые, кому он дает подобные задания.

– Мне какая разница, как часто это происходит?! Кем надо быть, чтобы!.. Я не собираюсь этого делать! Ты одним своим присутствием напоминаешь мне о словах Хованьского, да так сильно, что хочется вернуться в лабораторию и двинуть ему пару раз! Чего ты хочешь? – чувство злости переполняло молодого человека. Он остановился, внимательно глядя на Аткинсона. Грегг хотел открыть рот, но Пол снова на него обрушился. – Я всё-таки не пойму, как ты мог промолчать? Тебя, лучшего студента на курсе, разве не возмущает это? Я не могу слов найти, чтобы объяснить, как это паршиво, Грегг?

Аткинсон заметно нервничал, постоянно поправляя свои очки. Стараясь показаться невозмутимым, он с трудом успокоил себя и произнес: – Пол, мы же учимся в медицинской школе. Мы будем врачами. И значит должны быть готовы ко всему. Подумай, сколько ты смертей увидишь, сколько крови тебе придётся смывать со своих рук! Я не вижу в поручении профессора ничего страшного. Мы просто поможем ему организовать занятие, а потом вместе будем проводить исследование. Нет, конечно, его слова немного выбили меня из колеи, но я всё обдумал и... – Грегг не закончил, видя, как с каждым его словом лицо Гудвина становилось всё более перекошенным от злости. Он лишь добавил: – Тем более, я слышал, что такие задания получают только те студенты, которые у него в почете.

– А я первый в их списке, – заметил Пол с усмешкой. Наивные слова Аткинсона немного его успокоили – теперь Пол хотел доказать другу, что тот оболванен профессором. Медленно, с чувством полнейшей уверенности в своих словах, Гудвин заговорил: – Он меня терпеть не может... И тебя тоже он терпеть не может... Ты только не видишь этого, поэтому он тобой легко манипулирует! Если кто-то учится лучше его сына, он...

– Пол, пожалуйста, говори потише! – испуганно оглядываясь по сторонам, прервал Пола Грегг, сердце которого бешено заколотилось при мысли, что их разговор может услышать кто-то из студентов и донести на него Хованьскому.

– Он отдаст все свои силы, чтобы сломать этого человека. Он будет его гнобить, оценивать его знания ниже действительных, – немного тише сказал Гудвин. – А всё лишь для того,

чтобы его отпрыск не чувствовал себя глупцом, каким он на самом деле является. Ты разве не заметил, что никто на курсе не получает больше лестных слов от преподавателей, чем Сарит.

– Пол, ты немного не прав, – поправив очки, с нотками обиды произнес Грегг. – Тем более, похвала, это не главное в нашей учебе, все решается, в конце концов, знаниями! А у Сарита их не так много, как...

Грегг устыдился закончить фразы, и Пол, будто бы не заметив слов друга, продолжил:

– Сарит такое же отвратительно создание, как и Хованьский, только пока ещё глупое! Две змеи, хитрые и пронирующие. Мне хватило всего пары занятий, чтобы понять это, а ты уже какой год здесь и всё думаешь, что на хорошем счету!

– Ты не прав! – уже более раздраженно произнес Аткинсон. – Профессор всегда давал мне самые важные поручения, он мне доверяет, позволяет работать в лаборатории в выходные. Мы с ним написали несколько статей, большая часть из них была опубликована в газетах. Разве это не значит...

– Всё, чего ты достигнешь, работая под его началом, он присвоит себе. Ты для него, как немой водовоз, – выкрикнул Пол. – В этих статьях упоминалось твоё имя? А результаты твоей работы под его началом кому больше выгодны, тебе или ему?

Гудвину надоел этот разговор, тем более, что он видел, как слеп был Аткинсон. Пол сошел с дорожки, чтобы дать возможность пройти группе студентов, и устало поглядел на Грегга, пристроившегося рядом. Тот хотел что-то сказать, что не решился. Оба помолчали.

– Я думаю, тебе нужно успокоиться, Пол. Просто подумай, что это...

Но Пол прервал слова друга взмахом руки. Он не хотел больше возвращаться к этому разговору, так как одна только мысль о подобной затее повергала его в шок. Единственной причиной, по которой Гудвин всё ещё не ушел, была вера в то, что к Греггу вернется разум.

– Пол, пойми, такой опыт пойдет нам только на пользу... – сказал, наконец, Грегг, и, снова увидев возмущенный взгляд друга, поправил себя: – Я имею ввиду, опыт исследования, осмотра, который мы будем проводить.

– Первые мною исследуемые люди находились в морге. И я больше всего не понимаю, почему и сейчас нельзя провести практику как обычно все это делали.

– Ты же сам слышал, профессор сказал, что это особый случай, и в морге сейчас нет подходящего экземпляра для обследования.

– Грегг, Грегг, хватит. Я не стану тебя слушать, можешь не распекайся, – не найдя в глазах друга поддержки, Гудвин закончил: – Увидимся завтра, Грегг. Надеюсь, ты одумаешься.

– Пол, я прошу тебя, не отказывайся, – не отступал Аткинсон, схватив друга за локоть. – Хотя бы ради меня, ради нашей дружбы. Для меня очень важно не опуститься в глазах преподавателей, а если я откажусь, это будет значить конец того, к чему я стремился все эти годы обучения здесь. Пожалуйста. Пол, мне без тебя просто не справиться.

Гудвин молчал. Аткинсон продолжил:

– Я знаю, что профессор Хованьский не самый хороший человек, я знаю, что о нём говорят, но я не могу потерять практику в его лаборатории, что непременно произойдет, если я не выполню его поручения. Помогите мне, прошу, это последнее, о чем я попрошу тебя!

– Тогда это последнее, с чем я тебе помогу, – отстраненно произнес Пол, после минутного молчания. – Как долго идти до кладбища?

– Часа полтора, не меньше. И если мы хотим успеть на погребение, то нужно спешить. Так ты согласен?

– Нет... не согласен, – сказал Пол и, не ожидая понимания от Грегга, поспешил напрямик туда, куда бы он меньше всего хотел попасть.

Кладбище Гринвуд не было кладбищем в прямом смысле этого слова. Оно, конечно, служило последним прибежищем для умерших, и похороны были частым делом здесь, но его

создатели сделали всё, чтобы огромные зеленые массы деревьев и кустарников, извилистые дорожки, лужайки перед могилами, прудик, небольшие каменные мостики, помогавшие преодолеть узкие ручейки, стали излюбленным местом горожан для прогулок и скрыли прямое назначение этого места. Кладбище казалось скорее парком, в котором часто попадались каменные плиты, теряющиеся под сетью дорожек и ручьев. Чувства Пола смешались; для него чуждо было такое неподдающееся разуму явление, как кладбище-парк. Заходя сюда, не обязательно было кого-то оплакивать и с отрешенным взглядом стоять у могилы умершего. Даже сейчас по тропинкам бродили, смеясь, люди, хотя неподалеку от них проходили чьи-то похороны.

– Успели! Толпа ещё не разошлась! – улыбнувшись, слегка восторженно произнес Грегг. – Теперь не придется самим искать могилу по всему кладбищу.

Двое студентов направились к месту захоронения, где собралось достаточно много народа. Пока они подходили, Пол заметил, на каком красивом участке хоронили неизвестного человека. Могила находилась перед невысоким, но крутым склоном, полностью поросшим ровной зеленой травой, и словно могучая стена, возвышавшимся на заднем фоне могилы. Пышный кустарник, окружал место захоронения с трех сторон, отчего показался Полу своеобразным забором, который готовился украшать могилу и защищать её от ветров. Это место было словно специально подготовлено для лежащего в гробу, что немало удивило Гудвина; чтобы хоть как-то ответить себе на вопрос, зачем нужно было высаживать эти кусты, он оглянулся по сторонам, и только тогда заметил, что подобные насаждения росли вдоль всего пригорка, и кое-где уже возвышались надгробия, другие места ещё пустовали.

– Здесь все так необычно сделано... Мы на похороны к президенту пришли? – спросил скорее самого себя, чем Аткинсона Пол. Молодые люди стали пробираться в толпу народа, схватывая обрывки разговоров об упокоившим свою душу человеке.

– Я никогда не могла представить, что такое может случиться с Виктором, – слышались слова пожилой женщины, вытирающей платком влажные от слез глаза. Мужчина, стоявший рядом, тяжело произнес:

– Согласен с вами! Мистер Лонгман был не из тех, кто бы мог напиться до беспамятства и покончить с собой.

Студенты подошли так близко, что смогли разглядеть, на какую глубину опущен гроб, Пол даже заметил, что крышка гроба, вырезанная в виде тела человека, держащего в руках карандаш с блокнотом, двумя мощными замками была прикреплена к ящику, в котором лежал покойный. Мысленно выругавшись, Гудвин продолжил рассматривать место погребения.

– Два замка; нам придется попотеть, – у самого уха Пола прошептал Грегг, тоже внимательно наблюдавший за происходящим. – Хорошо ещё, что могила находится не в центре парка, не то бы мы даже в две ночи не отыскали её.

– Расскажи об этом погромче, я думаю, тебя поддержат те, кто хочет побыстрее отсюда уйти.

Грегг понял упрек друга и замолчал, прислушиваясь к голосам людей, стоявших позади них.

– Бедняжка, она же совсем убита горем, – грустно произнесла какая-то женщина.

– Ещё бы... насколько я знаю, она была единственным близким родственником Виктора, племянница или внучка, я не помню точно. Кэтрин, может быть, пойдем отсюда, посмотри на себя, ты совсем бледная!

– Нет... нет, дорогой, всё хорошо, давай дождемся конца молитвы, а потом пойдем, вместе... – не дослушав слова женщины, Гудвин стал искать глазами девушку, о которой говорили. Она стояла напротив него, вся в черном, сложив руки на груди и едва слышно плача. Приятная внешность молодой девушки сейчас была скрыта горем, надолго посетившим её. Несомненно, это она была близкой родственницей умершего. Её бледное осунувшееся лицо отчетливо говорило, как много страданий перенесла девушка в последнее время. Слезы капали

из её глаз, тонкая полоска бледных губ всё время подрагивала. Было видно, как в тщетных попытках девушка пытается скрыть свою боль, как старается держать себя в руках и не плакать, но ей было очень тяжело это делать. Полу на секунду пришло в голову, что создатели этого кладбища никогда никого не теряли, иначе бы поняли всю бессмысленность идеи сделать из обители страданий уголок для прогулок и отдыха. Ещё раз посмотрев на девушку, которой удалось немного успокоиться, слушая молитву пастора, Гудвин стал пробираться сквозь толпу провожающих, подальше от слез и праведных речей. Ему вдруг отчетливо вспомнились похороны матери, прошедшие несколько месяцев назад, слезы сестры, которая ещё три недели не могла прийти в себя после потери, и молчаливое отстраненное выражение лица их отца, потерявшего часть себя.

– Я не могу этого сделать! – с болью в голосе произнес Пол, отведя Грегга в сторону от собравшейся толпы. – Это низко. Ты видел ту девчонку? Она же не простит мне этого! Я не могу сделать ей ещё больше! Я очень хорошо её понимаю! Нет! Не могу!

Кто-то из края толпы тревожно и с упреком посмотрел на нарушителей тишины, которая могла законно прерываться лишь шарканьем лопат о влажную землю и слезами утраты. Уверенно взглянув на друга, Грегг, тихо запротестовал: – Ты что, Пол! Подумаешь, девчонка! Ей завтра же станет всё равно на своего... кто он ей там! А он... он сможет послужить нам!

Пол немного помолчал, затем сказал с досадой:

– Ты не хочешь понять, Грегг! Поставь себя на её место и представь, чтобы чувствовал ты, если бы могилу твоего отца или матери раскопали бы сразу после погребения. Да не важно, пусть хоть через год. Да когда угодно! Чтобы ты чувствовал?

– Пол, пожалуйста, говори тише! Мы уже сделали половину работы. Дело за малым! Нам теперь нужно определиться, с какой стороны забраться на кладбище, договориться о встрече и, считай, дело сделано! Ты видел, что у входа постоянно трутся рабочие, они делают ворота, и я полагаю, ночью эти ворота охраняет сторож. Так что заходить нам лучше подальше от тех мест.

Гудвин ничего не ответил; взглянув издали ещё раз на девушку, закрывшую лицо руками и громко заплакавшую по окончании погребения, он обреченно покачал головой и зашагал прочь от места похорон, чтобы не видеть больше этих ужасных мук и не чувствовать все усиливающихся угрызений совести.

– Я считаю, лучше всего перебраться через... – оборвал себя Грегг, когда они поравнялись с пожилой парой, неспешно шагавшей по парку и, лишь когда дорожка свернула и они оказались одни, продолжил: – Наверное, присматривают себе место.

По раздражительному взгляду Гудвина, Грегг понял, что это была очень неудачная шутка.

– Я... я просто хотел сказать, что считаю, нужно перебраться через забор, в месте, ближе всего расположенном от могилы, – оправдываясь, стал объяснять свой план Грегг.

– Вижу, прогулка по кладбищу вдохновляет тебя на банальные идеи!?! – грубо заметил Гудвин. Энтузиазм Грегга как рукой сняло.

– Нет, в общем... – нерешительно ответил тот. – У тебя есть другое предложение?

– Нет, но давай всё же обойдем кладбище и посмотрим, что к чему.

Обогнув по периметру кладбище, студенты остановились примерно там, где хотел перебраться Аткинсон. Расстояние от могилы до заборчика, высотой чуть больше метра, оказалось гораздо больше, чем предполагали студенты. Но Грегга, казалось, это нисколько не беспокоило; он спокойно и не спеша разглядывал улицу, лежащую через дорогу от кладбища, запоминая ориентиры, чтобы ночью не заблудиться. Пол же отстраненно смотрел на друга, не замечая того, что тот делает. Гудвин никогда не страдал от отсутствия силы духа или терпения, но он не мог заставить себя думать о предстоящей ночной работе, так как знал, что тогда его никто не сможет заставить сделать то, о чем его так уговаривал Аткинсон. Закончив осмотр ограждения, запомнив место, которое ночью должно оказаться входом на кладбище и, договорившись

об инструментах (Грегг должен был принести их из школы, где собирался пробыть до позднего вечера), молодые люди сухо попрощались. Остаток для Пол провел в жутких терзаниях.

Вечер выдался спокойный, безветренный. Солнце уже зашло, чем обрадовало большинство влюбленных парочек, ищущих уединения в вечерней мгле. Остальных же людей становилось всё меньше; рабочие, трудившиеся над воротами кладбища, убирали свой инструмент и, в очередной раз, посмотрев на своё детище, шли отдыхать, зная, что завтра у них будет много работы. Люди, деревья, дороги – всё приобретало один и тот же цвет. Всех накрывала завеса ночи. Во многих окнах ближайших к кладбищу домов загорались свечи или керосиновые лампы. Их не хватало, чтобы осветить хотя бы несколько метров вокруг дома, не говоря уже о дороге и улице, на которой в ту пору ещё не были установлены газовые фонари.

Грегг мог бы спокойно пройти посередине дороги, оставшись при этом никем не замеченным, но от сильного волнения, он не рискнул сделать этого и подкрался к назначенному месту через задворки домов, расположенных на улице, которая днем была выбрана ориентиром. Потоптавшись немного у ограды, парень испугался, что его фигура ночью рядом с кладбищем может выглядеть подозрительно, поэтому перебежал через дорогу, идущую вдоль кладбища, к домам, и стал ждать Пола у одного из маленьких ветхих строений, где ему было не так страшно.

Но если бы его сейчас кто-то увидел, то, несомненно, принял бы за вора, следящего за улицей, пока его напарник крадет ценные вещи из дома, так сильно Грегг нервничал. Он шагал взад-вперед, постоянно поправлял свои очки, то складывая руки на груди, то засовывая их в карманы брюк. Время шло, Пол не приходил, что ещё больше волновало молодого человека; у него даже появились мысли о том, чтобы убежать отсюда. Наконец, он услышал чьи-то шаги. Да, это был Гудвин, его походку Грегг узнал даже в сгустившейся тьме. Пол всегда ходил очень быстро, отчего его тело было больше обычного наклонено вперед, а руки совершали более резкие взмахи; объяснял Пол свою манеру передвигаться перенятой от отца привычкой, который всегда куда-то торопился. Грегг тут же направился навстречу Гудвину, и когда они подошли друг к другу, Пол оглядел друга, и недовольно спросил:

– А где инструменты?

– Пол, я не понимаю, что могло произойти, но кладовая с инструментами была закрыта... Ключа нигде не было. Я, как всегда, остался в лаборатории до вечера, а потом пошел на нижние этажи. Я... я не знаю, профессор говорил, что он оставит открытой комнату с инструментами, но та была заперта, – повторившись, промычал Грегг в своё оправдание. От волнения он снова поправил очки, хотя те этого не требовали.

– Почему я не удивлен! – посмотрев по сторонам, спокойно заметил Гудвин. – Дав нам такое задание, Хованьский просто не мог забыть своих слов. Тебе не кажется это странным? Может, плюнем на профессора с его мертвецами? Я не записывался в сводники.

Казалось, Аткинсон будто потерял способность здраво мыслить. Он не мог понять, шутит Пол или нет. В очередной раз сложив на груди руки, Грегг поинтересовался:

– Ну, и... что будем делать?

Пол снова огляделся, надеясь, что это ему поможет ответить на вопрос товарища.

– Пойдем к воротам. Может строители не унесли инструменты... – неуверенно произнес он.

– Там наверняка охранник...

– Тогда по домам!

– Нет, нет, это исключено!

Полу нечего было ответить, он лишь усмехнулся, отвернувшись от друга. Быстрым шагом парень направился в сторону главного входа. Грегг засеменил вслед. Довольно долго они брели вдоль забора. Последние метры до главных ворот им пришлось преодолевать ползком. Насыпь

земли на их пути послужила отличным укрытием от ненужных глаз, хотя становилось все темнее, и можно было не бояться быть замеченными. Газовыми горелками освещалось лишь небольшое пространство у входа в невысокую башню, соединенную с воротами. Башня должна была служить украшением парка. Тусклый свет не давал понять, оставлены ли где-нибудь поблизости инструменты. За воротами мирно ждал утра едва видимый подъемный кран, рядом неподалеку от него лежала груда камней.

– Я ничего не вижу! И мне кажется, здесь нет инструментов, – вглядываясь перед собой, прошептал Пол.

– Сторож, наверняка, внутри. Нужно его выгнать оттуда, чтобы можно было поискать инструменты в их коморке, – ответил Грегг Полу, и, указав на кран, добавил: – Я забегу за кран. И попробую вывести охранника из башни, а ты найди лопаты.

Гудвин с удивлением посмотрел на друга – он явно не ожидал от своего напарника такой прыти.

– Грегг, а ты сможешь увидеть что-нибудь в темноте с твоим зрением?

– Твои шутки, Пол, сейчас совсем не уместны, я всё обдумал, и пришел к выводу, что лучше смогу справиться с этой работой, чем с проникновением внутрь, – прошипел через плечо Аткинсон, огибая насыпь земли.

Полу показалась эта идея вполне осуществимой и недолго думая, он стал подходить к недостроенному зданию, стараясь вжаться как можно сильнее в забор, чтобы не быть замеченным, если кто-нибудь выйдет наружу. Его товарищ, осторожно, пытаясь не попасть на свет, перебежал через дорогу и, подойдя к крану, взобрался на его помост. Ключки освещения, которые долетали сюда, помогли найти рычаги управления, и студент надавил на один из них. Ничего не произошло. Он подергал второй – то же самое. Поправив очки, он ещё раз подал вперед первый рычаг. Всё та же долгая тишина. Выяснить причину неработоспособности крана у него не было времени. Краем глаза Грегг заметил движение рядом с дверью; это Пол делал ему отмашки к началу действий. Медлить было нельзя; Грегг спрыгнул с крана, сделал несколько шагов к груде камней, и стал шарить рукой по их граням. Найдя несколько небольших кусочков бетона и камня – это заняло у него приличное количество времени – он хотел их уже бросить в запертую дверь, но не успел – не дождавшись друга, Пол сильно постучал в дверь, и мигом спрятался за стеной башни. На мгновение Грегга охватила обида за нетерпение друга, но он проглотил её, обвинив себя в нерасторопности, и стал ждать, когда выйдет охранник. Ожидание заняло не больше десяти секунд. Едва Гудвин успел скрыться из виду, как дверь открылась, и оттуда вышел немолодой мужчина в робе охранника и с дубинкой в руке. Бросив отсутствующий взгляд на следы строительства, посмотрев по сторонам и ничего не заметив, он покрутил рукой свои усы, развернулся, и уже было зашел обратно, как о стену над его головой ударился камень, и отлетел ему в лицо.

– Ай... – крикнул он, схватившись рукой за щеку. Быстро развернувшись, он ещё раз оглядел всё вокруг, и, обратившись к кому-то внутри, зло крикнул: – Милнер, тут какие-то подростки, я пойду их прогоню, а ты будь начеку, да смотри не усни. Слышишь там!!! – И если он кого-то и напугал своим гневным рыком, то уж точно не своего напарника. Лишь невнятное бормотание было ответом на его крики.

– Ай, как же больно. Подонки, только попадитесь мне! Я уши вам поотрываю! – угрохотал охранник, направившись в сторону, откуда, на его взгляд, прилетел камень. И уже более тихо запричитал: – Уволюсь к чертям! Не хватало мне ещё ночью по кладбищу бродить! Надо было слушать Мардж. А ещё этот пьяница! Нет, точно уволуюсь.

Пол не преминул воспользоваться отсутствием сторожа и прошмыгнул к двери. Она на его счастье оказалась приоткрыта, и он заглянул внутрь. Длинный узкий коридорчик почти не был освещен, но видно было, что он заканчивался дверью, за которой, как подумал Гудвин, сидит второй сторож. Он обернулся – усатого не было видно, и, надеясь на то, что Грегг его

сможет подольше отвлечь, Пол вошел в помещение. Ему в глаза бросилось темное пятно двери слева в конце коридора, которую в первые секунды он не заметил. Что-то ему подсказывало, что инструменты искать нужно там, и когда дверь покорно открылась, Пол немного удивился, что её не заперли на замок. Протиснувшись внутрь комнаты, парень стал искать инструменты; быстро обшарив руками первые две стены, он нашел то, что искал, и, схватив в руки две лопаты и тяжелую металлическую палку, вышел из комнаты обратно в коридор. Длинные черенки инструментов мешали двигаться быстро и тихо, отчего Гудвину, чтобы добраться до выхода пришлось остановиться два раза и удобнее перехватить руками лопаты. Выходя из башни, он наткнулся на отчего-то взбешенного сторожа. Тот первый понял, что к чему, и быстро потянулся рукой к дубинке, но тут же упал, будто потерял под ногами землю, а Грегг, стоящий за ним, трясаясь от волнения, поправлял очки, и держал в руках большой камень.

– Он... он жив? Пол, он жив? Я же не хотел? Я же, я... думал, что он тебя...

– Тихо ты! Давай его оттащим в тень! – потребовал Гудвин, отложив в сторону инструменты. В ту минуту Пол засомневался, что Грегг является хорошим помощником в такого рода делах. Сейчас он скорее был похож на ноющую обузу.

– Очухается, нужно спешить! – прошептал Пол, убедившись, что охранник всего лишь без сознания. Грегг побежал первый, забыв, что его товарищу приходилось тащить две лопаты и лом; остановившись, он быстро вернулся, взял один инструмент и, стыдясь своего суматошного страха, поплелся за Полом. Они шли быстро и не разговаривали. Без освещения поиск могилы занял у них достаточно времени. Наконец, они приступили к работе. Пол начал копать первый, он постоянно оглядывался по сторонам, хотя за обстановкой всё время следил Грегг. Могильной плиты ещё не было, да и земля не усела, поэтому копать было легко. Пару раз они прекращали раскопки и прятались в ближайших кустах, слыша вдали какие-то голоса. В это время Грегг причитал: – Надо было и второго оглушить, теперь нас найдут.

– Отчего же сразу не убить обоих, – пытаясь успокоить Аткинсона, шутил Пол, и как только всё стихало, они вновь принимались за работу. В свою очередную смену Грегг попал лопатой по крышке гроба.

– Есть! – чуть ли не закричал он от радости.

Пол спрыгнул в яму и начал стучать по гробу ногами. Глухой звук был самым счастливым для него в тот момент. Посмотрев на Грегга с улыбкой, потому что не улыбнуться в тот момент нельзя было, Гудвин схватил свою лопату, и вместе они завершили дело.

– Будем поднимать гроб? – спросил неуверенно Грегг, осматривая его со всех сторон.

– Нет, надо открыть крышку и достать тело, – говоря это, Гудвин потянулся за ломом и стал бить по замку.

– Стой, стой, стой, – испуганный Грегг схватил его за руки и тихо проговорил: – Это не очень хорошая идея. Слишком громко.

– Просто не останавливай меня, и мы скоро отсюда уберемся! – с этими словами Пол вставил металлический стержень в замок и надавил на него. Сухой треск дерева успокоил обоих.

– Грегг, помоги.

Тот взялся обеими руками за лом, и они сделали ещё одну попытку; дерево вновь затрещало и, наконец, поддалось – замок был сорван вместе с куском крышки. Та же участь постигла и второй замок. Всё, что смогли они разглядеть в темноте, открыв крышку – легкий мешок, в котором видимо было тело.

– Эй, вон они! Я их вижу! – закричал мужской голос неподалеку. – Стоять! Стоять, мерзавцы, я сказал! – возмущенно кричал сторож, спеша к расхитителям и поправляя свою слепающую шляпу. Это был тот несчастный, которому так не повезло при их первой встрече.

– Бери за ноги, – крикнул Пол, схватив труп в районе головы.

Выбросив тело из ямы, сокурники вылезли сами; пару секунд, потребовавшихся на то, чтобы подняться во весь рост, не позволили Полу отреагировать на резкий удар дубинкой в бок.

Вскрикнув, он схватился за ушибленное место и, заметив краем глаза, как сторож делает очередной замах, успел увернуться от второго удара. Разрезая воздух, дубинка пролетела рядом с лицом Пола и, может быть, полетела бы в обратную сторону, если бы не Грегг; схватив лопату, он, что было мочи, ударил рукояткой по спине сторожа. Тот, охнув, упал, наверняка снова проклиная про себя и Грегга и свою работу.

Пол быстро пришел в себя; держась за больной бок, он наклонился к мешку с трупом.

– Грегг, помоги мне! Нужно скорее уходить!

Они подняли тело и забросили его на плечо Пола. Зашатавшись от тяжести мертвого груза, Гудвин чуть было не упал, но поддерживаемый товарищем, быстрым шагом направился к забору.

– Думаю, если он тебя ещё раз встретит, то ни за что не повернется к тебе спиной!

– Ты о ком?

– О стороже! А как ты думаешь, он запомнил твоё лицо?!

– Пол, это не смешно! Ты, правда, считаешь, что...

– Не бери в голову, лучше следи за дорогой. Стой, поправь тело! Да, вот так! Побольше вперед подай. Хорошо, а то я едва не выронил его.

Обогнув склон – с телом подниматься на него не было возможности – они услышали крики и ругательства у места событий. Грегг испугался, что их заметили и сейчас догонят и, придерживая Пола, заговорил:

– Надо было тебя послушать, это была не очень хорошая идея... Если нас поймут, моей учебе, а значит и карьере, конец.

– Как много причин для наступления твоего конца! – вспомнив утренний разговор, пропыхтел под тяжестью груза Пол.

– Мама не переживет, если меня посадят в тюрьму. Она так мечтала, что сможет приходить ко мне в кабинет, где я буду осматривать её больные ноги. Где же этот забор!

– Если ты выдашь им Хованьского, тебе, наверняка, дадут условный срок! Хотя мне кажется, профессора посадить не смогут... и тогда... тогда, он очень постарается, чтобы ты не доучился в школе.

– Пол! – едва ли не подпрыгнув на ходу, крикнул Грегг.

– Что? Мы уже практически выбрались! У меня болит бок, а на плече я несу мертвеца! И, по-твоему, я не должен шутить!? Извини, Грегг... ух... но если я тоже стану причитать, далеко мы не уйдем! – он немного помолчал. – Тяжело всем. Ты не представляешь, как тяжело сейчас мне, ведь мои мечты о карьере, с Хованьским становятся совсем эфемерными, к тому же у меня нет матери, которая будет оплакивать мою неудачу, а более того! Стой! Секунду передохнем! А более того, я пренебрег всеми своими убеждениями и принципами, чтобы помочь тебе, хотя чувствую, мое самаритянство дорого мне обойдется. А может мне должно быть легче, ведь если я попадусь, то переживать будет не о чем! Я-то теряю не так много, как ты! В общем, хватит, Грегг, у меня нет сил тебя успокаивать! Перелезай через забор, я тебе подам тело.

Греггу вдруг сделалось снова стыдно; он вспомнил о том, как недавно сам уговаривал Пола выполнить задание профессора. Не говоря больше ни слова, студент быстро перебрался на противоположную сторону забора и, протянув руки, перехватил мешок с трупом.

– Итак! Давайте определим, какие повреждения мы наблюдаем на теле данного объекта! – с улыбкой обратился к окружившим его студентам мужчина средних лет с немного нервным, постоянно бегающим взглядом, отчего каждому из присутствующих казалось, что этот взгляд направлен именно на него. Небольшие размеры лаборатории, где с двух сторон от длинного стола, за которым часто проводились практические работы, столпились студенты-медики, лишали их всякой возможности спрятаться от этого взгляда, а, следовательно, и от вопросов со стороны профессора, который может быть поэтому решил не проводить занятие в лекци-

онной аудитории. Внешний вид мужчины открыто говорил о том, что он ведет долгую холостяцкую жизнь. Его маленькое безволосое лицо отливало жирным блеском, равно как и лоснящиеся, кучерявые волосы; создавалось такое впечатление, что он никогда за собой не следит, не умывается и не моет голову. Желтые зубы и кривая его улыбка многих отталкивали, но, тем не менее, профессор умел притягивать к себе людей, более того, у многих он вызывал уважение. Конечно, его уму можно было позавидовать и, именно поэтому он постоянно окружал себя студентами и преподавателями. Но всё-таки профессор был гнилым человеком, чего не мог заметить только тот, кто с ним не был знаком. Своенравность, доведенный до высшей степени эгоизм, частое неуважительное отношение к студентам, жуткий консерватизм, пренебрежение к любым словам, которые произнес не он сам – такого профессора особенно хорошо знали те студенты, которые хотя бы раз пытались не согласиться с Хованским. Гудвин же, в этом плане был в авангарде, можно даже сказать, без лошади опережал тех, кто был верхом на скакунах. Иногда, имея хорошее настроение, профессор мог преобразиться во что-то спокойное и улыбающееся, но, и это спокойное и улыбающееся всегда сопровождалось язвительными насмешками, упреками, а то и вовсе откровенными издевательствами над окружающими, хотя последние и должны были воспринимать их, как комплимент в свой адрес, ведь хорошее настроение у профессора бывало не каждый день. Пол так делать не мог; он почти сразу, как только они познакомились, понял, что не сумеет поладить с таким скользким человеком, жалкий внешний вид которого скрывал в себе много более страшное существо.

Профессор Хованский стоял над телом пожилого человека, который умер, как утверждал сам преподаватель, от многочисленных переломов, не совместимых с жизнью, после падения под поезд. Белый халат, надетый на профессора, был ему велик, и широкие рукава постоянно терлись о мертвое тело. Но Хованский этого не замечал; он, то опускался к трупу и на несколько минут уходил в себя, внимательно разглядывая раны умершего, то поднимая голову, спрашивал у одного из своих студентов его мнения по какому-либо вопросу.

Собравшаяся группа студентов уже неоднократно встречалась с покойниками, и этот очередной раз не вызвал у медиков каких-либо новых эмоций, лишь различную степень отвращения к трупу, отчего, как и всегда, желание изучать раны на теле мертвеца у многих сильно упало.

Позади всех, подпирая длинный шкаф с колбами, наполненными жидкостями разного цвета, стоял грузный профессор Монсон, лысину которого часто покрывали капельки пота. С тех пор, как профессор занял должность первого помощника ректора, он стал отвечать за финансовые вопросы школы, а так же контролировать всю бюрократическую машину учебного заведения, к концу каждого года обучения отвлекаясь на вопросы трудоустройства студентов, при этом полностью отойдя от преподавания дисциплин. Но иногда Монсон захаживал на занятия к коллегам, пугая студентов своим присутствием, хотя единственное, зачем профессор это делал, было желание успокоить свою совесть, которая говорила ему, что занятия бумажной волокитой, в отличие от обучения молодых людей, убивают в нем уважение к самому себе. Сейчас Монсон молча наблюдал за практикой студентов, быть может что-то отмечая в своей голове. Будущие врачи заметно волновались в присутствии этого человека.

– А если быть более конкретным, давайте выявим причину смерти этого... уже далеко не молодого мужчины. Мистер Роджерс, что вы можете, глядя на труп, сказать нам?

Роджерс только виновато покачал головой – он никогда не участвовал в подобных практических занятиях, так как считал, что тело умершего человека должно как можно быстрее быть предано земле, а не служить предметом исследований. Но и ни одной практики Роджерс не пропускал, так как серьезно связывал свое будущее с врачебной деятельностью и боялся упустить что-либо важное, молясь лишь о том, чтобы он как можно реже в будущем сталкивался с подобными процедурами. Вообще, Роджерс через несколько лет видел себя заместителем главного врача любой подходящей для него больницы, понимая, что марать руки в крови

ему не нужно будет, да и ответственность за разного рода проблемы больницы будет лежать не на нем. Хованьский, зная мнение своего студента в этом вопросе, не упускал случая едко связвить.

– Мистер Роджерс, я часто думаю, что вам бы стоило скинуть халат врача и облачиться в сутану. Уверен, прихожане бы вас очень уважали за вашу чрезмерную преданность Богу. Ну, пусть будет так... мистер Эванс, что вы думаете о характере повреждения грудной клетки?

Высокий худой парень, который первый раз видел настолько изувеченное тело, услышав своё имя, не сразу смог сообразить, что обращаются к нему. По выражению лица студента отчетливо можно было понять, насколько сильно в нем было желание убраться из лаборатории. Он был одним из самых слабых студентов в группе, полностью лишенный какого-либо самоуважения, отчего Хованьский старался унижить Эванса, едва ли не чаще, чем Роджерса. Вообще, лентяев и недотеп было очень мало как на курсе, так и во всей школе, но Даррен Эванс был как раз из тех, кто не был предназначен для занятия врачебной деятельностью.

– Профессор... – он сглотнул. – Я думаю... мне кажется, что... Ребра проломлены в одном месте, будто их вдавил туда кто-то, чего, мне кажется, не должно быть, если человека сбивает поезд. То есть я хочу сказать, что это слишком локальное повреждение для упавшего под поезд человека, – слова студента звучали взволнованно и отрывисто, и, если бы парня окружали не понимающие его люди, а обыватели, то наверняка не поверили бы ему.

Профессор удивился ответу молодого человека, но тут же с улыбкой заметил.

– Хорошая версия. Спасибо, мистер Эванс. Вот, мистер Роджерс, смотрите, порой даже самые бездарные люди способны выражать умные мысли.

За спинами студентов послышался кашель профессора Монсона. Хованьский не обратил на замечание помощника ректора никакого внимания и продолжил с легкой улыбкой.

– А что думает наш умный друг, Аткинсон?

Грегг протиснулся немного поближе, для чего ему пришлось оттолкнуть в сторону двух сокурсников, широкие спины которых закрывали ему весь обзор. Уставившись на мертвеца горящими от желания раскрыть тайну смерти глазами, он внимательно оглядел труп. По лицу студента невозможно было сказать, что ночью он испытал сильнейший страх, так светилось его лицо от чувства собственного превосходства над остальными студентами и от уверенности в том, что он обязательно даст верный ответ.

– Мое мнение таково, профессор, – Грегг поправил очки и с таким видом, будто читает доклад о своем научном открытии перед огромной аудиторией, проговорил: – Мне трудно определить, для этого нужно было бы осмотреть внутренние органы, но мне кажется, что серьезными заболеваниями он не страдал. По виду кожи этого мужчины я бы сказал, что для своего возраста он очень даже был здоров. Для того, чтобы продолжить, я подробнее опишу повреждения, найденные нами на его теле. На голове, справа от затылка, след от удара. Или даже от нескольких ударов. Предмет, которым были нанесены удары, представлял собой нечто круглое. И тяжелое. Посмотрите, форма вмятины без каких-либо зазубрин или неровностей. Если бы он ударился о рельсы, мы бы не видели такой картины. А уж, если бы его голова попала под поезд, думаю...

– У нас с воображением всё в порядке, Аткинсон. Хватит уже! Профессор, разрешите мне высказать свои мысли? – громко поинтересовался Конол, невысокий коренастый парень, изучение медицины которым закончилось на втором году обучения, когда он, войдя в группу иммигрантов из Ирландии, откуда сам был родом, стал зарабатывать на жизнь мелкой торговлей и воровством на благо группы. Продолжал он учиться только из-за жалости к старой матери, которая мечтала видеть своего сына врачом.

Хованьский ничего не ответив Греггу, обратился к этому студенту.

– Попробуйте, – сказал он. Преподаватель находился в весьма возбужденном настроении, но совсем не от ответов студентов, как показалось Полу. Гудвин, внимательно следивший

за происходящим, подумал, что профессору наплевать на ответы медиков, а причина его радости скрывалась в чем-то неведомом для него.

– Спасибо. Мой...

– Подождите, профессор, я же ничего толком не сказал! Я только начал! – Грегг удивленно переводил свой взгляд то на профессора, то на сокурсника.

– Аткинсон, ты здесь ни один, мы тоже можем похвастаться своими знаниями! – быстро вышел из себя ирландец. Ища помощи, Грегг уставился на Хованьского, но тому ничего не пришлось отвечать, так как Конол быстро продолжил:

– Мой покойный папаша скончался на собственной конюшне от удара лошади. Её копыто прилетело ровно в грудь отцу, отчего у того повредились легкие, и уже через три дня я с ним простался на кладбище. Я видел его грудь после удара, и скажу вам, что у этого человека примерно такая же по глубине вмятина.

Ответ студента не нес с собой никакой информационной нагрузки, но Хованьский понимающе закивал головой. Затем дали свои ответы ещё несколько студентов. Гудвин стоял напротив профессора, не первый раз оглядывая мертвое тело. Он несколько раз хотел отметить характеры ранений, но профессор будто бы специально его не замечал, давая возможность отвечать любому, кроме Пола. Студента это злило, как злило и непонимание странной хитрой радости профессора, явно не связанной с занятием. Гудвин уже было открыл рот, чтобы высказать свои предположения о насильственной смерти мужчины, когда Хованьский вновь заговорил:

– Итак, что же у нас есть?! Сарит, ты ничего не хочешь сказать?

Молодой человек со взглядом, чем-то напоминающим взгляд преподавателя, другого сходства в них не было, подался вперед. Ничего необычного в этом студенте не было: среднего роста парень, с симпатичным лицом, и весьма узким кругозором. Он, возможно, до конца обучения оставался бы незамеченным никем, если бы не одно обстоятельство, благодаря которому Сарита Уолсена знала вся школа – он был сыном профессора. Гудвин, то ли от нелюбви к профессору, то ли от чрезмерной фантазии, нашел в сокурснике точную копию отца. Так или иначе, но во взгляде Сарита, по мнению Пола, точно был скопирован хищнический и надменный взгляд профессора. Сарит заговорил, и слова его были настолько уверенными, будто он точно знал причину смерти старика:

– Этот человек умер не той смертью, о которой сказал профессор. Я думаю, его убили.

Все посмотрели на Уолсена с удивлением; некоторые почувствовали зависть к Сариту, который первым произнес давно витавшую в воздухе мысль. Пол был уверен, что студенты давно уже думали об этом, просто боялись предложить подобную версию смерти. Всё-таки, не каждый день обследуешь убитого кем-то человека, и мысли о насильственном лишении жизни невольно пугают тех, кто занимается осмотром. Сарит продолжил:

– Убили чем-то очень тяжелым с закругленным концом, как и сказал Аткинсон. Ему наносили множество ударов в грудь, в голову и в живот. Помимо этого я увидел, что у трупа переломаны пальцы на левой руке. Посмотрите! – кивнул он в направлении бледной конечности и ловко поднял левую руку мертвеца на всеобщее обозрение.

– Пальцы сломаны именно по фалангам, что говорит не о случайности переломов. Все, наверное, увидели, что нижняя челюсть немного смещена от центра вправо. Я думаю, что этому послужил удар в район височной кости, где видна едва заметная вмятина. Видимо удар пришелся в место соединения основания черепа с челюстью, от чего повредился сустав и та отошла в сторону.

Грегг, внимательно рассматривающий голову мертвого человека, вдруг схватился за свою, и тихо пробормотал: – Как же я сам не заметил... ммм...

– Так же у убитого переломана ключица, что очень легко увидеть, даже не прикасаясь к нему, если только немного изменить угол обзора. Здесь я не могу точно сказать, что

послужило причиной этой травмы, может его ударили, может, он упал, ударившись о рельсы, и именно тогда ключица сломалась.

Эванс с отвращением отвернулся и вышел из лаборатории.

– Я не раз говорил, что мистер Эванс никогда не был годен для занятий с отработанным материалом, – прокомментировал слабохарактерность студента Хованьский. Помолчав некоторое время, Сарит закончил с некоторым превосходством в голосе.

– В добавление, могу только повторить слова столь чувствительного Эванса, о том, что если бы этого человека сбил поезд, вряд ли бы его тело настолько хорошо сохранилось.

Профессор Монсон, очевидно, восхищенный ответом студента, одобрительно закивал головой. «Только и умеешь, что повторять чужие слова» – подумал Пол. Заносчивость Уолсена его раздражала, и Гудвин был более чем уверен, что Сарит не мог сам прийти до таких заключений; мысль о том, что ему всё рассказал профессор, привела парня в бешенство.

– Прекрасные выводы, на мой взгляд, – сказал Хованьский, улыбнулся и повторил: – Достойный ответ. А теперь, давайте займемся вскрытием, и посмотрим, найдем ли мы внутри этого человека подтверждение выдвинутой гипотезе.

Подтверждение нашлось быстро. Пол даже подумал, что патологоанатом, занимавшийся стариком, весьма искусный человек, раз он смог привести тело в полный порядок. Потому что внутренности мужчины кричали о том, как много они получили увечий и травм. Если бы к мертвому человеку была применима фраза «живого места не осталось», именно её бы произнесли все, кто был на занятии, хотя справедливости ради нужно отметить, что если бы человека сбил поезд, картина была более ужасающей.

– Ну, что ж! – решил подвести итог профессор после часового осмотра внутренних органов старика. – Думаю, все со мной согласятся, что этого человека действительно не сбивал поезд; мужчину жестоко убили. Так что, я могу поздравить вас всех, в особенности тех, кто выдвинул правильную версию.

Некоторые студенты до сих не пришли в себя после увиденного, поэтому мало кто заметил профессорское «в особенности». Хованьский ещё раз обвел взглядом присутствующих, затем накрыл предмет исследований тканью, и громко сказал: – Раз ни у кого нет вопросов, я поздравляю вас с прекрасно проведенным обследованием тела человека и определением причины его смерти!

– Профессор, – доселе молчавший студент Барни Росс, решил задать вопрос. – А откуда у нас в школе этот труп?

Ничуть не смутившись, Хованьский произнес: – Мистер Росс, как много раз вы бывали в морге?

– Довольно много.

– Читайте, что сегодняшнее занятие было моим вам подарком, ведь вы же не будете спорить, что сегодняшняя практика была гораздо продуктивнее во всех отношениях, чем если бы занятие проходило в морге, где вы были бы один на один с мертвецом, и вас всё время торопил бы патологоанатом. На самом деле, мой хороший друг, знающий анатомию человека лучше нас всех, но долго болевший, снова начал резать людей, и оказал мне эту маленькую услугу – ради приобретения вами опыта – он позаимствовал тело этого бедняги, которое сегодня послужит ещё несколько раз объектом исследований другим группам, затем я распоряжусь, чтобы его вернули туда, где ему полагается быть. И имея тело, я дал вам ложную версию смерти, желая проверить, чему вы научились. Кстати, мистер Росс, вы можете остаться после занятий и до вечера исследовать тело, это так же относится и к тем, кто сегодня не успел ответить, – Росс был доволен ответом профессора.

Грегг умоляюще посмотрел на Хованьского, который не обратил на него никакого внимания, затем обернулся к Полу. Гудвин был поражен льстивостью и откровенной ложью профессора, которая буквально прилипла каждым своим словом к халатам студентов. Ему хотелось

влезть в разговор, остановить эту ложь, просто плюнуть в лицо преподавателя; он ведь даже не поблагодарил Пола и Грегга за работу, которую они для него выполнили. Но Пол так ничего и не высказал Хованьскому – недостаток сил после ночной встряски, до сих пор трясущиеся руки, вопрошающий взгляд Аткинсона, и вот результат – Гудвин не произнес ни слова в течение всего занятия, хотя его мыслей хватило бы на небольшой рассказ. Возвращаясь домой, он глубоко задумался, зачем же профессору нужен этот труп, что же он замышляет.

Глава 2

Сентябрь 1860г

Когда Джон Бигелоу – один из редакторов газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» сказал, что её хочет увидеть главный редактор, Ханна была до безумия рада; она надеялась, что сможет выпросить для себя более интересное занятие, потому что за несколько месяцев, проработанных в газете, ей не удалось добиться ровным счетом ничего. Это была не её вина, Ханна работала как вол, свою роль в полной мере сыграли обстоятельства – иммигрировавшая из Европы, она очень долго втягивалась в коллектив, который не желал её принимать. Не имея опыта работы в журналистике, девушка стала объектом частых насмешек со стороны более опытных коллег, а консервативные владельцы ежедневного издания не видели в роли журналистки девушку, тем более, если эта девушка активно боролась за возможность стать профессионалом в этой области. Одна небольшая статья в неделю, на последней странице газеты, это всё, что было позволено Ханне. В основном же молодая журналистка просиживала свой рабочий день за кипой бумаг и старых газет, которые нужно было отсортировать и убрать в архив. И если быть до конца откровенным, это были её прямые обязанности, которые занимали почти весь рабочий день. Лишь Бигелоу был на стороне Ханны; он решил её помочь, дав небольшую колонку только что уволившегося сотрудника, чем спас молодую девушку от скучного прозябания в архивном кабинете. Но Ханне было этого мало.

По этой причине она часто злилась на этот грубый и бесчувственный город, в котором ей пришлось оказаться. От постоянного чувства высокомерия, которым были богаты её коллеги, Ханна начала писать новые для себя статьи, в которых изобличала самые отвратительные стороны мужской деятельности: работа местного правительства, судов и полиции была сведена её усилиями к простому бандитизму. Даже церковь показывалась ею с самых низких своих сторон. Собирая скандальную информацию везде, где только можно, до позднего вечера бродя по городу, Ханна пыталась пробиться на верхние полосы газеты. И всегда, всенепременно её тормозили редакторы, которые просто не пропускали подобный материал, отчего ещё больше подкидывали в душу девушки отрицательных эмоций, при этом, однако, воспламеняя в ней сильнейшее сопротивление действительности. Даже Джон, который стал её другом, не смел идти против начальства, часто стараясь убедить Ханну в бесполезности и даже глупости её предприятия. Бигелоу постоянно просил Гудвин остепениться и перестать заниматься глупостью.

– Дорогая, ты мне напоминаешь европейских революционеров. Они всё что-то пытаются, трудятся, а что в итоге – все они либо на виселице, либо в тюрьме. Но это не самое интересное: если с каждым из них поговорить по отдельности, все они скажут, что дело их пропащее, и усилия их вовсе не увенчаются успехом.

– Прошедшие революции говорят об обратном, – сопротивлялась Ханна, понимая, на что намекает Джон.

– Если революции и происходили, это ещё не говорит о том, что выдвинутые лозунги превращались в явь.

– Но если бы революций не было, мы бы до сих пор жили в каменном веке.

– То есть ты считаешь, что причина наличия такого уровня развития, которым обладают передовые страны, есть фурункулы, которые раз в столетие появляются на теле того или иного государства? Знаешь ли, дорогая, порой мне кажется, что твои мысли витают где-то, где бесплатно раздают манну небесную. Ты, наверное, забываешь о естественных потребностях людей, которые постоянно меняются, увеличиваются и благодаря данному обстоятельству мир движется вперед. Полагаю даже, что скоро люди совсем перейдут в эпоху потребления, когда уже не важны будут качество товара и объективность его создания для общества, в приоритете

будет лишь мода, тогда прогресс пойдет ещё быстрее, правда будет затрагивать менее обширные области. Вот, взять к примеру...

– Джон, ну хватит! Не нужно мне читать лекций, я не изменю своим убеждениям относительно притязаний на более достойную работу.

– Ханна, тебя погубит чрезмерная вера в свои силы! – Бигелю произнес эти слова с легкой улыбкой, показывая, что он не хочет обидеть девушку. – Как, кстати, к твоим убеждениям относится твой муж?

– Джон, ну... ну ладно! Я не хотела этого говорить! Вот что я думаю. Все прошедшие революции были результатом многолетних страданий населения, и любая власть, свергнутая простым народом со своих мест, вполне этого заслужила. Ни в наше время, ни когда-либо раньше, ни в какой стране, не делалось ничего для людей и ради людей. Я очень много видела людского горя за свою жизнь; видела, как люди кладут жизнь ради того, чтобы раз в неделю их дети могли досыта поесть, видела невероятный труд крестьян, которых ни во что не ставили, но всегда считали, чуть ли не святыми, так много образов взято с этих работяг для восхваления их труда, видела, как за неправильные слова людей отправляли на каторгу. Джон, но я бы никогда не променяла то, что успела понять и увидеть, на жизнь пустую и спокойную. И... и, ты знаешь, как меня восхищают люди борьбы! Само существование говорит им – «Боритесь или умрете», и они, не разгибая плеч, идут вперед и берут свое – хорошо ли, плохо, может у них не выходит что-то, но они постоянно в борьбе! Они всегда что-то хотят поменять, чтобы жизнь вокруг соответствовала бы их желаниям! И желания эти простираются далеко за пределы собственных интересов. Но я вижу, твое лицо скоро совсем делается неузнаваемым, поэтому я замолчу.

Бигелю стоял, как контуженный! Никогда в жизни, ни от одной представительницы слабого пола он не слышал таких слов. Рот его то и дело открывался и закрывался, лицо перекосилось, а глаза были полны удивления и страха.

– Джон, приди, наконец, в себя. Я знаю, как тебе трудно воспринимать подобные слова от девушки, но ты ведь сам подвел к этому разговору. В общем, ладно, хватит говорить сравнениями, ты знаешь, чего я хочу достичь в газете и понимаешь, что это абсолютно нормально и справедливо с моей стороны.

– Надеюсь, ты не думаешь устроить покушения на Бьюкенена, хотя бы он этого и заслуживал, – отшучивался мужчина, немного придя в себя. Однако слова давались Бигелю с трудом и по всему было понятно, что речь Ханны не скоро еще оставит его. – Я бы посоветовал тебе... Ты подумай только... Ааа, кому я это говорю... Вообще, я зашел, чтобы сказать, что тебя позвал к себе Хендерсон.

Для Ханны эти слова были роковыми, по крайней мере, она сама так считала, надеясь, что её мольбы услышаны, что о ней, наконец, узнал главный редактор, что он даст ей нормальную работу; Гудвин, чуть ли не вприпрыжку, побежала к начальнику. Но зайдя к нему в кабинет, эйфория девушки мгновенно улетучилась.

– И чтобы через час духу твоего не было в газете! – завопил толстый мужчина вслед уходящему молодому человеку. Парень даже не подумал обернуться, лишь сильнее, чем хотел, хлопнул дверью. Мужчина вытер рукой пот со лба и зло уставился на стоящую перед ним девушку, желавшую как можно быстрее последовать примеру своего предшественника и оставить толстого мужчину наедине с собой. Тем более, что долго находиться в его кабинете не было сил. Нагретая солнцем комната так редко проветривалась, что пропахла потом мужчины, резко перебивая все другие запахи. Светло-серый костюм его был расстегнут, и мятая рубашка порой, когда мужчина двигался, открывала часть его обрюзгшего живота – это было отвратительное зрелище. Ханна не могла на это смотреть и, желая закрыть чем-нибудь нос, чувствуя, каким соленым затхлым воздухом она дышит, надеялась, что их разговор будет не долгим.

– Я именно такой тебя и представлял! – немного успокоившись, заявил главный редактор, тыча в сторону Ханны сложенной газетой. – Ты выглядишь... – он замялся на секунду, подбирая слова, – нагло и распушено. Эти брюки не тебе... Женщина не должна показывать свои ноги, если она считает себя приличной женщиной.

Ханне очень хотелось ответить что-нибудь про настоящего мужчину, от которого так не пахнет, который следит за собой и не выглядит, как боров, но она промолчала, зная, что тогда вылетела бы вон, как из офиса, так и с работы. Меньше всего Ханна заботилась о том, как она должна выглядеть перед другими мужчинами, и одевалась всегда так, как хотела и могла. Её высокий рост и стройная фигура, вкуче с очень красивыми, нежными чертами лица, во многих мужчинах рождали те чувства и желания, о которых не принято говорить открыто, и если бы Ханна умела кокетничать, то давно бы снискала славу покорительницы мужских сердец. Но меньше всего она любила выставлять свою внешность на показ, видя в этом лишь глупость и отсутствие собственного уважения, поэтому никогда не придавала какого-либо значения подобным упрекам.

– Ты знаешь, зачем я тебя хотел видеть? – с чувством превосходства спросил редактор.

– Наверно, чтобы дать мне более серьезную работу, – с легкой иронией ответила Ханна.

– Что? – Хендерсон резко поднялся со стула, но тут же сел на него, и зло заговорил: – Тебя взяли в одну из лучших газет, Бигелу даже разрешил тебе вести собственную колонку, хотя я ему этого не позволял делать и если бы не его опыт... – Хендерсон не закончил, закашлявшись. Через некоторое время он продолжил осипшим голосом:

– Так вот, что... гххх... что тебе ещё нужно для того, чтобы ты успокоилась и не забрасывала редакторов своими бреднями?

– Я хочу писать настоящие новости, мистер Хендерсон! – Ханна, пересилив себя, подошла вплотную к столу и взяла одну из газет, разбросанных на нём. – То, чем я занимаюсь с позволения Джона... вот, послушайте. «Сколько денег в прошлом году было потрачено на покупку льна у плантаторов Джорджии», – прочитав название колонки, Ханна бросила газету на стол, быстро развернув вторую. – «Порванные брюки, или зачем уличный пес укусил заместителя мэра». А вот ещё – «Нью-Йорк двести лет назад, или индейцы – капиталисты». Разве это темы?

Ханна старалась смотреть мужчине в глаза и казаться сильной, дабы вызвать у Хендерсона соответствующую реакцию. Главный редактор лишь криво усмехнулся.

– У меня нет для тебя других тем!

– Почему нельзя напечатать тексты, которые я пишу сама?

– Какие? Милочка, твои бумажки, вместо того, чтобы их читать, люди будут использовать более разумно, стоит их только пустить в печать. Эти разглагольствования могут полностью подорвать основы нашей газеты. У нас и так сейчас проблемы, за последние месяцы тираж неслыханно упал, а ты хочешь, чтобы газету совсем закрыли!? Всё, я не могу объяснять элементарные вещи! Мы даём тебе темы, ты же и шагу в сторону от них не ступаешь. А то, что тебе влезает в голову, оставляй там же. Тем более, я уверен, что твои, с позволения сказать, статьи, это скорее твои фантазии и домыслы, нежели описание реальных событий. Услышала что-то на улице и... – главный редактор криво усмехнулся.

– Я могу ещё очень много подобного написать, пока мне не дадут нормальной серьезной темы. Я хочу напечатать что-то такое, что заинтересует людей. Новость дня! Мистер Хендерсон, поймите, я не прошу повысить меня. Просто дайте мне возможность попробовать себя в серьезных вещах, а если у меня получится хорошая статья...

– Будешь продолжать писать свою ерунду, я тебя уволю. Бигелу уже два раза просил за тебя, но мое терпение не вечно.

– Но мистер...

– Ладно, хватит. Ты, видимо, ещё глупее, чем я думал! Так я объясню, почему я не пускаю в тираж твою стряпню. Одно дело, когда мне приносят что-то сенсационное, или скажем,

такую новость, которая, хоть она будет даже стара, как мир, заставит читателей купить нашу газету. Но другое дело – твои бредни! Перечитай ещё раз всё то, что ты написала за последние недели; это годится только для розжига печи! В твоих статьях нет темы, нет информации, но в них есть ты! Больше всего в них тебя! Сумасшедшей истерички, которую бросил муж с пятью детьми, у которой судья отбирает дом, продавец свинины не хочет давать мясо в долг, и которая утром стирает соседям за гроши одежду, а вечером выходит в подворотню, заработать несколько долларов! Все твои творения сводятся к оплакиванию своей доли и доли тебе подобных, это любой грамотный специалист скажет! А людям это не нужно! Не нужно именно потому, что все они встречаются с проблемами, которые ты пытаешься описать, каждый день! И они не видят выхода из своих бед! А ты ещё подливаешь масла в огонь! Людям же, чтобы отвлечься, нужны другие новости, которые не будут напрямую касаться их повседневной жизни! И они должны к чертям собачим взорвать жизнь простых людей, чтобы они вздрогнули и пошли покупать очередную нашу газету в надежде узнать продолжение этой новости или забыться в ошеломляющей теме дня.

Ханна не могла найти слов. Пылкая речь редактора немного её остудила. Она умела думать, умела делать выводы и поняла, что Хендерсон в какой-то мере прав. Однако отступить или идти на компромиссы было поздно и девушка, будто не обратив внимания на слова начальника, сказала:

– Я хочу написать статью на одну из первых полос газеты. Что мне нужно сделать для этого?

– Помимо того, что проработать у нас десяток лет... думаю, стать мужчиной, это самый быстрый способ, – не отступал Стюарт Хендерсон.

– Мистер Хендерсон, и после таких слов вы смеете высказывать мне что-то по поводу неуместности моих статей! – взбесилась Ханна. Она больше не могла терпеть оскорблений в свой адрес.

– Ладно, ладно, – безнадежно махнул рукой редактор. – Хватит! Мне порядком уже всё это надоело!

В Ханне загорелся огонек надежды. Она быстро успокоилась.

– Это значит...

– Это значит, что я тебя предупреждаю! Чтобы больше не приносила в редакцию свои бумажки. У нас и без них дел полно. Работаю до ночи, а тиражи не поднимаются!

– Может, не о том пишете? – пробормотала девушка.

– Что ты там сказала? – Хендерсон наклонил голову в её сторону.

– Я спросила, пропустите ли вы мою статью в тираж, если в ней будет такая новость, которая взбудоражит людей в городе?

– Милочка, ты сейчас находишься в одном из зданий Манхэттена – улицы, где работают тысячи таких же, как ты, людей. Если тебе не нравится что-то, то можешь зайти в соседнее здание в поисках новой работы. От меня не жди никаких обещаний! – он тяжело встал и, повернувшись к окну, продолжил: – Все журналисты уже бегают по городу в поисках интересной новости, а ты здесь заставляешь меня потеть! Можешь искать информацию, раз ты такая... неуступчивая. Но чтобы поместить тебя на первую страницу, ты должна принести мне такую тему, которая переплюнет все остальные. А про свои слюни относительно бездушных мужчин, тиранию патриархата и всего прочего, забудь, сколько бы ты не писала подобной ерунды, ни что из этого не пройдет.

Ханна мысленно возрадовалась. Это была ещё не победа, но уже кое-что. Едва сдерживая улыбку, она поблагодарила Хендерсона и, уже перенеся одну ногу за порог кабинета, остановилась на его оклик. Видно было, главный редактор заметно успокоился.

– Миссис Гудвин, если вы хотите, чтобы на вас серьезно посмотрели, смените одежду. Поверьте мне, к вам станут намного лучше относиться, как бы это не удивительно для вас

звучало. Смирная женщина гораздо большего добьется, чем женщина, готовая из кожи вон лезть, чтобы показать, как унижительно для неё быть неравной мужчине! – сказал мужчина, про себя подумав такие скверные вещи, что если бы девушка узнала его мысли, больше бы никогда в жизни не взглянула на этого человека.

Ханна ещё секунду посмотрела на него и, ничего не сказав, вышла в коридор. Последними наставлениями Хендерсон испортил только что появившееся приподнятое настроение.

«Какое тебе дело, в чем я хожу?», – думала она. – «Старый свин, от которого несет потом и глупостью». Она хотела встретиться с Джерри. В последние недели они виделись очень редко, у того были постоянные дела в Олбани, но сегодня после обеда он должен был приехать.

Сентябрь выдался солнечным, но прохладным. Казалось, что хорошая погода надолго задержится в городе, но это было обманчивое ощущение; осень уже делала первые попытки прорвать летнюю оборону в виде кратковременных, но частых порывов ветра. Теплое его дыхание было первой ловушкой для всех, кто ещё надеялся на встречу с жаркими деньками. Длиннорукие потоки с виду приятного, но через секунды колючего холодного ветра, хватали в свои объятия любого, кого только могли встретить и кто был одет не по погоде. Эти переходные периоды были самыми неясными и обманчивыми во весь год. Они мешали людям свободно выходить на улицу, заставляя прятаться от солнца всех тех, кто был тепло одет и, уповать на теплую погоду тех, кто решил, что верхнюю одежду ещё рано доставать из комодов.

Полуденное солнце стояло высоко над головой, изредка прячась за тучами; сентябрь с легкостью расставил свои осенние сети по всему городу. Невозможно было даже подумать, что погода может испортиться, а между тем, несмотря на то, что стоять под лучами солнца было до беспамьяства уютно, как только человек привыкал к теплу, холодные потоки ветра небольшими порциями окутывали его. И человек бы ушел, спрятавшись, оделся, но ветер знал, когда нужно приутихнуть, чтобы не спугнуть свою жертву. В такие мышеловки попадали преимущественно два типа людей: те, кто куда-то спешил, не подумав дома о том, что надеть, и полные дураки, считавшие, что в такой день они не замерзнут.

– Что-то долго повозки нет, тебе не кажется, Джерри? – спросил, съезжившись в очередной раз, невысокий пожилой мужчина с окладистой бородой. Ему уже надоело стоять на открытой со всех сторон для ветра улице; хотелось в тепло. Легкий жилет, под которым была тоненькая рубашка, совсем не согревал.

Джерри положительно кивнул, похлопав мужчину по плечу. Ему холодно не было, пальто, надетое им утром, оказалось как раз по погоде, тем более его согревала мысль, что через час-другой, он сможет обнять Ханну.

Постояв ещё некоторое время в полном молчании – из-за ветра не хотелось даже шевелить губами, пожилой мужчина заметил конную упряжь, движущуюся в их направлении.

– Наконец... – благодарно отозвался он.

– Мне кажется, Митт, это не за нами, – откликнулся Джерри.

– Я озяб, хуже некуда! Хоть назад на вокзал иди! – всплеснув руками, Митт громко выругался. В ответ на его слова с другой стороны вокзала послышался теплый гудок отъезжающего состава.

Солнце, как назло, скрылось, не оставив никакой надежды на то, чтобы согреться. Мимо мужчин пробежала толпа детей, они были одеты очень бедно и легко, отчего Митту стало ещё холоднее. Он подумал, что, легко отдал бы им свой жилет, но будучи уверенным, что они просто продадут его за копейки, отбросил эту мысль. Однако тут же Митт скинул с себя верхнюю одежду и быстро пошел в сторону убежавших детишек.

– Митт! Вы куда? – мужчина не услышал. – Митт! Стойте!

Держа в вытянутой руке свой жилет, Митт остановился, придя в себя.

– Все хорошо! Жарко стало! Все хорошо, Джерри, – молодой американец кивнул головой, не подав виду, будто произошло что-то странное.

Послышался очередной стук копыт. На этот раз повозка остановилась перед мужчинами. Быстро забравшись внутрь, они тронулись с места. Митт тут же закрыл окна шторами и, немного согревшись, принял довольное выражение лица.

– Митт, а почему вы так легко оделись? – решил спросить Джерри.

– Джерри! – пожилой мужчина откинулся на спинку сидения. – Я не хотел упасть в грязь лицом перед советом. Редко надеваю этот костюм, – похлопывая себя по груди, сказал Митт. – Но когда делаю это, то стараюсь, чтобы он выглядел всегда прилично, поэтому сверху я ничего не надел, дабы не помять рубашку.

– Я вас понимаю. Но вы же могли легко подхватить простуду!

– Что мне какая-то простуда, если на кону большие перемены! – забыв, как он только что едва не проклинал себя за свою глупость, радостно ответил пожилой мужчина.

Джерри, казалось, не поддерживал радости Митта. Решив сменить тему, он спросил:

– Вам, кстати, не показалось странным, что на собрании было большое количество демократов?

– Нет, не заметил этого. Я в лицо-то многих из них видел впервые. Но когда пройдут выборы, и я уверен, победят республиканцы, я очень удивлюсь, если в совете останется такое же большое их количество, какое есть сейчас.

Джерри кивнул головой, согласившись с пожилым человеком, хотя настроен он был не самым лучшим образом.

– Я очень удивился, когда узнал, что даже Вуд не приемлет отмены рабства. У нас здесь, в самом большом городе Америки, где о рабстве и речи идти не может, есть множество людей, которые думать не хотят о какой-либо перемене. Но я с вами согласен; с приходом к власти Линкольна, всё кардинально изменится, – они немного помолчали, потом молодой мужчина продолжил: – А вы видели, как некоторые из них отреагировали на вашу речь. Особенно когда вы говорили о внесении изменений в конституцию, и потом, когда коснулись фермеров и распределения земли после освобождения негров, некоторые демонстративно вышли из зала. Их видимо очень это задело.

Митт слегка улыбнулся.

– Лишь бы мои слова не были столь преувеличенными, как это могло показаться со стороны.

– Знаете, Митт, я действительно так подумал после вашего выступления, и даже, не обижайтесь, но мне показалось, что плохо скрытые колкости в адрес демократов и намеки на слабо продуманные конституционные законы, были сегодня не совсем к месту. Всё-таки, с финансовой стороны такие проблемы не решаются. Хотя... это насущные вопросы, на них нельзя закрывать глаза. Тем более ваши слова поддержали люди, гораздо более высокие по рангу, чем те, которые представляют совет Нью-Йорка. Чего стоит один Сэмон Чейз, который поблагодарил вас за такую речь! Но всё-таки...

– Я всем им очень благодарен! – приободренный словами Джерри, Митт не смог дослушать его до конца. – Никогда раньше у меня не было такой поддержки на столь высоком уровне. А сейчас я понимаю, что время бороться ещё есть. Пусть до конгресса мне ещё далеко... но на этот раз я буду аккуратнее. Сначала Нью-Йорк, затем Вашингтон, а уж потом у меня будет достаточно сил для борьбы.

Джерри терзали противоречивые чувства. Вчерашнее выступление Митта перед собранием в Олбани было таким же бессмысленным, как и многообещающим. Подготовленный текст был аккуратен в своих задачах, а глубокое раскрытие финансового рынка могло бы показать Митта как профессионала своего дела. Но перед самым выходом на трибуну, Митт достал свою собственную речь, тем самым отказавшись от легкого пути получения им желаемой должности.

Митт говорил долго. Говорил о рабстве, публично высмеивая всех тех, кто поддерживал этот институт, говорил о проблемах мигрантов, которым приходилось владеть жалкое существование после прибытия в Америку, говорил о земле, которая в огромных количествах никем не обрабатывается, говорил о мошенничестве финансовых спонсоров обеих партий. Но он почти ни словом не показал себя со стороны того места, на которое мог его пристроить Джерри. Речь была воспринята не очень хорошо. Многие политики действительно покинули зал, поняв, что не услышат то, ради чего пришли. Некоторые даже не сдерживали себя в выражениях, называя Митта не политиком, а ничего не соображающим выскочкой. Но были и те, кто на банкете одобрительно хлопывал Митта по плечу, говоря, что, наконец, появился человек, который не боится взглянуть правде в глаза. Но Джерри не разделял их слов и не верил в искренность их похвалы. Ему казалось, что над Миттом просто смеялись. Он понимал, что в политике так нельзя вести дела и своей речью Митт если и не роет себе могилу, то уж точно не приближается к своей будущей должности. Однако молодой мужчина надеялся, что ещё не все потеряно. Поэтому, видя, как сидящего рядом человека уносит волна до сих пор несбывшихся желаний, Джерри решил поговорить серьезно, надеясь, что разум мужчины возобладает над мимолетной мечтательностью о пока ещё не вполне прояснившемся будущем.

– Митт, когда вы говорите о борьбе, что вы имеете в виду? Будьте со мной искренны, я вас хотел бы выслушать. Я очень надеюсь, что ваши слова не относятся к делам вашего прошлого. Вы ведь обещали... Я был свидетелем, как вы давали слово вашей дочери и сыну не повторять своих ошибок.

Испугавшись случайно вылетевших собственных слов, Митт, взволнованно ответил:

– Нет, нет, что ты. Я даже не думаю о прежних глупостях. Ты прав, я пообещал.

На его последнем слове коляска подпрыгнула, попав колесом в широкую колдобину, Митт попытался удержаться на месте и выругался на извозчика, но его действия были настолько наигранными, что Джерри стало стыдно за пожилого мужчину. Он отвернул голову от незадачливого актера и продолжил:

– Митт, я хочу вас предостеречь! Представьте себе, сколько бы времени вам потребовалось, чтобы, перебравшись из Европы в Америку, пробраться в политику и стать членом законодательного собрания ну, скажем Техаса, то есть, не самого главного штата в финансовых вопросах! Я вас уверяю, на это бы ушло несколько лет! Но совсем не факт, чтобы потом вы смогли пробиться в конгресс, а уже тем более в сенат! Сейчас же, благодаря нашим друзьям и хорошему стечению обстоятельств, у вас есть возможность сразу же занять пост заместителя министра финансов города! Я вас уверяю, эта должность даст вам не так много возможностей для тех планов, которые вы хотели бы осуществить и о которых вы говорили в своей речи. Более того, вы вообще не будите касаться этих вопросов. Но у вас будет хорошая работа, с очень хорошим заработком, и вы, быть может, впервые в жизни, сможете жить хорошо и спокойно, радуя этим себя и своих детей.

Последняя фраза Джерри резко изменила выражение лица его собеседника.

– Извините, я не хотел вас обидеть! Но я вас предупреждаю, Митт! Пожалуйста, сдержите данное вами слово! По ходу наших поездок вы делали всё так, что к вам невозможно было придаться. Вы обратили на себя внимание многих видных политиков. И вот вчера вы едва не разрушили всё то, к созданию чего были приложены огромные усилия. Я ещё раз прошу вас сдержать слово и сделать это не потому, что в противном случае я ничем не смогу помочь, но потому, что ваша дочь... ваши дети, возможно, вам этого не простят! Вы сделаете им очень больно!

– Да... Да, – только и смог ответить Митт. Он был понур и печален, но только внешне. Он согласился с Джерри, пообещав быть покорной овцой, исполняющей скучную и никому не нужную работу, но сделал это лишь, чтобы прекратить этот разговор. Внутри, куда не донеслось ни одного слова его будущего зятя, в нем кипела жизнь и борьба, которую невозможно

было остановить никакими словами. Так было всегда, когда кто-то пытался читать ему наставления или поучать, как нужно правильно действовать.

– А какие у тебя планы на предстоящее будущее? Ты хотел бы остаться здесь, в Нью-Йорке насовсем? – как можно более спокойно спросил Митт, молчавший несколько минут, желая ещё сильнее не разочаровать Джерри своим взволнованным голосом.

– Вы уже спрашивали меня об этом, нет? Не могу ответить утвердительно, но кто знает. Вам, если утвердят вашу кандидатуру, можно окончательно успокоиться и ни о чем не переживать. Пожизненное обеспечение вам гарантировано. Вы сможете купить себе большой дом за городом или даже в центре. Со мной же всё немного сложнее. Я бы хотел закрепиться здесь, так сказать осесть в кабинете министров законодательно собрания, но с возможностью переезда в другой штат. После иммиграции я только одну неделю видел маму, которой с каждым годом всё тяжелее становится держать ферму. Хочу со временем её заменить, да и мичиганская спокойная размеренная жизнь мне больше по душе. Ваша дочь тоже не против переезда. Но... здесь, за счет друзей я могу довольно легко устроиться на хорошую должность, а там мне этого никак не сделать.

– Джерри... – Митт с нежностью в глазах посмотрел на него. – Ты мне напоминаешь меня в молодости – такой же огонь в глазах, такое же стремление достичь чего-то высокого. Жаль, что у нас с тобой немного разные пути и взгляды и нет возможности заниматься настоящей деятельностью, потому что я уверен, мы бы вместе столько сделали!

– Митт, спасибо, я знаю, как вы ко мне относитесь! Но, все же, меня пугают ваши слова! Я надеюсь, вы не думаете...

– Нет, нет, не думаю, я просто... просто что-то нахлынуло. Ты только подумай, что мы могли бы сделать, если бы не связывали себя обещаниями, если бы... во Франции всё сложилось бы по-другому, имей я поддержку в твоём лице. Но... я думаю, что не стану сожалеть об обещанных мною словах, здесь всё-таки другой уклад, и должна быть другая жизнь, – спокойно закончил Митт, хотя в душе его горел огонь презрения к себе, за то, что ему приходится открыто врать. Он, конечно же, с самого начала сожалел, что дал это обещание, и теперь, понимая, как любое его действие будет возвращаться к нему же упреком, мужчина очень сильно злился на себя.

– Я всегда говорил, что мне близки ваши взгляды, но по характеру я намного спокойнее, поэтому менее деятельный, чем вы.

– Джерри, не принижай себя, это не украшает мужчину. Если ты считаешь себя в чем-то правым, все остальное должно уйти на второй план. Твои мысли, если они подкреплены правдой жизни, если их наличие не дает тебе покоя – это и есть действительность и в этом есть величие человека. И твои мысли всегда должны переходить в материальный мир, рождая в нем действия! Так что, никогда не бойся своих взглядов! Главное, что ты правильно мыслишь. Ты... ты мне как сын... – и он протянул ему руку.

Джерри ответил Митту рукопожатием, и прибавил:

– У вас есть сын, и он никак не хуже меня!

Пожилый мужчина нахмурил брови.

– Не говори мне про него. Я хотел ему другой судьбы.

– Но он волен выбирать то, что ему хочется!

– Джерри, нет. Не надо! – Митт остановил его движением руки. Откинувшись на спинку, он провел рукой по густым волосам и произнес: – Я бы хотел дожить до того момента, когда твоим детям придется делать свой выбор.

– И вы это обязательно сможете увидеть. Вы увидите в моих глазах и глазах вышей дочери счастье после выбора нашими детьми своего пути!? – Митт не ответил; посмотрев уставшими, полными боли, глазами на Джерри, он отвернулся к окну, приоткрыл шторы и в задумчивости, замер в одной позе.

«Тебе ли меня понять» – думал Митт. – «Он был моей единственной надеждой! Он ведь мой сын! Никому и никогда я не доверился бы так полно, как ему, пойдя он за мной! Никто никогда бы не получил от меня больше, чем Пол, пойми он, что я от него желаю! Я жил ради него! Не отступал только ради него! Ради понимания в его глазах и принятия моих дел! Джерри... ты не был со мной на баррикадах и акциях протеста, но ты ближе ко мне, чем мой собственный сын! Ты понимаешь меня с двух слов и хочешь мне помочь, но лишь другими методами. Ты всё ещё думаешь, что сверху можно изменить всё, хотя ты не прав. Но я тебя не виню, потому что ты думаешь в том же направлении, что и я. Ты хочешь перемен. И если бы ты знал, как я из-за этого тебя ненавижу и как ещё больше ненавижу его! Если бы знал, как легко я бы променял общение с тобой на работу с Полом, ты бы меня тоже возненавидел! Но мне всё равно! Как было всё равно все эти годы на свою семью! Как хорошо, что меня никто не слышит... Единственное чувство, которое меня отягощает, так это обида на Пола за то, что он ничего не понял! Он не понял, что моё сердце рвется от боли каждый раз, когда чувствует несправедливость и что я не смогу жить, проходя мимо страданий, поэтому связан со всех сторон желанием изменений! Он не понял, что я хотел открыть ему глаза на то, что и его связало бы и уже связало! Да, Джерри, я хотел бы, чтобы мой сын был полностью на моей стороне, если нужно, повторил бы мои ошибки, но очистился бы от гнусности и равнодушия нашего общества! Только тогда он был бы счастлив! Поверь, Джерри, жаль, что тебе этого не понять, но поверь, только по-другому посмотрев на мир, в котором мы живем, можно понять, что ты нашел лекарство и может быть, излечишься!»

Занятый своими мыслями, Митт не заметил, как повозка выкатила их на уже давно знакомые улицы, и не мудрено. В северной части Бруклина в то время было относительно спокойно. Приезжие занимали эту часть города не так охотно, как центр, преступные банды потому были тоже редким явлением. Строили здесь немного и люди часто просто не замечали стук, крики рабочих и скрежет металла под окнами своих домов. Поэтому предложение Джерри искать дом в этой части города было воспринято Миттом и его детьми положительно. Невысокие – четырех-, пятиэтажные здания были основными строениями этого района, и в основном это были жилые кварталы; офисы и банки сюда ещё не добрались. Улицы были довольно узкими – порой между ними с трудом могли проехать две повозки, но и в этом недостатке американцы находили выгоду, развешивая бельё на веревках между домами. Однако и развлечений в Бруклине было не много; единственный театр располагался в полутора часах ходьбы от дома, который подыскал Джерри.

– Митт, Митт! Мы приехали! – услышав восторженно-озабоченный голос зятя, Митт быстро пришел в себя, вылез из повозки и принял в свои объятия дочь.

Ханна приняла совсем другое обличие перед встречей родных; теперь она была в легком голубом платье с открытыми плечами, которое делало её безмерно женственной и грациозной. Обворожительный вид девушки не мог остаться незамеченным, о чем и сообщил ей Джерри, в очередной раз прижавшись на несколько секунд к телу Ханны, когда Митт ещё не спустился в гостиную.

– Как папа? Ему было хуже? – шепотом спросила девушка, чувствуя, как соскучилась по Джерри.

– Пару раз мне казалось...

– Джерри, я знаю, когда ты начинаешь врать. С ним было что-то серьезное во время вашей поездки?

– Один раз я едва объяснил ему, что мы делаем в Олбани, и уговорил не уезжать оттуда. А он упорно твердил, что жандармы забрали какого-то его знакомого и нужно вытащить его из-за решетки.

Ханна закрыла лицо руками, едва не заплакав. Джерри крепко её обнял.

– Что-то ещё?

– Нет, дорогая, успокойся. Были небольшие странности, но их можно объяснить усталостью отца.

– Джерри, когда папа вылез из коляски, он будто не понимал, где находится, и обнимал меня, словно я не его дочь, а незнакомая девушка! – Ханна ещё сильнее прижалась к любимому.

– Нет, Ханна, он ещё в рассудке. Я с ним много общался и он вел себя нормально. Успокойся! – твердость слов американца привели в чувство девушку. – Тебе помочь на кухне?

– Нет, спасибо. Ты Пола не видел? Я сама недавно пришла домой, поэтому даже не заглядывала в его комнату, может, он спит?

– Я позову его к столу, – улыбнулся Джерри.

– Отец, я так рада, что твоя поездка дала положительные результаты. Теперь остается надеяться, что твоя кандидатура будет первой в списке на должность заместителя министра финансов, – с искренней улыбкой сказала Ханна. – Напомни только, заместителя министра финансов штата?

– Всего лишь города, – поправил её отец, настроение которого заметно улучшилось после поздравлений дочери и богато накрытого стола в честь успешного начала его деятельности. Джерри не стал ничего говорить Ханне об инциденте с речью, чему Митт обрадовался ещё больше.

– Ханна, а как твоя работа? – поинтересовался Джерри, когда они выпили первый бокал вина.

Ханна улыбнулась.

– Я как раз хотела узнать от вас с отцом о чем-нибудь интересном, о чем можно будет написать, не жалея потраченного времени. Главный редактор сказал, что поместит мою статью на первую полосу, если она окажется очень интересной. Но мне хватило бы и второй, – пошутила она, заставив молодого мужчину улыбнуться.

– Ооо... Наконец-то на тебя посмотрели как на настоящего журналиста. Я рад, что у тебя появилась такая возможность. Но вот по поводу интересных историй – не знаю! В Олбани разве может происходить хоть что-то кроме ежедневных просмотров всем советом бумажной ерунды, да очередных занудных собраний! – обратился Джерри к Митту.

– А что конкретно тебя интересует, Ханна? Мы можем рассказать о заседании, о банкетах, но Джерри прав, это будет интересно для малого числа людей, – отец немного помолчал, раздумывая. – А может тебе рассказать всю подноготную правительственной жизни? Пока мы жили в гостинице в Олбани, столько всего видели! Беспробудное пьянство судей, ночные похождения по публичным домам министров.

– Мне кажется, об этом не стоит писать! Статью подобного рода, скорее всего, не разместят, но если на такой шаг решатся, то газету тут же закроют, а карьере Ханны придет конец! – произнес молодой мужчина.

Ханна с легкой улыбкой заметила: – В общем-то, пока нечему приходить, так что, думаю, любая информация не будет лишней. Но если у вас действительно нет ничего интересного, не беда, я уверена, что в таком большом городе по-настоящему важную новость можно найти довольно легко, главное, чтобы она была новая и ещё не успела просочиться в другие газеты.

– Для этого нужно иметь связи... – задумчиво произнес Митт.

Джерри нежно положил руку на плечо девушки и спокойно произнес: – Не волнуйся, мы подумаем, что рассказать тебе, чтобы это вызвало сенсацию.

– Можно просто живой интерес, – прижавшись к его ладони щекой, ответила девушка.

Они продолжили есть. Пол, не произнесший доселе ни слова, наслаждался вкусно приготовленным ужином своей сестры. Он был искренне рад за отца, рад настолько, что готов был броситься в его объятия и поздравить того от всей души. Но молодой человек этого не делал,

запивая бокалом вина сочную курицу. Было время, когда они с отцом могли не говорить по несколько недель, даже месяцев, чему виной были их частые ссоры и непонимания. Те годы бесследно канули в лету, оставив за собой густой осадок из обид и злобы, отчего даже сейчас, когда Митт, как казалось Полу, начал новую жизнь, которой ему все давно желали, Пол не мог пересилить себя и по-семейному, то есть, тепло и искренне, поздравить отца. И всё же они сидели вместе, за одним столом, чувствуя между собой некую близкую связь, хотя этого было мало, чтобы разговор завязался сам собой.

– Пол, как твоя учёба? – спросил как бы между прочим Митт. Сейчас он чувствовал почти то же, что и его сын. Желая обнять Пола, но, не решаясь сделать этого, пожилой мужчина решил просто услышать его голос.

Пол пожал плечами: – Да всё, как и раньше. Занятий много, вот только практики никакой. Но вчера нам повезло: по ранам на теле умершего мужчины определяли причину его смерти. Хотя сделать это было совсем не сложно, – он оглядел всех и, видя, что три пары глаз прикованы к нему, добавил: – Просто на нем живого места не было – раны были и на голове и на теле и на конечностях.

– Я боюсь спросить, – поежилась сестра, – что произошло с тем беднягой?

– Мне кажется, лучше не вдаваться в подробности за столом, – подытожил Джерри.

– Да, извини, Ханна. Лучше вообще не надо было эту тему заводить, – ответил Пол, понимая, что испортил сестре аппетит, напугав её.

Митт укоризненно посмотрел на своего сына: – Ты хочешь сказать, что это мне не стоило заводить этот разговор, да!?

– Пап, что?.. Что с тобой? Нет, я не хотел тебя упрекнуть. Это же я сам заговорил не о том за столом.

– Не оправдывайся! Грош цена твоим оправданиям! Обвинить меня хочешь, что я ужин испортил!

Всеобщее приподнятое настроение резко пропало. Отец поднялся из-за стола.

– Пап, успокойся, пожалуйста. Я исключительно себя виню, что, не подумавши, заговорил о том, что испортило всем аппетит.

– Не вешай мне на уши лапшу, я же знаю, тебе бы только упрекнуть меня и не важно, в чем. До сих пор считаешь своего отца идиотом, который хотел испортить тебе жизнь.

– Если бы я так считал, то вообще с тобой не разговаривал!

– Ты, ты – Пол, не оправдал ни одной из моих надежд на тебя, и смеешь так себя вести. Иногда я жалею, что ты мой сын, а не Джерри!

Джерри хотел что-то сказать, но Митт его остановил; лицо девушки приобрело обреченный вид; Пол не поднимал на отца глаз.

– Спасибо за поздравления, Ханна, Джерри. И тебе, Пол, спасибо! – язвительно и нарочито зло бросил Митт и вышел из гостиной.

Пол тоже поднялся.

– Сестренка, извини ещё раз, ты сама всё видела. Давай позже поговорим, я тебе дам один хороший вариант для газеты, – посмотрев на своего будущего зятя, он добавил: – Извините ещё раз. Все было вкусно! Отдыхайте! – и, не сказав больше не слова, он удалился в свою комнату.

Когда шаги Пола затихли, девушка обняла своего любимого.

– Когда это всё закончится, Джерри?

– Надеюсь, что скоро... – он поцеловал её в лоб.

– Я надеялась, что переезд благотворно скажется на папе...

– Его рана очень глубока. Он действительно очень много хотел от Пола, не понимая, что своим стремлением делает хуже не только ему, но и себе. Пол бы ему никогда не сдался. И вот теперь на то, чтобы эта рана заросла, нужно много времени.

– Но ещё секунду назад он был в приподнятом настроении! Он первый заговорил с Полом! Как же так может быть!? И Пол, как будто не видел, что папе плохо?!

Немного помолчав, девушка продолжила: – Джерри, мне кажется, отцу нужно как-то помочь. Ты согласен со мной? – Джерри молчал, раздумывая.

– Ему надо бы жить там, где нет людей, там бы он поправил здоровье.

– Думаешь, здесь ему будет только хуже? – в отчаянии произнесла девушка.

– Не знаю, Ханна...

Глава 3

Октябрь 1860г

– Сколько можно ждать! Может быть, о нас забыли!? Оливуд, отведи меня в кабинет главного врача! – громко возмущался Пол, стоявший в одном из коридоров местной городской больницы, после полуторачасового ожидания врача, который должен был провести практическое занятие со студентами.

– Не распинаясь, Гудвин, так бывает всякий раз, как мы приходим! Уже ходили, возмущались, но толку от этого было ноль! – засмеявшись, выкрикнул стоявший неподалеку Конол, который услышал слова Пола.

– К сожалению, Пол, он прав, злостью и негодованием ты ничего не добьешься, – ответил Полу Нейтон Оливуд, недавно окончивший ту же медицинскую школу, что и Гудвин, и теперь работавший помощником одного из хирургов, опытного врача, с большим нежеланием согласившегося взять под свою опеку молодого доктора. – Люди здесь работают с раннего утра до глубокой ночи, и им совсем нет дела до вас, пришедших попробовать себя в деле. – С легкой улыбкой на лице он добавил: – Я тоже, когда приходил на практику, не понимал, почему так долго приходится ждать, почему никто не ведет меня по палатам, почему врачи меня игнорируют! Тем более больница в этом здании всего несколько лет, а до переезда там и врачей работало не так-то много, так что мы ждали подольше вашего. Поэтому сейчас я прекрасно понимаю ситуацию, и советую тебе, как будущему коллеге, сказать спасибо хотя бы за то, что здесь есть я и я помогаю тебе скоротать время в ожидании доктора.

– А тебя так же, как ты сейчас нас, развлекал какой-нибудь молодой врач? – решил пошутить Пол, пытаясь тем самым успокоить свое нетерпение. Это было его первое в Нью-Йорке посещение больницы, целью которого была практическая отработка навыков лечения больных туберкулезом, а так же тех, кому экстренно была нужна помощь. Уже месяц, как Пол слушал от преподавателей высокие слова о важности этих занятий, о том, что если они договорятся с больницей, посещения растянут на целую неделю, чтобы каждый из студентов максимально попробовал себя на практике.

Эта практика была первым этапом подготовки к экзамену, который должен был состояться через полгода, и по результатам которого лучший студент, ещё до окончания обучения будет принят на работу в любую больницу штата Нью-Йорк и округа Колумбия, которую он сам выберет. Пол знал, что ему нужно приложить не малые усилия, если он хочет стать первым, поэтому он живо ухватился за появившийся шанс проявить себя, оставаясь после лекций на дополнительные занятия с преподавателями и проводя все выходные за книгами, чтобы максимально подготовиться к недельной практике. Поэтому напрасная трата времени выводила его из себя и сильно огорчала.

– Нет, эта практика, когда врачи берут себе в помощники выпускников, совсем недавняя, по крайней мере, в этой больнице. Только, если бы я знал, что спустя два года работы по-прежнему буду бегать на подачках, даже не подумал бы идти сюда! – весело добавил Нейтон, которого тоже понемногу стала раздражать сложившаяся ситуация: казалось, что пришедших студентов скинули на него, как на бесполезного сотрудника.

– А ты не можешь провести нам экскурсию? – немного помолчав, поинтересовался Гудвин.

– Теоретически – могу! Думаю, что мы бы даже обошлись без присутствия кого-либо из врачей. Вот только вы пришли сюда не на спектакль, а на работу, пусть и короткую! Мне влетит, если я позволю вам без чьего-либо разрешения и присмотра заниматься больными.

Не удовлетворившись ответом Нейтона, Пол продолжил:

– Неужто больных так много, что все врачи заняты? Мне кажется, это невозможно! Мы же не на войне!

– Видимо ты не знаешь, что у нас творится в городе, если так говоришь! С каждым днем увеличивается число иммигрантов, что влечет за собой много бед. Столкновения различных банд, болезни, которых становится всё больше по мере увеличения народа, причем многие болезни люди привозят с собой из Европы, – пытался разъяснить врач. – Но даже если закрыть глаза на все, что я сказал, вам бы всё равно пришлось ждать.

Видя немой вопрос стоящего перед ним человека, Нейтон произнес:

– Последнее время работающих в больнице врачей не так много. Большинство ездит на дом. К тем, кто может заплатить! Это, конечно, неправильно с той точки зрения, что лечить находящихся здесь, становится попросту некому, но кто же откажется от дополнительного заработка, когда здесь и условия не райские и платят не так много, как те, кого доктора лечат на дому.

– Да... я слышал об этом в школе. Ты тоже так зарабатываешь?

– Очень редко, в основном, когда больные впервые обращаются к нам. Большая же часть богатеев доверяет только опытным врачам. Это же практикуется не только у нас в больнице. Думаю, существует целая ярмарка докторов, предлагающих свои услуги, тем, кто может их оплатить.

– И какие меня ждут перспективы, если я приду к вам, как и ты, помощником? – решил поинтересоваться Пол.

– Если умеешь забивать скот, и стричь овец, то будешь жить в достатке, – серьезно ответил Оливуд. Недоуменный взгляд Пола заставил Нейтона от души рассмеяться. – Да подрабатываю я. На ферме, за городом, два-три раза в неделю. Поверишь, платят почти так же, как в больнице. А что касается дополнительного заработка от лечения на дому, то молодому врачу трудно вклиниться туда, где все ниши заняты. Все ведь хотят денег! Даже врачи!

Гудвину нечего было ответить. Поняв, наконец, что питать фантазии относительно своего будущего не стоит, молодой мужчина в задумчивости отвернул взгляд от собеседника и в очередной раз оглядел коридор больницы. Его глаза устали наблюдать одну и ту же картину: широкий проход, где может проехать небольшой экипаж, по одной стороне которого растянулись вдоль старых, частых, словно решето, окон весело беседующие студенты, а по другой – к стенам были прислонены шкафы с медицинскими баночками, колбами, флакончиками, названия которых были известны Полу ещё с подростковых лет, а между шкафами были двери, ведущие в палаты. На некоторых полках стояли микроскопы и собирали пыль всевозможные инструменты: акушерские щипцы, клизмы, инструменты дантиста; всё это было как-то хаотично расположено, что наводило на мысли либо о чрезмерной занятости врачей, либо об их неряшливости, мешающей разобрать внутренности мебели. Тускло-зеленого цвета стены давили на глаза, а слезавшая где только возможно краска придавала пространству коридора вид заброшенных трущоб. Все это вкупе отнюдь не поднимало настроения, отчего Гудвину полезли в голову определенные вопросы, которые рано или поздно встают перед каждым спрашиваемым и настоящим человеком. Пол уже довольно давно был подвержен натиску душевных разногласий с самим собой, с одной стороны, чувствуя, что вопросы, которые в нем рождаются, никуда не уйдут, пока на них не будут найдены ответы, а с другой – страшно боясь ни то, что эти ответы искать, но даже позволять мыслям разгуливать в направлениях, как казалось, чуждых ему. Чтобы отвлечься, он повернулся в сторону своих сокурсников, которые стояли поодаль от него и Нейтона, о чем-то беседуя. Собрав вокруг себя товарищей, весельчак Салливан Росс рассказывал очередную глупую историю, а те не упускали возможность посмеяться над плоскими шутками, обычно не поднимающимися выше пояса. Пол иногда прислушивался к разговорам, но не находя их интересными, оставался с помощником хирурга. Среди присутствующих не было Сарита, что сильно напрягало Пола. Посещение больницы было обязатель-

ным, и не появление сына преподавателя наводило на скверные мысли. Размышляя над этим вопросом, Гудвин ещё больше злился, понимая по-своему причину отсутствия Уолсена и подводя себя к мысли, что он специально не пришел в больницу, так как знал, что сегодняшнее занятие не стоит и ломаного гроша.

Наблюдая за товарищами, Гудвин невольно стал вспоминать свое появление в школе. Он поступил сразу на третий курс, причем в середине учебного года, случилось это потому, что Пол очень хорошо сдал вступительные экзамены, заставив поверить преподавательский состав, что он обладает достаточными знаниями, чтобы не проходить заново всё обучение и не ждать нового учебного года. И так как группы уже давно были распределены, ему позволили выбрать в какой он будет учиться! Группы не делились по роду занятий: все студенты знали, что они учатся быть универсальными врачами, и если нужно, они станут принимать роды или ампутировать конечности, лечить катаракту или туберкулез; те же, кто намеревался углубленно изучить какую-либо дисциплину, после четырех лет должны были остаться в школе ещё на два года. Поэтому, особо не разбираясь, к кому примкнуть, Пол присоединился к тем медикам, которые сейчас весело коротали время, словно томительному ожиданию приглянулся лишь Пол.

Гудвина встретили довольно сухо. Мало кому понравилось появление многообещающего молодого человека в большой группе студентов, где почти каждый был уверен, что при хороших обстоятельствах он сможет лучше всех сдать выпускной экзамен. К тому же Пол был иммигрантом, что ещё больше отдаляло его от новых знакомых, которые в большинстве своем плохо относились к тем, кто каждый день сотнями приплывал в их город и оседал здесь на долгие годы, забывая, что все их предки сами приплыли когда-то на континент. И хотя сейчас Пол мог с легкостью назвать молодых студентов хорошими знакомыми, поначалу с ним вообще почти никто не говорил.

– Пол, ты чего тут стоишь? Пойдем к нам, Салли такие смешные анекдоты рассказывает! – улыбаясь, сказал подошедший Грегг. Он был весел, как и остальные медики, значит, шутили сейчас не над ним, что бывало очень редко. Грегг был единственный, кто с самого начала нормально общался с Полом, что было одной из причин, по которой студенты стали друзьями.

Ответить Гудвин не успел, так как из кабинета, расположенного напротив них, вышел пожилой мужчина, который, если бы на нем не было больничного халата, скорее походил бы на пациента, нежели на врача, так он был болезненно некрасив. Улыбнувшись кривыми зубами, почти не заметными за густой бородой вокруг рта, мужчина произнес:

– Вы, наверное, заждались! Неужели Нейтон вас даже не смог развлечь?

– Мистер... – хотел возмутиться Оливуд, старания которого не были замечены, но врач только махнул рукой, засунутой в карман халата, и обратился к Греггу.

– Ну что, вы готовы? Меня зовут Мартин Донуэлл, я главный терапевт, а иногда и акушер, этой больницы. Нейтон проведет вам небольшую экскурсию по больнице, а я по мере возможности буду присоединяться к вам и помогать ему.

– А что будет после? – решил уточнить Пол.

– Что вы имеете в виду, молодой человек?

– Что будет после экскурсии?

– Знаете, я не волен распоряжаться вашим временем, но вы можете сходить в театр, здесь неподалеку! – легко ответил доктор.

– Подождите! Что это значит?! Мы надеялись на полноценную недельную практику! Я думал, мы начнем сегодня же! – возмутился Пол, хотя в глубине уже понял, что надеяться ему было не на что. Врач помялся на месте, обдумывая слова студента.

– Преподаватели уверяли нас, что ожидается недельная практика в вашей больнице!

– Да, такие разговоры велись, но мы не пошли на просьбы вашей школы, сейчас в городе не совсем спокойная ситуация, поэтому мы не можем возлагать на себя такую огромную ответственность, позволяя неопытным студентам лечить больных; у нас просто нет людей, которых можно приставить к вам, для постоянного контроля или помощи.

– Но мы бы могли разделиться и небольшими группами пристали бы к докторам, наблюдая за их работой и, по возможности, пытаюсь помочь! – не останавливался Пол. Окружившие их студенты тоже были недовольны ситуацией. Даже самым плохим ученикам группы было обидно, что недельный выходной уходил из под носа.

– Мистер...

– Гудвин.

– Мистер Гудвин, не я решал эти вопросы, поэтому предлагаю скорее отправиться по палатам, пока не наступил обед, тогда здесь будет не до вас, – криво улыбнулся доктор Донуэлл, пытаясь тем самым взбодрить приунывших студентов. – Поверьте, вам не будет скучно сегодня. Возможно, немного попрактиковаться у вас получится. Пройдемте вот в эту палату. Я только что провел осмотр нескольких пациентов, больных горячкой, они сейчас спят, поэтому прошу не шуметь.

Все зашли в просторную палату, казалось, такую же длинную, как и коридор. В помещении блуждал легкий неприятный запах. Пол не сразу нашел его источник; медицинские утки незамысловатой формы спрятались под кроватями. В голове у Гудвина закружилась мысль, что санитария в этой больнице отсутствует, а заметив, какая пыль скопилась на оконных рамах, и на каких грязных полах они стоят, он только сильнее её подтвердил. Множество кроватей располагались друг рядом с другом, и практически все они были заняты. Несколько пациентов спало, остальные вели беседы или же читали.

– Ещё раз прошу вас не шуметь! – попросил доктор Донуэлл, и направился к одной из пациенток: – А вот, например, Сара, которая пришла к нам сегодня утром. У неё... ну, впрочем, вы сами можете определить, что у неё, если внимательно осмотрите. Сара, вы позволите?

Женщина лет тридцати пяти, с нездоровым внешним видом быстро кивнула. Её сухие губы слегка дрожали, выглядела она очень худой и бледной, но доктор успокоил студентов, которые не решались подойти к больной: – Не бойтесь, ей уже ничего не угрожает, скоро она пойдет на поправку.

Грегг подошел к женщине первый, взял лежащий на тумбе стетоскоп и стал слушать её сердце, прислонив инструмент к груди пациентки. С другой стороны кровати стал Пол, чтобы поближе рассмотреть больную. Аткинсон очень быстро стал проводить осмотр, точно ему первому хотелось блеснуть своими знаниями.

– Посмотрите на меня, – сказал он, взгляну в глаза Саре, – Голова болит? Жар? Аппетит понижен?

Женщина отвечала короткими кивками. Грегг, прослушав ещё раз пульс, обратился к доктору.

– Мистер Донуэлл, это лихорадка. Учащенный пульс, жар, головные боли и, насколько я могу судить, чрезмерная худоба, это всё говорит о повышенном обмене веществ. Из чего я могу сделать вывод, что это лихорадка, которая до сегодняшнего дня прогрессировала. Я прав? – он улыбнулся.

– Сара, а почему вы не говорите? – спросил Пол, которого насторожило молчание женщины.

Она поднесла руку к горлу и потерла его.

– Откройте рот.

Сара повиновалась. Пол внимательно рассмотрел её язык, пересчитал зубы, кинул взгляд на нёба и наконец, увидел то, что и хотел. Её миндалины были красными. На одной из них были небольшие белые пятна.

– Грегг, открой рот, – обратился он к товарищу.

– Зачем это ещё?

– Ну, открой, открой! – и, ещё не получив согласия, Пол потянулся руками к его челюсти.

– Вы видели, что у неё во рту? – спросил он у доктора, – Её миндалины красные.

Грегг не верил, что его обошли, как будто это было в первый раз. Он повернулся к Саре и сам посмотрел на её миндалины.

– Но все симптомы говорят о лихорадке.

– При воспалении миндалин симптомы практически такие же, плюс боль в горле, что может привести к ангине и воспалению, – ответил Гудвин Аткинсону. Мысленно он был рад, что самый сильный студент иногда тоже ошибается. Но они с Греггом всё-таки были друзьями, поэтому он никак не показал свою радость.

– Очень хорошо! Всё абсолютно верно. Вы прекрасно справились, мистер Гудвин. Ну что, кто-нибудь ещё хочет испытать себя?

Хотели все. Хотя и хлипкая, но всё же это была возможность проверить свои знания на практике. Доктор ещё раз приказал, чтобы никто не шумел и не мешал больным отдыхать и, дав Нейтону указ проверить поставленные всеми диагнозы, откланялся. Студентам не нужно было повторять по два раза, они сразу же ринулись в бой, выбрав себе каждый по бодрствующему пациенту.

Гудвин подошел к окну рядом с кроватью Сары. Настроение, несмотря на правильно поставленный диагноз, не появилось; Пол не мог поверить, что за пациентами здесь никто не следит, разводя антисанитарию. Гудвин протер рукой запыленный подоконник, мысленно посмеявшись над собой за пустую надежду, что это хоть как-то исправит положение. Из окна был хороший вид на внутренний двор больницы, где в беспорядке росло несколько пожелтевших деревьев и где сейчас происходило странное движение. Двое мужчин то появлялись, то скрывались за углом здания и, выходя, выносили большие мешки, бросали их на телегу, запряженную лошадью, и вновь повторяли свои действия. Мужчины делали свою работу так грубо и быстро, что Полу стало интересно, чем же они нагружают телегу.

– Пол, – к нему подошел Грегг. – Но симптомы воспаленных миндалин немного другие.

– Смотри, – не слушая друга, указал пальцем на мужчин Пол. – Как ты думаешь, что это?

Грегг приблизился к окну и, взглянув вниз, произнес: – Что-то ненужное выносят, а что? Я плохо вижу так далеко, даже в очках, – он прищурил глаза, и снова посмотрел на улицу. – Пол, ну я все-таки хотел бы разобраться, как ты понял, что это именно воспаление миндалин?

– На мусор это мало похоже. Грегг, извини, давай потом. Нейтон, можно тебя? – тихо позвал Гудвин врача, как только Грегг замолчал. Тот сначала не хотел идти, показывая, что проверяет сокурсников Пола, но закончив с одним из них, подошел к молодым людям.

– Что делают те люди?

– Тихонько, вам нельзя вставать, – произнес Нейтон, поднявшейся было на локти Саре и её соседу, которым стало интересно происходящее на улице.

Уложив людей обратно, Оливуд взял Пола за плечо, отведя его в сторону. Он даже не посмотрел на то, что было во дворе. К ним подошел и Аткинсон, споткнувшись о плохо спрятанную утку. Жидкость расплескалась по его штанине. Он тихо выругался, но тут же замолчал, услышав смешки своих сокурсников. Нейтон прошептал: – Лучше не подходите туда и не задавайте вопросов, чтобы у пациентов на фоне болезни не разыгралась бурная фантазия. Это просто умершие; их тела увозят прочь. Это бедняки, оборванцы, мигранты, которых было не спасти, и у родственников которых нет денег на похороны или у которых вообще нет родственников. Вы можете не беспокоиться, тела просто сжигают.

– Эти тела из морга? – негромко поинтересовался Грегг.

– Морг уже давно забит. Нет, большинство из этих людей даже не вскрывают, так как это не кому делать.

– И таких, я вижу, не мало, да? – заметил Пол и, закрыв глаза, стал качать головой. – Как же противно на это смотреть. Но многие же из них имеют родных, разве нет? Как быть с ними, что вы им говорите!

– Говори потише! – зашипел молодой доктор. – Я не веду подсчеты. Прошу, не кричи. Нам не нужно, чтобы об этом знали пациенты! Что же касается родственников умерших, то это не наше дело. Если мужчина приводит к нам жену и она вскоре умирает, а он ждет всё то время, пока её пытаются спасти и потом подходит и говорит, что хочет забрать тело, мы не можем ему воспрепятствовать и после морга, или же без него, сразу же отдаем ему тело его жены, ну, а когда компания бездомных приводит такого же, больного пневмонией, то с очень большой вероятностью эту компанию мы больше не увидим.

– Почему же меня это не успокаивает! – тихо произнес Гудвин, начиная злиться. Находиться в этом месте у него не было больше никакого желания, но понадеявшись, что остальная часть экскурсии пройдет более удачно, сказал Оливуду:

– Я подожду остальных в коридоре.

– Пол, поверь, что врачи здесь делают всё, что могут, а порой и больше. Мы принимаем любых больных, хоть с малярией, хоть с чумой. А то, что ты видел, это вынужденная мера, без которой наша больница уже давно бы превратилась в морг, потому что мертвые вытеснили бы живых с их кроватей.

Пол вышел из палаты, ничего не ответив. Нейтону оставалось лишь глубоко вздохнуть и продолжить проверку студентов.

– А это родильное отделение, – произнес Оливуд вошедшим медикам. Сил у него не осталось никаких; трехчасовой экскурс по больничным палатам с непрерывными рассказами о болезнях и лечении пациентов оказался не такой легкой работой. Палата с беременными женщинами была последняя в списке.

В сущности, ничем особенным родильное отделение не отличалось от обычной палаты, если не считать штор, которые висели над каждой кроватью и чересчур яркого освещения от ламп накаливания, висящих под потолком. Пол впервые видел такие лампы. Стекланые, сферической формы, они напоминали солнце в миниатюре, только внутри них горела тонкая нить. Что это было за новшество, Пол не знал, надеясь потом у кого-нибудь поинтересоваться.

Беременные женщины стонали, ворочались, у некоторых временами были схватки. У Пола узлом стянуло живот. Напряжение, витавшее в палате от одновременного пребывания там двух десятков агонизирующих женщин, можно было потрогать руками.

– Ну как вам экскурсия? Многим удалось поставить правильные диагнозы? Надеюсь, вы не пожалели, что пришли сегодня.

– Мистер Донуэлл, – обратился Вандерсон, сокурсник Пола, к подошедшему доктору, который только что закончил осмотр одной из беременных женщин в дальнем конце палаты. По виду парня было ясно, что ему не по душе слушать, как надрываясь, кричат и стонут женщины. – А роды вы принимаете в этой палате?

– В большинстве случаев здесь, закрывая каждую роженицу шторой, но если роды долгие или какие-то осложнения, то мы переносим женщину в отдельную палату, где и ей будет легче рожать и врачам удобнее работать. Сейчас у нас просто какой-то подъем рождаемости, поэтому обе родильные палаты полностью забиты. А когда не сезон, – он улыбнулся. – Одна рождает в одном конце палаты, вторую перекладываем в другой. Хотя, я даже не помню, когда такое было последний раз!

Стоило ему закончить свою небольшую речь, как послышался истошный женский крик. Подбежав к беременной, врач спросил, что она чувствует и, получив ответ, заставил согнуть и раздвинуть ноги. Студенты с Нейтоном во главе подошли к кровати. Женщина стонала и тяжело дышала, ее лицо от частых схваток принимало ужасное выражение. Пол старался

не смотреть на процедуру осмотра, но одно он заметил отчетливо, возмущившись до глубины души. Он хотел подойти и остановить доктора, но поначалу решил дожидаться, когда Донуэлл освободиться, чтобы не пугать остальных женщин. Теперь Полу стало ясно, что пока сами врачи не станут следить за собой, условия в больнице ничуть не улучшатся – доктор не вымыл руки, не продезинфицировав их, стал осматривать женщину. Ей, само собой, было сейчас всё равно, грязными это делают руками или чистыми. А Гудвин, однажды узнав о том, что в Европе силами хлорной извести и обычного мыла уменьшили количество послеродовых смертей во много раз, в одночасье стал на сторону нового метода борьбы с инфекциями. И теперь Полу казалось, что такое антимедицинское поведение было недопустимым. Вдруг передумав дожидаться окончания осмотра, Гудвин подошел к врачу, и тихо произнес ему на ухо:

– Мистер Донуэлл, разве не нужно хотя бы помыть руки перед осмотром, тем более таким!?

Доктор резко поднялся. Не ожидавший, что неопытный мальчишка обвинит его в какой-то глупости, врач возмутился, лицо его стало пунцовым; бросив осмотр женщины, он надрывающимся голосом проговорил:

– Мистер Гудвин! Здесь я доктор, и не смейте мне указывать, что делать!

Женщина снова застонала.

– Нейтон, зови санитаров, у неё большое раскрытие, вот-вот родит, – чуть ли не прокричал терапевт.

Оливуд пулей полетел из палаты, а Донуэлл, всё ещё красный, зло сказал, на этот раз, обращаясь ко всем студентам:

– Покиньте помещение, не мешайте работать врачам! Окружили её, как будто на представление пришли! Вон-вон отсюда! – девушка вновь истошно закричала. – Дыши глубоко, не бойся, скоро всё закончится! – не обращая больше внимания на выходявших из палаты студентов, говорил рожавшей Донуэлл.

Гудвин хотел остаться, помочь женщине, ему казалось, что он сделает это гораздо лучше, чем опытный доктор, но в палату вбежали два санитары, намереваясь увезти роженицу, и Полу ничего не оставалось, как последовать за остальными студентами.

Приятные впечатления от посещения больницы, которых так ожидал молодой человек, не появились, их с легкостью подменило презрение к увиденному – не профессионализму врачей и условиям нахождения людей в палатах. Пол надеялся, что он ошибается и доктора в этой больнице знают свою работу, но глубоко посеянные зерна сомнения не давали ему покоя. Выйдя на улицу, Гудвин прошелся вдоль здания к тому месту, где недавно следил за ошеломившей его картиной нечеловеческого обращения с мертвыми; двор был пуст. Широкая дверь в больницу была закрыта, и только лишь глубокие следы на грунте от колес телеги говорили о недавнем присутствии здесь картины, на которую нельзя было смотреть без отвращения.

Настроение было, словно Полу сказали, что ему осталось жить пару месяцев. Ничего не хотелось делать, никуда не хотелось идти. Гудвин сидел на берегу одной из бухт Нью-Йорка, неподалеку от пристани, откуда до него доносились голоса рабочих, выносивших ящики с грузом из трюмов недавно приставших кораблей. В ящиках, скорее всего, была рыба, так как запах обитателей морей нельзя было спутать с каким-либо другим. Пытаясь забыться, Пол наблюдал за неспешным приближением мелких лодок и кораблей покрупнее к берегу, белые паруса которых старались уловить едва появлявшиеся потоки ветра, решившего, видимо, сделать себе выходной. Посидев немного и поняв, что отвлекаться не выйдет, мужчина поднялся и неспешным шагом стал удаляться от пристани.

Любая мысль, приходящая ему в голову, любые рассуждения – всё, рано или поздно сводилось к увиденным днем картинам, к новой злости, к непониманию тех вещей, кото-

рые он видел, к желанию изменить то, что так его ужаснуло сегодня. А осознавая, что он ничего не может изменить, Пол даже пытался и вовсе не думать, но у него это не выходило. В нем начала закипать злость; злость на себя, на свою слабость, на отца, на бездарных врачей, на школу, где он учился, на преподавателей, на Хованьского. Найдя, наконец, предмет, на который он мог бы переключить свое негодование, Гудвин стал вновь вспоминать свое появление в медицинской школе – в мельчайших подробностях, каждую деталь, лишь бы не думать о людях, вынужденных ждать помощи от врачей, которым наплевать на них.

Молодой парень сразу же после своего пребывания удивил преподавателей школы огромными знаниями в области физиологии и анатомии. Это заметили все, на чьих лекциях он побывал, но только не Хованьский. Так, по крайней мере, Гудвину показалось сначала; это уже потом, после многих встреч он пришел к выводу, что профессор просто не хотел показывать своего удивления, а тем более одобрения знаниям Пола. Даже после тяжелых занятий по хирургии, на которых Пол отвечал на все вопросы так же верно, как это делал всегда Грегг, который поначалу переживал из-за появления соперника, Хованьский, словно лишенный чувств, не говорил никаких одобрительных слов в адрес студента. Но однажды профессор попросил Пола зайти к нему в лабораторию после лекций, где, как полагал молодой человек, Хованьский наедине оценит знания студента, возможно, не решаясь высказаться при всех. Осознание истинной причины его вызова пришло к Полу гораздо позднее.

– Проходите, мистер Гудвин, – складывая на высоком длинном столе лекционные материалы в папку, произнес Хованьский, – я вас не задержу.

Двигаясь между рядами столов со всевозможными медицинскими неаккуратно разбросанными инструментами, с наполненными химикатами колбами, со множеством бумаг, исписанных заметками и формулами, с макетами человеческих органов, Гудвин бесцеремонно рассматривал лабораторию, находя в ней много интересного и весьма занимательного.

– Я вижу, вам приглянулась моя лаборатория! Это весьма и весьма кстати! – улыбнувшись, заметил профессор; Пол, стоявший спиной к нему, не видел улыбки, но ему показалось, что была она вовсе не добродушная, хотя значения тогда этому он не придал.

– Вы говорите, ваша?

– Да, собственными усилиями я смог выбить себе два кабинета под исследования и несколько лет оборудовал их. Только два года назад начал полноценную работу, – серьезно и как показалось Гудвину, с гордостью ответил Хованьский.

– Чем вы занимаетесь?

– Если вкратце, то поиском причин различных заболеваний. Оборудования у нас не много, да и работает нас всего семь человека, кстати, один из моих помощников – Грегг Аткинсон, вы наверняка уже познакомились с ним – очень умный молодой человек, – профессор и по отношению к Греггу, который всегда был на хорошем счету у преподавателей, держал себя сдержанно, даже не намекнув, что Аткинсон лучший студент на курсе, из чего Пол сделал вывод, что его-то хвалить сегодня уж точно никто не станет.

– А что конкретно вы делаете? – продолжил расспросы студент.

– Думаю, вы сами ответите на свой вопрос после того, как начнете здесь работать.

– Я разве начну работать здесь? – в недоумении спросил Пол, посмотрев на профессора. Тот ещё шире улыбнувшись, поспешил дать ответ:

– Только если сами того пожелаете, мистер Гудвин. Но знаете, вы бы мне очень помогли. С вашими знаниями – ведь это о вас отзываются так лестно все преподаватели? – с вашими знаниями мы могли бы продвинуться в наших исследованиях очень далеко.

– Мне всё-таки не очень понятно, чем именно вы здесь занимаетесь, поэтому я не могу вам дать какого-либо ответа. Я же не могу есть старый хлеб, не посмотрев перед этим, не покрылся ли он плесенью.

– Ооо, вы правы-правы, только это всё такие мелочи, о которых вы в полной мере узнаете в первый же день своей работы здесь, – будто бы пытаясь ухватиться за ускользающую надежду, но, не делая из этого серьёзной проблемы, проговорил Хованьский. – В двух словах и не объяснишь. Мы работаем с людьми: узнаем, как протекала их болезнь, пытаемся выяснить её причины, последствия; в общем, если хотите, занимаемся статистикой. Ставим небольшие опыты. Немного занимаемся химией. Если бы в нашу группу вступил ещё один одаренный человек, я бы просил у директора школы ещё кабинет кабинет под лабораторию.

– Вы, всё-таки так ловко ускользаете от ответа, – с дружеской улыбкой заметил Пол, но Хованьский этого не оценил; вперив в него гневный взгляд, однако только на мгновение, профессор так же весело ответил: – Скрывать мне нечего, мистер Гудвин, приходите к нам и вы сами всё увидите и узнаете.

– Не хочу вас огорчать, мистер Хованьский, но я откажусь. Не вижу себя в лаборатории, вашей или какой-либо другой. Я всегда хотел лечить людей, а не придумывать способы лечения или... немного заниматься химией... Это не для меня.

Уговаривать профессор не стал. Трудно было понять реакцию этого человека в тот момент, но Полу отчетливо показалось, что после его слов преподаватель мгновенно потерял к нему интерес. Он лишь секунду изучающе посмотрел на парня, затем просто отвернулся и, занявшись копанием в груде разбросанных бумаг, сухо завершил их разговор: – Ну что ж, выбирать вам. А теперь мне нужно заняться делами.

Гудвин, ничего не ответив, вышел из лаборатории, недоумевая, что могло вызвать такое переменчивое поведение профессора по отношению к нему. После этого разговора Хованьский принял окончательную сторону в общении с Полом. Не то, чтобы он стал к нему плохо относиться, это произошло немного позже, поначалу преподаватель перестал замечать отказавшего ему студента, хотя тому было наплевать на это обстоятельство, равно как и на работу в лаборатории.

Учеба затягивала, Пол узнавал о школе всё больше и больше. Не стремясь попасть в круги сплетен, он, тем не менее, слышал от своих сокурсников рассказы о преподавателях и конкретно Хованском, который был сущим ужасом на экзаменах и аттестациях. Причиной тому, как говорили, была его безумная любовь к своему единственному сыну, Сариту, которого профессор чуть ли не боготворил и готов был сделать всё, чтобы его отпрыск стал первым студентом потока. А Сарит был ни к чему не способным молодым человеком, все стремления которого сводились к прогулкам с молоденькими девушками, поэтому отцу приходилось тянуть его силой к получению образования, решая за него задания и постоянно создавая ауру всезнающего студента вокруг своего сына. Пол и сам это стал замечать, но не придавал такому факту никакого значения, будучи уверенным в том, что истинные знания всегда будут стоять на первом месте и ему нечего опасаться преподавателя и его сына. Мнение своё он изменил очень скоро, когда сразу по нескольким предметам у него были снижены баллы, и преподаватели не смогли внятно объяснить ему причины своих решений, когда по просьбе Хованского Гудвин провел два дня в городской библиотеке, а, вернувшись, узнал, что пропустил лекции известных европейских врачей, которые совершали поездки по стране с целью обмена опытом, когда две контрольные работы Пола были подтасованы, и в них были найдены несуществующие ошибки. Но даже после этого Хованьский не собирался останавливаться.

– Но как же так! Вы не правы! – размахивая бумагами перед лицом Хованского, выкрикивал Пол в не себя от злости после одной из лекций. Медики, сидевшие позади Гудвина, молча ждали развязки событий. – Я неделю сидел в библиотеке и кропотливо собирал информацию об этой болезни, перечитав сотни страниц, а вы мне говорите, что я сделал ошибку. Ошибку могли сделать те, кто написал эти книги, и я думаю, только потому, что не обладали достаточной информацией.

– Мистер Гудвин, – решительно прервал его преподаватель, которому изрядно надоел кружащий вокруг него студент, – вы сделали несколько ошибок в работе, поэтому вам стоит сказать мне спасибо, что я снял с вас только десять баллов, а не все, так как студенту на последнем курсе медицинской школы недопустимо делать такие оплошности.

Пол едва пересиливал себя, чтобы не ударить профессора, которому хватало наглости лгать в глаза.

– Успокойтесь, ещё раз вас прошу, иначе наш разговор не продолжится. Дайте мне свою работу. Так... так... вот вы пишете, что смертельный страх является самостоятельным симптомом *angina pectoris*. Кто вам сказал такую откровенную чушь?

– Вы правы, что этого нигде не написано, но такой вывод я сделал сам на основе многочисленных...

– Да, вот ещё... вы обвиняете медиков прошлых лет, я бы даже сказал, прошлых веков, в том, что они, не имея достаточных знаний, прописывали больным ненужные им препараты, часто им вредившие.

– Разве вы с этим не согласны? – не понимая претензии преподавателя, спросил Пол. Студенты внимательно следили за спором.

– Вы же сами подтвердили, что эти доктора могли ошибаться, так зачем вы на них ещё клеветаете. Или думаете присвоить себе таким образом сомнительную славу. Тем более, вас не просили приводить собственные соображения и выводы. Вам дали задание сделать подробный доклад на тему развития знаний и методов лечения *angina pectoris*, который был бы впоследствии помещен в наши школьную книгу по истории медицины.

– Я прекрасно помню, что мне задавали, но я не сделал ни одной ошибки! То, что я выразил собственное мнение, можно потом будет и убрать, меня это не волнует. Но я прочитал этот доклад перед курсом и хотел показать всем, что...

– Что думаете об этом вы? Прекрасно, тогда вы лучше подойдете нашей мэрии, чем нашей школе. Там позволительно говорить сколько угодно и кому угодно то, что думаете.

Рассерженный, Пол, направился к выходу, но, уже взявшись за ручку двери, остановился, пристально посмотрев на профессора. Его до глубины души задела слова Хованьского. Мужчина знал, что профессор не прав, и лишь ради того, чтобы Сариту, поведавшему невзрачный рассказ о скарлатине, поставить больше баллов, он нашел в докладе Гудвина выдуманные ошибки. В аудитории повисла тишина. Взоры студентов были обращены к Полу, который над чем-то раздумывал. Наконец, он повернулся к товарищам и стал громко говорить.

– Друзья, а вы знаете, что профессор Хованский не честен с нами? Вы знаете, что он уже очень давно, полагаю, с момента поступления Сарита в школу, проталкивает его к званию лучшего студента курса, отводя от него всякие неприятности в виде...

– Прекратить! – вскричал, подпрыгнув на стуле, взбешенный Хованский. Таким, как сейчас, его никто никогда не видел. Сарит, нервно поглядывая то на отца, то на Гудвина, поднялся и сделал два шага в направлении кафедры, попытавшись надеть на себя маску оскорбления словами Пола. Остальные молчали.

– Что, профессор, вы не ожидали, что кто-то скажет вам такое! Сарит, можешь не спешить, я бы сам подошел к тебе! Что ты остановился, неужели ты боишься быть оклеветанным?

– Не смей так говорить! – как можно смелее и грубее ответил Сарит, продолжив спускаться к Полу.

– Гудвин, ты будешь отчислен за такое поведение! – не унимался профессор. Пол не обратил на его слова никакого внимания.

– Ну, раз ты не боишься, тогда ответь перед всеми, чему ты научился за годы, проведенные здесь! Скажи, для профилактики каких осложнений необходима борьба с обезвоживанием, активизация больного в постели, раннее вставание? Почему ты молчишь, Сарит?

– Гудвин, хватит, – уже совсем выйдя из себя, кричал преподаватель. По лицу Сарита трудно было понять, знает ли он ответ или нет. Он успел лишь неопределенно открыть рот, а Пол стал задавать ему следующий вопрос: – Почему опухоли не могут быть двойного происхождения?

– Потому что они... – начал неуверенно Сарит.

– Не почему! Они могут быть двойного происхождения!

– Гудвин, пошел вон! – подойдя к нему вплотную, выкрикнул Хованьский, показав рукой на дверь. Но Пол лишь отбежал от него к студентам, быстро приблизился к Сариту и, сложив руки на его груди, снова спросил: – Ну, а это... это правильная перкуссия или нет? Молчишь? Может быть ты, хотя бы ответишь, какая болезнь стала одной из причин массового истребления коренного населения Америки?

Но дожидаться ответа Гудвин не собирался. Показывая пальцем на Сарита, он снова обратился ко всем, медленно отходя к выходу: – Вы всё видели! Он ничего не знает! А вы, профессор, я очень жалею, что с вами знаком!

По разъяренному лицу Хованьского, который был готов наброситься на студента, стало понятно, что мужчины чувствуют одно и то же. Гудвин вышел из аудитории.

На следующий же день Пола вызвали к директору школы. Стоуэн Филлипс, высокий плотный пожилой мужчина, который, кажется, прирос к своему креслу и столу, так мало заметны были переходы между ними, посмотрел на Гудвина внимательными уставшими глазами.

– Проходите, мистер Гудвин, – только и успел сказать директор, как заговорил Хованьский, сидевший сбоку от своего начальника. Видимо он продолжил разговор, начатый до появления Пола.

– Это неопишное безобразие! Вопиющее невежество! Я требую, чтобы этого студента немедленно отчислили из нашей школы. Таким, как он, не место здесь! – говоря это, профессор старался не смотреть на Гудвина. Пол молча выслушал короткую речь; ему было что ответить своему врагу, хотя он и переживал немного за дальнейшую свою судьбу, надеясь, что дело не закончится отчислением.

– Мистер Гудвин, – обратился к нему Филлипс, пытаясь придать своим словам как можно более суровую интонацию, хотя в голосе мужчины чувствовалась чрезмерная усталость. – Как вы поняли, мы с профессором Хованьским говорим сейчас о вас и вашем вчерашнем поведении. Скажем прямо. Я полностью согласен со словами профессора – вы вели себя неподобающе не то, что студенту, но обычному образованному человеку. Сейчас я бы хотел выслушать вас, чтобы принять окончательное решение по этому вопросу. Прошу садитесь.

Гудвин, не сдвинувшись с места, громко заговорил. Слова Пол будто чеканил, и по всему было ясно, что он считает себя абсолютно правым. Вкратце рассказав директору о своих взаимоотношениях с Хованьским, постоянно перебиваемый последним, Гудвин закончил словами: – Не хотелось бы из-за чьего-то несправедливого отношения ко мне, быть отчисленным. Я считаю...

– Ах, несправедливого! Ты заставил меня покрыться красной краской, оклеветав моего сына, своего товарища.

– Хованьский, хватит уже! Пол, спасибо, выйди на минуту, подожди за дверью. Нам с профессором нужно поговорить!

Гудвин и сам был рад избавиться от общества этой змеи, пытавшейся набросить на него очередное кольцо своего отвратительного тела. Стоило только ему закрыть дверь, как Хованьский выпрыгнул из своего стула, подполз к директору и зашипел ему на ухо: – Вы видели, как он вел себя, он даже с вами был невежлив. Теперь понимаете, как он меня оклеветал перед студентами.

– Успокойся, хватит уже, – устало произнес сидевший мужчина. – Сядь, садись и успокойся. Я не могу его отчислить.

– Но как так! Ты подумай, Стоу, – от чрезмерного волнения, преподаватель даже перешел на ты, сменив лестный просительный тон на грубое требование. – Этот мерзавец считает, будто все его слова сойдут ему с рук.

– Я ещё раз повторю, что не могу его отчислить! – повысив голос, ответил Филлипс. – При всём к тебе уважении, мальчик был прав, когда говорил о твоих подходах к обучению студентов и конкретно твоего сына. Все об этом знают. А он решился сказать это вслух – не отчислять же его за решительность.

Хованьский даже побагровел от такого замечания. Руки его затряслись, рот стал непроизвольно двигаться, выпуская немые оханья; мужчина встал из-за стола и быстро заходил по комнате, зло посматривая на своего начальника и ничего не говоря.

– Я соглашусь, что наказания он заслужил, можешь даже сам придумать какое. Но не доходи до крайности.

Но видимо Хованьскому этого было мало. Пробормотав что-то грубое себе под нос, он вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Почувствовав наступившую тишину, директор достал из под стола бутылку мартини, налил в стакан, залпом его выпил и тихо проговорил, как бы оправдывая сам себя: – Если бы не наше многолетнее знакомство, я бы давно вышвырнул тебя за твои делишки...

Проходя мимо ждавшего в коридоре Гудвина, профессор метнул на него грозный взгляд и, посмотрев мгновение, поспешил прочь. Пол этот жест воспринял, как намек на адекватность директора и на то, что он не будет сегодня отчислен.

Очнулся Пол уже перед домом, держась за дверную ручку и уловив себя на мысли, что у него затекли ноги. Ручка была потная и теплая, отчего Гудвин решил, что, наверное, довольно долго простоял в одной позе, предавшись воспоминаниям. Он поспешил зайти внутрь, чтобы не пугать людей, двигавшихся по улице.

Глава 4

Октябрь 1860г

– Ты не говорил вчера с папой? – обреченно посмотрев на брата, спросила Ханна, когда они вышли утром из дома.

– О его работе? Я пытался, но ты же знаешь, он уже несколько недель, как ушел в себя и со мной почти не говорит.

– Вот и Джерри не смог до него достучаться.

– А ещё я подумал, что это глупо с нашей стороны, убеждать его отказаться от работы в министерстве. Мы же сами были рады, когда узнали, что у него появилась такая возможность. А что, дела действительно плохи? Что говорит Джерри?

– Он уверен, что отцу нужно отказаться от должности, на которую он так рассчитывал. Вообще уйти из политики, пока он в нее ещё не погрузился с головой. Джерри говорит, что перед выборами все в правительстве вдруг всполошились, стали друг друга подсиживать, клеветать друг на друга. Говорит, что немногие справедливые люди, которые там есть, уже уволены со своих должностей. Джерри переживает, что с папиным нравом и запросами, ему ничего не стоит ожидать. Ох... – Ханна немного помолчала. – Как же обо всем этом мерзко говорить. По мне, так люди, которые сидят в креслах министров либо полные идиоты, раз позволяют себе платить человечностью за теплое место, либо бессердечные ско...

– Ань, не ругайся! Пусть они тебя не тревожат. В конце концов, даже здесь, на земле, мы сами можем и совершить предательство и порой быть бессердечными. А уж их, тех, кого власть поставила на колени, их винить не стоит, они теперь ее... даже не знаю... рабы что ли, у которых нет своего мнения.

– Папе бы понравились твои слова.

– Да вот, набрался за всю нашу жизнь его мыслей, а что с ними делать теперь, непонятно, даже помочь ему не могу, – сестра ответила кивком головы.

– Паш, так что там у тебя есть для статьи, ты так и не рассказал? – через пару минут спросила Ханна, успокоившись после переживаний за отца и не дождавшись ответа Пола, продолжила:

– Может быть мне бросить эту работу и уговорить Джерри уехать из города?

– В Мичиган?

– Да, он давно этого хочет, только никак не может оставить свои разъезды. Тем более, мне уже и за Джерри становится страшно, он ведь тоже в политике погряз. Тем более, я чувствую, что не справлюсь с журналистикой. Слишком серьезное сопротивление; Паш, с женщиной вообще никто не хочет работать.

– И видимо бороться с этим бесполезно; на тебя тогда всех собак спустят!

– Я уже чувствую их укусы... Это очень тяжело, когда ты ещё до входа в здание газеты ощущаешь, под какими тяжелыми взглядами, пошлыми насмешками и болезненными издевками тебе придется сегодня работать.

– Тебе тяжело там появляться. Здесь все просто, Ань, людям, работающим с тобой, не ведомо чувство уважения к женщине.

– Мне кажется, они и к себе не испытывают никакого уважения, когда ведут себя подобным образом. Может быть я сумасшедшая, что целенаправленно иду туда, где мне так тяжело находиться?!

– Я думаю, ты просто сильная и в голове давно плюнула на все предрассудки и разговоры, которые тебя окружают. Уверен, у тебя всё получится. Уехать отсюда можно будет когда угодно, а сейчас у тебя есть хороший шанс показать себя.

– Пока его ещё нет. Я до сих пор не нашла подходящей темы для статьи. Забросила свою основную работу, в редакции уже косо смотрят на меня. И помощи в газете мне ждать не от кого, точно все настроились против меня.

– А как же Бигелу, ты рассказывала, что он хороший человек, уважает и помогает тебе!

– Джон не пойдет против Хендерсона, он будет мне помогать, но до поры до времени.

Пол некоторое время молчал, о чем-то размышляя. Они уже подходили к его школе, когда он, наконец, заговорил.

– Недавно мы обследовали тело одного покойника, устанавливали причину его смерти, я обмолвился о нем во время ужина, пару недель назад, помнишь? Это был старик, лет шестидесяти пяти, не пьющий, с минимумом болезней. Но он почему-то умер.

Ханна непонимающе, но очень внимательно слушала брата.

– Умер он от многочисленных ударов в область головы и туловища. Так уж получилось, что я был на похоронах этого мужчины и там услышал его имя, а потом мне совершенно случайно попала газета, «Нью-Йорк таймс», кажется, где была написана небольшая статья и некролог об этом человеке. При жизни старик был журналистом этой газеты. И в статье говорилось, что его сбил поезд, это, я так понимаю, официальная версия. Но я тебя уверяю, что столкновение с поездом – это сушая фантастика. Поэтому всплывает вопрос – зачем кому-то нужно было писать в газете ложь о смерти работника этой самой газеты!

– Он перешел кому-то дорогу в газете?

– Или те, кто писал некролог действительно думали, что их коллегу сбил поезд.

Пол замолчал, и в ожидании ответа посмотрел на девушку. Её лицо было серьезно и задумчиво. Она ни разу не засомневалась в словах брата, задав лишь один вопрос:

– Думаешь, может всплыть что-то серьезное?

– Не могу ничего сказать, – улыбнулся в ответ Гудвин. – Но почему бы тебе не попробовать зацепиться за эту информацию. Мало ли что? Ведь это журналист, возможно, если ты что-то найдешь, твои коллеги поддержат эту новость, это ведь уже профессиональное обязательство будет.

– А у тебя есть ещё что-то по этой теме? Его родственники, друзья, с кем он работал?

– Кроме того, что на похоронах я видел родственницу этого журналиста – молодую девушку, скорее всего внучку, для дочки слишком молодая она была, больше ничего нет. Но я не знаю, даже её имени. Начни с его газеты, думаю, дальше всё пойдет, как по маслу.

– Ладно, Паш, спасибо тебе. Я подумаю над твоими словами. Ты не опаздываешь?

– Всего на десять минут. Но ради помощи сестре готов хоть целый день прогулять!

– Не надо, я справлюсь! Беги, давай, мне уже стыдно, что я тебя задержала.

– Ань, только будь аккуратнее. И пообещай мне, что если ты узнаешь что-то чересчур важное, знание чего может стать опасным для тебя, ты тут же бросишь это дело! Обещай! Я же поэтому тебе ничего не говорил всё то время, пока ты искала тему для статьи! И надеялся, что говорить не придется!

– Ты молодец, что рассказал. Это действительно может быть что-то серьезное!

– Аня!

– Паш, я обещаю тебе! Если то, что я узнаю, покажется мне опасным, я оставлю эту тему.

– С папой ещё раз попробую поговорить сегодня.

– Да, попробуй, может, ты его переубедишь. Только не забудь сказать какую-нибудь гадость про законодательное собрание или сенат! – сказав это, брат с сестрой громко засмеялись, обратив на себя внимание всех прохожих на улице.

Быстро поцеловав сестру в щеку, Пол поспешил в школу. Ханна же, немного постояв и подумав над словами брата, отправилась в редакцию газеты «Нью-Йорк таймс», которая была в получасе ходьбы от школы Пола.

– Джон, я нашла интересную тему.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовано произнес редактор, пришедший из конторы на встречу с Ханной. – Дорогая, зачем ты завела меня в эту дыру, а?! У меня работы, как всегда, по горло, поэтому – краткость – сестра таланта!

Ханна не обратила на его просьбу должного внимания. Она была уверена, что сможет занять редактора газеты своими мыслями.

– Я напишу про одного Нью-Йоркского журналиста! – с серьезным голосом сообщила девушка.

– Ууу... Наконец ты оценила мои труды и решила предать их огласке. Только не знаю, будет ли это интересно людям, – не менее серьезно ответил мужчина.

– Джон, мне не до шуток! Чем быстрее я сделаю работу, тем быстрее выйду на первую полосу. А новость эта, я уверена, привлечет должное внимание не только обычных граждан! – так эмоционально сказала Гудвин, всплеснув руками, что Бигелю напряженно сдвинул брови.

– Женщина не должна себя вести так. Ей нужно быть скромнее, – заметил он, оглядываясь назад, чтобы проверить, не видит ли кто его в компании с этой взбалмошной девицей. Но этот район был самым последним, где могли появиться его коллеги или знакомые. Гуляя по пристани, вряд ли можно было бы встретить кого-либо, кроме бродяг, мелких торговцев, извозчиков и грузчиков, постоянно воняющих рыбой. Морской запах Ханне не нравился, а мужчины, петлявшие вокруг идущей вдоль берега пары, от которых несло потом и морепродуктами, вынуждали часто задерживать дыхание, чтобы не пускать в свои легкие отвратительный запах. Но девушка пришла в этот район с определенной целью и, решив убить сразу двух зайцев, позвала с собой Бигелю.

Необычайно взволнованное настроение Ханны заставляло Джона непроизвольно обращаться. Он был воспитан в семье, где прививалась безоговорочная власть мужчины, отчего сейчас чувствовал себя неуютно. Когда только Ханна стала у них работать, он не пророчил девушке ничего серьезного, кроме серой работы секретарши, но амбициозная девушка старательно доказывала, что способна на многое, приравнивая себя к остальным журналистам и Джону в частности, хоть её труды до сих пор не были оценены по заслугам. Сколько Бигелю потом не думал, он никак не мог понять, каким образом Ханне вообще удалось переманить его на свою сторону, а уж тем более сдружиться с ним. Возникающую в голове мысль о том, что по своей сущности Джон слабохарактерный тьюфяк, которому в пору общаться с яркой и властной женской натурой, он старательно отбрасывал от себя, не желая быть собою же ущемленным.

– Вот... черт! – едва сдержался от брани Джон, наступивший в коровью лепешку, от которой ещё поднимался пар. Ханне стоило невероятных усилий не рассмеяться, и всё же она не выдержала и через несколько секунд громко расхохоталась. Джон нахмурился; он подумал, что никогда больше не будет иметь дел с подобного рода женщинами. Ханна, увидев, как коллега укоризненно смотрит на неё, чтобы отвлечь Джона от этой неприятной неожиданности, сказала: – Извини, пожалуйста, Джон. Я тебя позвала сюда не только для того, чтобы посмеяться над тобой. У меня действительно серьезный разговор.

Посмотрев на стоящие впереди двухэтажные здания, она подтвердила свои слова: – Мы почти пришли!

– Ты меня интригуешь! – придя в себя, отозвался Бигелю. Он несколько раз останавливался, чтобы вытереть подошву туфли о бордюр.

– Джон, ты слышал про журналиста, которого сбил поезд месяц назад?

– Из «Нью-Йорк таймс»? Да, слышал что-то. Говорят, на похороны собралась изрядная компания наших коллег, так был известен этот журналист. Хотя я даже имя его не могу вспомнить, – с улыбкой заметил Джон. – А что? Ты решила некролог о нем написать? Мне кажется, это уже сделали!

– Нет, тут другое... А что ты ещё о нем слышал? О его смерти, например.

– Ну... как и ты, слышал, что его сбил поезд. Одни говорят, что он покончил жизнь самоубийством, другие, что напился, оттого свалился на рельсы. Честно признаться, не вдавался в вопросы смерти этого бедняги и не считаю это сколько-нибудь интересным.

– Кстати, мы уже пришли. Вроде бы это здесь, – завернув за угол одной из узеньких улиц, они подошли к первому двухэтажному домику, поднялись по небольшим ступенькам, и Ханна постучала в одну из дверей. Ответом ей послужила тишина. Она постучала снова, услышала чье-то движение и мысленно порадовалась за то, что не зря оторвала Бигелоу от работы. Дверь им открыла невысокая светловолосая девушка, заспанная и не понимающая, кто стоит перед ней; её растрепанные волосы были неаккуратно разбросаны по голове и плечам, точно тонкие ветки, собранные в огромный веник, от которого во все стороны торчали длинные концы. Но Ханне показалось, что даже если бы девушка поработала над собой, она бы не стала более симпатичной – её лицо было сильно опухшим и заплаканным, щеки от частых слез были красными, а глаза упорно не хотели смотреть вверх.

– Что вам? – сонным сухим голосом поинтересовалась девушка.

– Мисс Лонгман?

– Да, это я.

– Мы журналисты из газеты «Нью-Йорк ивнинг пост». Меня зовут Ханна Гудвин, а это – Джон Бигелоу. Мы хотели бы поговорить с вами по поводу вашего дедушки. Ваш адрес нам дали в газете, где работал ваш дедушка, но мы вас по нему не нашли. Мужчина, живущий по соседству с тем домом, куда нас направили, сказал, что сейчас вы проживаете здесь.

Девушка не знала, что ответить. Было видно, что она не желала кого-либо видеть, но немного подумав, промолвила: – Хорошо, проходите, раз вы даже мистера Питкинса побеспокоили.

Ханна вошла, а Джон ещё некоторое время стоял у порога, вытирая свои прежде блестящие туфли, которые потеряли весь свой лоск после прогулки по набережной и от которых теперь шел неприятный запах.

Пока двое незнакомцев сидели на старых стульях в гостиной, хозяйка дома делала им и себе чай.

– Ханна, ты мне так и не ответила, зачем мы здесь! – тихо проговорил мужчина.

– Это внучка умершего журналиста, о котором я хочу написать, – разглядывая бедно обустроенную комнату, ответила журналистка.

– Вон оно что... А я, увидев её, не мог понять, почему же такая молодая девушка так плохо выглядит. Ты уверена, что сейчас её стоит беспокоить?

– Надеюсь, что она уже немного отошла, потому что кроме неё мне никто не сможет дать достаточно информации! Постараемся вести беседу аккуратно.

Мужчина вертел головой, рассматривая комнату.

– Как же бедно она живет. Неужели и этот журналист жил здесь; он же вроде бы был известным в своих кругах человеком, неужто ему не платили?! Тебе не кажется это странным, Ханна? – будто бы сомневаясь в чем-то, прошептал Джон.

Квартира девушки представляла собой подобие хорошо обставленной пещеры. Голые стены с кое-где обшарпанной побелкой, никакой мебели, кроме большого шкафа, занимавшего треть гостиной, двух уже занятых стульев и миниатюрного деревянного столика, расположившегося у окна с потушенной свечкой на нем. Единственное окно в гостиной выходило на реку, и, как подумал Джон, наверняка в него никто не смотрел, до такой степени оно было грязным. Дверь в комнату была распахнута, журналисты увидели ещё один стул и кровать, одиноко занимавшую половину помещения. На стуле были неровно сложены несколько книг, и стояла вторая свечка.

Ханна не успела ответить на вопрос мужчины. В гостиную вошла мисс Лонгман, которая слегка привела себя в порядок, стала приятнее выглядеть и даже немного понравилась Бигелу, что ещё больше его разочаровало; он не мог поверить, что такая девушка живёт здесь.

– Не обращайтесь внимания на... на вот это... Мне нужно было раздать дедушкины долги, о которых я и не знала, поэтому пришлось расстаться с его большим домом в центре и снимать лачужку здесь, – поставив поднос с чаем на стол, она отошла к окну, внимательно посмотрев на пришедших журналистов.

– А что это были за долги, если не секрет? – поинтересовался мужчина.

– Мне нечего вам сказать... Я всегда думала, что ему много платят, он ведь никогда не бедствовал, не просил у меня денег, а сам мне их давал, жил в собственном доме. Но после смерти дедушки, ко мне пришли его коллеги из газеты и рассказали, что он задолжал большие деньги им, а потом пришли из банка и сказали то же самое. Вот мне и пришлось все продать, чтобы рассчитаться с долгами. Я думала, денег, вырученных с продажи дома и оставшихся после расчетов с долгами, хватит на смену жилья, – с едва заметной улыбкой произнесла девушка. – Но, к сожалению... – девушка, оправдываясь, обвела рукой комнату.

Джон очень удивился тому, как спокойно она это произнесла.

– Мисс Лонгман, вы просто взяли и всё продали. А вдруг вас обманули?!

– Меня зовут Сэдди. Да, вот так просто, – несколько грубовато ответила она, видимо желая показать, что Джон не имеет права её упрекать в случившемся. – И знаете, когда у вас умирает единственный близкий человек, становится как-то не до денег.

– Ясно, Сэдди, – вмешалась в разговор Ханна. – Извините Джона. Мы к вам по другому вопросу, – помолчав некоторое время, дабы девушка приготовилась слушать, журналистка спросила: – У вашего дедушки были враги?

– Нет... вроде... нет, не было! Я ничего об этом не знаю. А что такое?

– А вы знаете, как он умер?

– Да... Не знаю... Он упал под поезд, газеты писали, что... что он бросился, покончил с жизнью... – эти слова дались ей с трудом. – Но этого не может быть! Я знала дедушку очень хорошо!..

Сэдди с трудом сдерживала себя, чтобы не заплакать; глаза её сильно покраснели и налились слезами. Немного помолчав, она продолжила:

– Давайте больше не будем говорить на эту тему, мне столько раз приходилось отвечать на этот вопрос, что уже нет никаких сил снова повторять то, что так хочется забыть.

– Да, извините. А ваш дедушка пил?

– Нет, нет, не пил.

– Хорошо, а когда вы его видели в последний раз, что он вам говорил?

– Я не помню... Ничего существенного, – она помолчала. – Единственное, что я помню, дедушка обмолвился о новой большой статье. Я обычно ему помогала редактировать материал, который он брал домой, но в этот раз он отказал мне, сославшись на то, что ему помогут в газете, а меня ему вдруг стыдно стало просить.

– Вам не показалось это странным?

– Да... в общем-то нет. Я учусь, подрабатываю прачкой, и у меня действительно не всегда находилось время помогать дедушке, но отказывать тоже было не хорошо. Так что я ему была только благодарна.

– Вы учитесь? Это удивительно! Вы молодец! – Сэдди слегка улыбнулась.

– Я росла без мамы и, когда два года назад дедушка помог мне перебраться сюда с юга, он организовал мое поступление в школу. Но, честно говоря, я не хочу заниматься преподаванием, мне кажется это скучным.

– А ваш отец? Он жив?

– У него большая плантация и много рабов. Я не приемлю его жизни, – ответил девушка, заметив, как внимательно следит за ней Бигелоу.

– Хорошо, Сэдди, вы молодец. Можно ещё вопрос: а вы хотя бы примерно знаете, о чем статья, которую ваш дедушка хотел написать? Она была напечатана после его смерти?

– Я не знаю, – растерянно посмотрев на Ханну, Сэдди покачала головой.

– А люди, которые к вам приходили, коллеги дедушки, они спрашивали вас об этой статье, или вообще о дедушкиной работе? – Сэдди на несколько секунд задумалась.

– Да, они меня спрашивали, не помогала ли я дедушке, не знаю ли я, остался ли у него недоделанный материал. Я сказала им тоже, что и вам.

– А вы не спросили, зачем им это нужно, Сэдди?

– Нет, не спросила. Но думаю, они хотели закончить дедушкину работу.

– Но зачем? – возбужденно произнесла Гудвин. На секунду она забыла, что нужно всти себя сдержанно.

– Послушайте, мисс Гудвин, вы хотите, чтобы я вам что-то рассказала? Но в таком случае мне нужно было быть с дедушкой в тот вечер, когда он умер. Прошу вас, давайте закончим, – голос девушки звучал спокойно и ровно, но Ханна поняла, что ещё немного и Сэдди сорвется.

– Простите меня. Мы сейчас уйдем. Последний вопрос: вы уверены, что мистер Лонгман умер своей смертью?

– Вы так говорите, как будто знаете обратное... тогда расскажите мне, это же мой дедушка умер.

– Мы как раз хотели от вас узнать что-нибудь, что помогло бы ответить на этот вопрос, – сказала Ханна и, вставая со стула, добавила: – Спасибо, Сэдди, нам было очень приятно с вами поговорить. Вы очень помогли нам.

Она посмотрела на Бигелоу, который как ни в чем не бывало,пил вкусный чай и не мог отвести взгляд от девушки.

– Джон, нам пора!

– А?.. Да! Да, мисс Лонгман, Сэдди, было приятно познакомиться, – он протянул ей руку. – Чай был очень вкусным.

Молодая хозяйка едва заметно улыбнулась в ответ. Уже у выхода она остановила их вопросом:

– Погодите! Скажите, а о чем вы будете писать? Можно вас попросить?

Журналисты внимательно смотрели на неё.

– Не пишите ничего плохого. Пусть он умер, но мне будет очень неприятно читать всякую ложь и гадость, поэтому пятнать его жизнь грязными статьями или выдумывать нелепые причины смерти не нужно. А ещё, пожалуйста, не упоминайте в вашей работе о том, что его могилу осквернили. Я вас очень прошу!

– Сэдди, можете не беспокоиться! Я хочу написать о вашем дедушке из лучших побуждений. Подождите, что значит, осквернили? – Ханна была потрясена услышанным, она даже не сразу поняла смысл сказанных слов.

– А вы разве... Сразу после похорон могилу дедушки откопали, а тело его исчезло. Я... это просто ужасно... – девушка не договорила и разрыдалась, пряча руками покрасневшее лицо. Ханна немедленно подбежала, обняла Сэдди и быстро-быстро заговорила.

– Сэдди, это ужасно. Я вам сочувствую... Не так давно я потеряла свою мать, и понимаю, что у вас творится в душе, Сэдди. Будьте сильной! Вам ещё жить! Жить долго и счастливо; всякая боль утихнет, вы должны быть сильной! Обещаю вам, ничего грязного в газетах о своем дедушке вы не найдете.

Девушка сквозь непрекращающиеся слезы искренне улыбнулась.

– Если бы я что-то знала, то обязательно рассказала. Извините.

Ханна поняла, что девушка не лжет, быстро попросилась и оставила её в покое, двинувшись к выходу. За своими спинами журналисты услышали, как Сэдди пытается успокоиться.

– Джон, ты слышал ее слова!? Это просто ужасно! Надо бы ей помочь! – последние слова Ханна адресовала именно Бигелю.

– Почему ты так смотришь на меня? Я вряд ли смогу что-то сделать.

– Джон? Не нужно рубить с плеча. Подумай, может, ты сможешь пристроить ее куда-нибудь, или помочь разобраться с ее делами?

– Дорогая, это уже перебор. Я понимаю ее горе, но... почему я ей должен помогать?

– Потому что ей нужна помощь! Она совсем одна! Неужели тебе не жалко девушку? – Джон неловко сглотнул, раздумывая, что ответить.

– Единственный близкий человек умер, так ещё и не хватало, чтобы его тело выкопали, боже, как же это противно...

– Дорогая, ты стала богобоязненной? – слегка удивился редактор, сказав эти слова, чтобы немного отвлечь девушку.

– Ты сможешь ей, Джон? – резко остановившись, спросила Ханна.

– Так уж и быть, подумаю, что можно сделать, – не успел Бигелю произнести этих слов, как Гудвин бросилась ему на шею с искренней улыбкой.

– Ладно тебе! Ханна, Ханна! Пожалуйста, не вгоняй меня в краску! – не решаясь резко отстранить девушку, строго попросил Джон. Когда та, наконец, пришла в себя, мужчина продолжил. – Знаешь, что меня поразило в Сэдди? О чем говорит эта девушка! Ей не хочется быть учительницей! Ей кажется это скучным! Ханна, не зови меня больше никуда, не то меня со всех сторон опутают женщины, которые ведут себя раскованнее, чем я, – Гудвин с улыбкой восприняла слова товарища.

– Тебе понравилась Сэдди, да, Джон?

– Это слишком личный вопрос! – Бигелю был серьезен, как никогда. Но как бы между прочим, ответил: – Но если быть откровенным, что-то в ней есть...

Некоторое время они шли молча.

– Ханна, мне кажется, ты ввязываешься в какую-то авантюру. Я слушал вас, наблюдал за тобой всё это время. Что такого ты хочешь найти в смерти старика-журналиста? Откуда ты вообще о нём узнала? Почему именно он? Зачем тебе все это нужно? Что тебе дал этот разговор! Я ничего не понял, – редактор неопределенно повел глазами. – Ни зачем мы пришли сюда, ни что нам было нужно, а твои вопросы вообще поставили меня в тупик. Она же ничего тебе не сказала! Такое ощущение, что тебе просто нужен был повод, чтобы привести меня и, надавив на жалость, заставить помочь Сэдди.

И коснувшись локтя Ханны, Джон добавил: – Только сильно не кричи, не хочу, чтобы женщина рядом со мной вела себя, подобно мужчине.

Ханна зло прищурила глаза.

– Все вы одинаковые! Вот поэтому я и не хочу никого из вас слушать! Джон, давай договоримся: мне неприятно слышать от тебя подобные фразы, я не твоя жена, и я тебя позвала, потому что действительно нуждалась в помощи, а не в подсказках, как мне говорить, ходить или махать руками, скакать и прыгать! – Ханна говорила это спокойным голосом, а когда закончила, Джон понял, что она обиделась.

Остановив журналистку, он виновато посмотрел в её глаза.

– Прости, дорогая! Эти стереотипы, это воспитание, всё это, конечно же, давно устарело и никому не нужно, но мне трудно изменить себя, трудно перешагнуть через привычки!

– От тебя всё ещё плохо пахнет, – ответила журналистка на попытку мужчины извиниться. – В общем, мисс Лонгман ни сказав ничего конкретного, поведала много общего, что обязательно мне поможет в написании этой статьи. Да я пошутила, Джон, не нужно так мучить туплю.

Они пошли дальше. Мужчина время от времени принохивался, задетый словами девушки.

– Понимаешь, Джон, у меня есть все основания думать, что этого старика убили, а несчастный случай был подстроен. Умница Сэдди, а я думаю, она не врала, сказала, что ее родственник не пил, значит то, что писали в газетах, полная ерунда, и Лонгман не мог умереть, перебрав спиртного.

– А газеты такое писали?

– Пришлось перешерстить ни один десяток газет! А бросаться под поезд, думаю, ему тоже не зачем было, он ведь работал перед смертью над чем-то серьезным. Теперь мне нужно собрать как можно больше информации, чтобы понять, кто и зачем это сделал? Поэтому я и позвала тебя, чтобы ты оценил воочию масштаб будущей публикации. Наверняка, Лонгман что-то знал, или что-то искал, а может уже нашел, поэтому его и убили.

– Но кто?

– Я думаю, тут дело связано с политикой! Больше пока не могу ничего тебе сказать.

Мужчина некоторое время размышлял.

– Да, если получится разоблачительное дело, ты так поднимешься, что я буду тебе завидовать. Да и газету потянешь вверх. Только у меня к тебе один вопрос: откуда ты знаешь, что его убили? То есть, откуда у тебя появилась такая мысль?

– Не важно, – она улыбнулась. – Интуиция.

Добравшись пешком до центра, журналисты остановились на углу одной из улиц, после чего Джон окликнул проезжающего мимо извозчика.

– Свободен?

Ответом ему был легкий кивок седовласой головы.

– Ладно, Ханна, мне нужно ехать. На носу выборы, а после них я, возможно, совсем уеду из страны на некоторое время. Так что если ты хочешь, чтобы я помог тебе со статьёй, пиши её быстрее.

– Желаю удачи, – она слегка наклонила голову в его сторону, чему был очень удивлен Джон; он совсем не привык видеть в этой молодой женщине манеры традиционного воспитания. – Не забудь про Сэдди.

– Хорошо. А ты про время – оно очень скоротечно! Я пока мало что понял, и не могу дать оценку, но если то, что ты говоришь, правда, то нашу газету с руками оторвут. Ещё раз тебе советую: успевай до выборов, крайний срок, через неделю-две после, и если эта история связана с политикой, головы полетят... ух... – и он изобразил характерный жест взмаха топором. Уже забравшись в повозку, Джон неуверенно добавил: – Ханна, мне почему-то раньше в голову не пришло... ведь все может обернуться по-другому. Если то, что ты накопила, будет слишком серьезным заявлением, у тебя могут возникнуть неприятности.

– Постараюсь сделать все, чтобы так и произошло, – легкомысленно ответила журналистка. После чего кибитка понесла задумавшегося Бигелоу в неизвестном для Ханны направлении.

Провожая взглядом стучащий копытами транспорт, девушка не заметила, как налетела на шедшую мимо полную женщину, которая, видимо, куда-то спешила.

– Ой, простите, простите, я случайно, я не заметила... простите, – искренне и взволнованно, даже как-то испуганно, извинялась незнакомка, отчего Ханна почувствовала себя таким извергом, каменным истуканом, увидев которого сразу же появляется желание упасть перед ним на колени и целовать его стопы. Она попыталась изобразить подобие улыбки, и быстро ушла в сторону, давая пройти тучной особе. Женщина, стесняясь даже смотреть в глаза Гудвин, сделал шаг вперед.

– Ничего страшного, я сама виновата! – как можно более дружелюбно и легко попыталась ответить журналистка.

– Простите ещё раз, я не хоте... – последние слова незнакомая женщина проговорила, уже отвернувшись и отбежав от Гудвин, будто боясь увидеть её гнев, поэтому Ханна не смогла их разобрать. Она задумалась; непонятные чувства, изредка появлявшиеся в ее голове, снова родились, чтобы отвлечь от насущных дел. Она вдруг отчетливо почувствовала себя... мужчиной. Эта женщина так кротко и виновато извинялась, как можно извиняться только перед мужчинами, и Гудвин подумала, что в брюкам и легком пальто она действительно мало была похожа на обычную девушку этого города. «Неужели эти брюки делают из меня очередную сви- нью!» – пронеслось у неё в голове. Поглядев по сторонам в поисках других представительниц своего пола, Ханна отметила, что практически все они мало на неё походили. Низко опущенные головы, закрытые одежды, у некоторых довольно пышные платья, надетые не по сезону, а ради украшения, кокетливые взгляды кавалерам, которыми Ханна почти никогда никого не одаривала, доходящее до исступления чувство вины, соблюдение строгости в жестах и улыбках, отсутствие выбора. Другие женщины, которые были бедны, плохо одевались и выглядели не очень красиво, вели себя более раскованно, насущные житейские вопросы о том, как прожить очередной день, не умерев с голода и прокормить своих детей, не оставляли времени и места на хорошие манеры, но в центре этих женщин было не так много, поэтому в глаза Ханне бросались только особы среднего класса.

«Это так неправильно... Почему мы всегда стоим ниже мужчин! Почему же мы не равны им, и почему они думают, что мы ничего не можем. Они же делают из нас рабынь, пудря нам мозги словами о женском месте в семье и обществе», – Гудвин хотела развить свои мысли, но вспомнила о планах на сегодня. Ей нужно было спешить, и до конца дня посетить ещё пару мест. Печально вздохнув, она оставила на потом размышления о женской эмансипации, вновь задумавшись о своем деле.

– Чем я могу вам помочь, мисс? – спросила пожилая женщина, сохранившая приятную внешность и тепло в глазах, не смотря на свой почтенный возраст. Она на половину открыла дверь своего дома на севере Манхеттена и, мило улыбаясь, смотрела на Ханну.

– Я бы хотела поговорить с мистером Уолтером.

– Милочка, мне очень жаль, но его нет дома. Он уехал по делам в Вашингтон, – всё так же мило ответила старушка.

– А когда он будет?

– Я сама была бы рада знать! Если бы тридцать пять лет назад мне сказали, что он будет вечно пропадать, не выходила бы за него замуж, – слегка улыбнулась она, на удивление Ханна обнажив целые, хотя и желтоватые, зубы.

– Так вы его жена... А могу я задать вам пару вопросов?

– Чем могу помочь?

– Вы знали мистера Лонгмана?

– Виктора? Этого божественного человека! Конечно же, знала! Очень жаль, что его уже нет с нами, – лицо пожилой дамы сделалось чрезвычайно грустным.

– Я его племянница, Ханна! И мне бы очень хотелось поговорить с вашим мужем о дяде... может, вы мне расскажете что-нибудь из его жизни? Мы давно не виделись, и на похороны я не смогла приехать. Я только что от его внучки, мы мило побеседовали, но мне так хочется узнать как можно больше о дяде, мне так стыдно, что я редко его посещала...

– Бедная, вам, наверное, нелегко... Что же вам рассказать о вашем дяде... Те редкие случаи, когда Виктор приходил к нам, они с Гарри проводили в его кабинете. Они были очень хорошими друзьями. Могу лишь сказать, что человек он был необычайно добрый и честный.

– Откуда вы это знаете, раз говорите, что он был редким гостем в вашей семье? – поинтересовалась девушка.

– Ооо, ты ещё молода, голубка; с опытом это понимание придет. Виктора выдавали его добрые глаза. Да и Гарри рассказывал мне, какой Виктор был внимательный и отзывчивый

человек. И журналистом он был отменным, но именно из-за своего характера ему порой было тяжело писать статьи.

– Да? А каков же был его характер?

– Ох, ты должна понимать это лучше меня, голубка. От него требовали писать то, что он писать не хотел, и успокоения он порой искал в спиртном и компании моего мужа, о чем тот, конечно же, мне рассказывал.

– Как же так! А Сэдди говорила, что дядя не пил!?

– Я лично не знакома с его внучкой, но Гарри рассказывал, что Виктор никогда не приходил домой не трезвым, вот так-то. Он очень ее любил и не желал расстраивать.

– Хорошо, миссис Уолтер, спасибо большое. Так, когда мне можно прийти, чтобы застать вашего мужа?

– Через две недели, думаю, он придет, так что мы будем рады вас видеть!

– Я обязательно приду! – и, сойдя со ступеней, Ханна сделала несколько шагов по тротуару, но вдруг остановилась, обратившись к старушке, провожавшей Гудвин легкой улыбкой: – А вы не знаете, в какую больницу был привезен дядя?

– Милочка, насколько я помню, когда его привезли, помощь ему уже не требовалась, поэтому его сразу же отправили в морг. Кажется при больнице... ммм... совсем уже памяти нет! Но это совсем не далеко, в трех кварталах отсюда, если свернуть вон там налево. Поэтому-то мой Гарри первым и прибыл на опознание. Вы легко найдете эту больницу. Длинное белое здание, огороженное высоким забором. Там ещё банкиры сидят, в здании, напротив, у них над дверью большими буквами написано «Если нет выхода, либо к нам, либо в дом – напротив». Если честно, я бы лучше выбрала второй вариант.

– Я вас поняла. Ещё раз спасибо! – разделив улыбкой мнение старой женщины, Ханна, отправилась на поиски морга. Доброжелательная старушка легко подняла ей настроение.

«Какой интересный стиль сегодня в моде – брюки... Это так ново! Эх, стать бы мне молодой, как она, хотя бы на день...» – подумала пожилая женщина и, зайдя в дом, закрыла за собой дверь.

– И что, вы ничего не помните? – от хорошего настроения не осталось и следа. Ханна уже пятнадцать минут пыталась разговорить совсем не падкого до пламенных речей патологоанатома. Низенький полный мужчина, с явно выраженной нелюбовью к людям, живым, по крайней мере, стоял напротив девушки и смотрел на неё своими маленькими глазками, которые совсем терялись за пышными черными бровями. Наглый голос мужчины ясно говорил о том, что ему надоело общество журналистки. Ханна же не собиралась уходить, пока не выпытает хоть какую-нибудь информацию.

– Ты что, языка не понимаешь, я же сказал – не помню! – белый халат кое-где был испачкан кровью, а руки мужчины пахли чем-то неприятным.

– Ну, я же знаю, что не поезд сбил этого человека, мне нужно только ваше подтверждение.

– Если знаешь, могла не приходиться, я работаю.

У Ханны этот отвратительный человек вызывал сильнейшее желание его чем-нибудь ударить. Но успокоившись, девушка решила действовать по-другому. Она вытащила из своей маленькой серой сумочки две бумажки и протянула мужчине.

– Ещё столько же, – голосом, не приемлющим споров, произнес он.

«Двести долларов! За что же я их тебе отдаю...» – рука девушки снова исчезла внутри кошелек, достав ещё две бумажки, остатки её зарплаты и часть денег, которые ей дал Джерри.

– Теперь помните? – нервно спросила Гудвин.

– Его били и били много!

– А вам заплатили, чтобы вы ничего не говорили родственникам и не показывали тело, ссылаясь на то, что оно сильно искалечено? Верно?

– Мы не на допросе! Это не твоё дело!

– Хорошо! От чего он умер? Он многочисленных ударов?

– Именно. Простак, увидев его изуродованное тело, может быть и поверил бы, что старика сбил поезд.

– А вы мне можете показать официальное заключение с результатами исследований?

– Его нет. Ни в оригинале, ни в копиях. Но я бы всё равно не дал.

– А как выглядели те, кто вам платил за ложь?

– Я пошел. Мне нужно работать.

– Вы сможете подтвердить в суде свои слова?

– Я пошел.

– Хорошо, было приятно поговорить с вами!

Мужчина посмотрел на неё, как на дуру, отвернулся и ушел в палату. Ханна подумала, что даже после смерти не хотела бы попасть в руки этого врача. Подумала, что даже в это помещение она не хотела бы попадать. Холод и смерть царили здесь. «Хорошо, что этот милый собеседник снизошел до меня и хотя бы вышел в коридор, а то я сама бы тут осталась, увидев тела людей» – радовалась журналистка.

Мысли её склонялись то к одному желанию, то к другому. С одной стороны она уже сейчас готова была написать статью, пусть и без имен, пусть не подтвержденную фактами, но с другой, Ханна понимала, что необходимо дождаться Уолтера, старого друга умершего. Ей казалось, что он многое может ей открыть, связанное со смертью журналиста. Решив не спешить с написанием, Ханна Гудвин вышла из мрачного здания. Осенний прохладный воздух наполнил легкие чистейшим кислородом. Солнце уже собралось садиться, ветер становился сильнее, но девушка не спешила домой, пытаясь понять, что же на самом деле случилось с добрейшим журналистом. Вспомнив всё, что ей удалось накопать за короткий срок, девушка поймала себя на мысли, что ей стало интересно это дело не просто, как очередная статья, пусть и весомая, но как нечто важное для неё самой. Она хотела полностью обличить преступников, но теперь уже понимала, что не для своей выгоды, а для справедливости.

Глава 5

Октябрь 1860г.

Утром, за две недели до президентских выборов, входя в просторные помещения Капитолия, Митт бросил взгляд на статую Фемиды, стоящую на куполе этого огромного молодого архитектурного сооружения и, мысленно воззвав к ней, понадеялся, что та не оставит его в такой день, и чаша весов склонится в нужную сторону на сегодняшнем собрании.

У входа в зал заседаний стояли двое полицейских, которые при появлении Митта изучающе посмотрели на него, что немного насторожило мужчину, но решив, что это простая формальность, он забыл о них. Митт уже неоднократно был здесь, каждый раз выступая перед становившимися всё более знакомыми лицами политиков. Каждое новое его выступление было лучше предыдущего, Митт четко – как и обещал – следовал указаниям Джерри, и читал только те тексты, которые ему заранее готовились. Сегодня же читать ничего не нужно было, Гудвин собирался только слушать. Осознавая, что от него сейчас ничего не зависит, мужчине было не по себе, к тому же сегодня он остался без Джерри, которого Ханна забрала для загородной прогулки (в последнее время дочь Митта почти не виделась со своим будущим мужем – тот бросил все силы, чтобы помочь устроить Гудвина на должность заместителя министра финансов, что очень её огорчало, поэтому она, можно сказать, вырвала мужчину на отдых). Но заметив двоих друзей своего зятя, Митт немного успокоился, хотя волнение оставило его ненадолго.

Огромная комната, эхом проносившая негромкие голоса от одного угла к другому, казалась пустой, горстка старых лощеных политиков ни на долю не могла заполнить собой всего пространства зала. Людей действительно было не много; присутствовали только несколько членов законодательного собрания. Никого из высокопоставленных политиков штата не было. Быстрого взгляда на пришедших депутатов Митту было достаточно, чтобы понять, как скучно им здесь находиться. Даже во время своих выступлений мужчина видел гораздо больше политических деятелей. Гудвин, который уже был готов расстроиться, видя такое наплевательское отношение к себе, перевел дух и мысленно послал всех к черту, решив, что будь он единственным человеком в здании, выйти из него он должен победителем.

За полукруглой длинной трибуной ещё никого не было; Митт подошел к знакомым, поздоровался с ними и прошествовал к своему месту напротив обитого богатой красной материей кресла главы законодательного собрания, и сел в ожидании неизвестного. Он старался не оборачиваться на мужчин, уютно устроившихся позади, лишь изредка улавливая доносившиеся до уха обрывки разговоров, тем самым, желая уловить настроения присутствующих.

– Пришел один, – шептал неизвестный Гудвину голос.

– А ты как думал?! Я слышал, у него даже поддержки никакой нет.

– Как тогда он сюда попал...

Митт немного, чтобы этого не заметили, отклонился назад, но теперь услышал уже совсем другие голоса.

– ...вчерашние новости?

– Нет, а что там?

– Снова написали, что в городском бюджете нет денег.

– Всё им лишь бы страху на людей навести своими дурацкими статьями.

– Хуже всего, что они правы...

– ...жуткая изжога! Моя Джен всю ночь поила меня молоком, думал, что уже и не оклемаюсь.

– Даже не верится... Я хожу в этот ресторан более трех лет и ещё никогда ничего подобного со мной не было.

– Зря только собрались, – наконец, уловил интересующий его разговор Митт.

– Считаешь, ничего у него не выйдет?

– Уверен... ты же знаешь нашего брата, кто будет отдавать теплое местечко кому-то с улицы...

– Это точно. Причем, несколько я знаю, Новак уже подыскал себе заместителя.

Гудвина такие слова повергли сначала в шок, затем в ярость; кулаки непроизвольно сжались, кровь стала приливать к голове, пульс участился. Он готов уже был подняться и не оставить ни одного из присутствующих здесь депутатов без приличной доли оплеух. Однако, он этого не сделал, с трудом себя успокоив. Медленно повернувшись к говорящим, Митт остановил на них свой яростный взгляд. Мужчины тут же замолчали, пытаясь спрятать глаза от этого взгляда. Мысленно проклиная старых мерзавцев, Митт попытался отвлечься, он стал внимательно изучать картины, висевшие на высоких стенах. Отрывками там были изображены некоторые периоды из жизни страны: высадка на восточные берега испанских конкистадоров, англичане, атакующие англичан в войне за независимость, подписание конституции в Филадельфии, и ещё несколько рисунков, в которых Гудвин не смог уловить связи с известными ему историческими фактами.

Наконец в палату вошли верховные главы законодательного собрания. Их было пятеро, все в черных мантиях с одинаковыми париками на головах. За ними вышел министр финансов Нью-Йорка, за ним ещё два человека, должности которых Митт не знал. Все встали; поприветствовав присутствующих короткими взглядами, председатели заняли свои места. Министром финансов был демократ, моложе Митта на несколько лет, гладко выбритый, с аккуратно уложенными волосами, в костюме, который блестел настолько, что смотреть на него при солнечном свете было бы тяжело для глаз. Лицо этого человека, точно его костюм, излучало свежесть, чистоту и полное отсутствие каких-либо морщин, а значит и переживаний. Подойдя к Гудвину, он тихо произнес:

– Удачи вам, мистер Гудвин! Искренне желаю, чтобы вас выбрали.

– Спасибо, мистер Новак, – Митт был искренен в своих словах, чего не услышал в пожелании Новака, но радость от того, что хоть кто-то желает ему успеха, немного успокоила его страх. Новака он уже видел несколько раз, пытался с ним заговорить о будущей совместной работе, но американец не выражал желания беседовать со своим будущим заместителем. Находя нелепые отговорки, он, тем не менее, изящно умел заканчивать ими разговор, чем все время и занимался, по крайней мере, с Гудвином. Джерри поведал Митту, что тип этот был весьма хитер и подобрал под себя руководство всеми финансами не только города, но ходили разговоры, что даже и штата. Противоречивые чувства Митта, узнавшего подробности деятельности своего будущего коллеги, не давали Гудвину покоя долгое время. С одной стороны он терпеть не мог таких людей, каким был Новак (по словам Джерри), с другой – выбора у него не было – он согласился выдвинуть свою кандидатуру на освободившееся место заместителя Новака до того, как узнал что-либо о будущем начальнике, и вообще о своей будущей работе, и теперь он пытался ухватиться за эту должность всеми силами. Когда в долгих раздумьях Гудвин спрашивал себя, зачем ему это нужно, ответами служили обещания детям и самому себе устроиться на хорошую работу, остепениться, наконец, обеспечить тех же детей и... забыть всё, что было в прошлом. Но ответы, которые находил в себе Митт, были только внешней оболочкой его восприятия действительности. Внутри, он по-прежнему жаждал борьбы и даже мысленно просил, чтобы слова Джерри подтвердились относительно Новака, и у него, Гудвина, появилась бы причина к продолжению своего любимого занятия, к восстановлению справедливости, пусть даже внутри того круга, куда его хотели впихнуть. В те минуты, когда горячие, бешеные и несдерживаемые чувства бушевали в голове, Митта легко было поймать на таких мыслях – в его уже старческих, высыхающих глазах отчетливо проявлялось известное молодым людям состояние – неуправляемая страсть и огонь будущих дел, поэтому он позволял долгие рассуж-

дения исключительно наедине с самим собой, пряча внутрь сокровенные мысли, будто запиная за шиворот рубахи украденный хлеб, чтобы потом, в одиночестве, съесть его с большим аппетитом.

Когда все устроились на своих местах, наступила минутная тишина, которая только и ждала, когда председатель собрания начнет произносить речь, чтобы спокойно покинуть это место.

Председатель, наконец, встал и заговорил:

– Уважаемые депутаты, – он кивнул на своих соседей, расположившихся по обе стороны от него, затем повернулся к залу, – представители верхней палаты законодательного собрания штата Нью-Йорк. На сегодняшнем заседании мы рассмотрим кандидатуру мистера Митта Гудвина, выдвинутую на пост заместителя министра финансов города Нью-Йорк, а так же на пост депутата верхней палаты от города Нью-Йорк.

Первые слова были чистой формальностью, и Митт их почти не слушал. Он был практически уверен, что его изберут, поэтому отчасти витал в облаках, в ожидании прочтения действительно важных слов.

Связи Джерри были довольно большими и, помимо того, что он сам пробивался в палату парламента, он ещё и своего будущего тестя хотел поставить на видное место. Отец Ханны отказываться не стал, решив, что сам он нормальную работу не найдет никогда, да и выбора большого Джерри ему не дал, рассказав, что в верхней палате парламента появилось свободное место – бывший заместитель финансов, демократ, от корней волос до пят, был отстранен от работы за раскрывшую его личность статью в одной из газет. Вашингтон узнал о его награбленных состояниях и, решив не поднимать волнений, мужчину отправили в отставку. А может в столице обо всем знали, но чтобы обезопасить многих таких же, прикарманивших деньги штата, и успокоить возмущенных жителей, избавились от одного. Так или иначе, место в верхней палате парламента стало вакантным и, не имея никакой альтернативы, пожилому мужчине пришлось согласиться на то, что предложили. Так как выборы на такие низкие должности проводились не путем голосования, а согласием или отказом председателя законодательного собрания штата, Гудвин не боялся, что останется за бортом. После произнесенных речей на тему финансового развития города (подготовленных знакомыми Джерри), нескольких банкетов, где Митт лично общался с представителями мэрии Нью-Йорка, пожилой кандидат был уверен в том, что скоро изнутри познакомится с непростой жизнью политика. От дальнейших размышлений Митта отвлек обращенный к нему голос председателя.

– Мистер Гудвин! Мистер Гудвин, вы с нами? – после некоторого молчания, депутат спросил: – Мы же собрались здесь по вашему вопросу?

– Да, сэр.

Председатель собрания продолжил: – Мистер Гудвин! Представители законодательного собрания ознакомились с вашей политической биографией, с финансовой программой, предложенной вами для дальнейшего развития города, которую вы в полной мере раскрыли в докладах, представленных на недавних заседаниях в Капитолии. При рассмотрении вашей кандидатуры учли также ваш политический опыт во время пребывания во Франции. Мистер Гудвин, учитывая все рассмотренные данные, законодательно собрание пришло к единогласному выводу.

Митт стоял в предвкушении! Сейчас должен был наступить момент истины.

– Мы отклоняем вашу кандидатуру на должность заместителя министра финансов города Нью-Йорк, а так же на должность...

Мужчина не успел договорить. Несколько человек переглянулись; по залу побежал шепоток. Митт сдвинул брови, не поверив услышанным словам.

– Как это – отклоняем? – громко произнес Митт. Наклонив голову в сторону читающего, он повторил: – Отклоняем?

– Мистер Гудвин! – председатель повысил голос. – Дайте мне сказать!

– Но как же! Что значит – отклоняете? – мужчина вышел из-за стола, оглядел всех присутствующих в волнительном негодовании и посмотрел на депутата. Ноги у него затряслись, и ему пришлось держаться за край стола, чтобы никто этого не заметил. Лицо Митта приобрело яркий оттенок недовольства. По всему было видно, что он никак не мог ожидать такого поворота событий; мысли в голове переплетались, мешались друг с другом, он не находил слов, чтобы выразить своё непонимание случившемуся. Он забыл про всех людей, находящихся за его спиной, забыл о том, что они могут как-то не так воспринять его поведение; он попытался подойти к трибуне, но тело подвело его – сделав пару шагов вперед, Митту пришлось остановиться. Положение вдруг сделалось настолько отчаянным, что Митт не знал, что делать, ему казалось, депутаты уже час наблюдает за ним и ждут слов от него, но прошло лишь пару секунд молчания. Наконец, Гудвин предательски надрывающимся голосом выдал из себя:

– Послушайте...

– Если вы ещё раз меня перебьете, я вынужден буду без объяснения причин завершить заседание! – гневно смотря сверху вниз на Митта, прогремел председатель собрания. – Мы дадим вам слово по окончании моей речи.

Митт замолчал и сел. Он до сих пор не верил, что всё правильно услышал. Выпив стакан воды, стоящий на краю стола, мужчина внимательно стал слушать депутата, ни разу его не перебив. Чего это стоило Гудвину, даже он сам до конца не знал.

– Замечательно! – человек в парике снова опустил взгляд на бумаги в своих руках и заговорил:

– Причины нашего решения следующие: подробно изучив вашу, подчеркну, настоящую биографию, уполномоченные органы пришли к выводу, что часть вашей жизни не соответствует документам, предоставленным нам. Было выяснено, что на территории Соединенных Штатов Америки вы проживаете всего год, не являетесь полноправным гражданином этой страны и имеете поддельные документы. По закону член палаты парламента должен удовлетворять некоторым требованиям, а именно: проживать на территории страны десять и более лет, быть гражданином этой страны, иметь возраст более тридцати пяти лет. Поскольку под некоторыми пунктами вы подписаться не можете, у нас появилась прямая причина для отклонения вашей кандидатуры на должность заместителя министра финансов, одну из важнейших должностей в верхней палате парламента города Нью-Йорка – он ненадолго прервался, перевернул страницу, и продолжил: – Следующая причина, она же решающая в вашем вопросе – ваша предыдущая деятельность. Я подчеркну, что данный момент стал решающим при принятии решений, так как он полностью определяет вас, как члена общества, будь оно американским или европейским, и запрещает вам вести законную политическую деятельность, в какой бы то ни было области, – человек снова замолчал на секунду, дав возможность всем устремить на него взгляды: – Законодательному собранию стало известно, что во Франции и Российской Империи, откуда вы, собственно, родом, вами велась активная революционная деятельность, революционная пропаганда, вы неоднократно были замечены в стычках с полицией и военными этих стран, а ваши намерения относительно изменения или смены власти являются наиболее существенными аспектами, говорящими против вас. Иными словами, деятельность, проводимая вами и вашими соучастниками, я повторяюсь, не позволяет законодательному собранию рассматривать вас на должность заместителя министра финансов города Нью-Йорк. Я не буду зачитывать собранные материалы, если хотите, вам позволят с ними ознакомиться позже. Но, думаю...

– Хватит! Как вы смеете! Это клевета! Все эти бумажки – подлог против меня! – гневно выкрикнул мужчина, который больше не мог слушать этих слов. Подпрыгнув на своем кресле, он случайно задел рукой стакан, который, коснувшись пола, тут же разбился.

– Мистер Гудвин, дайте мне две минуты договорить, – председатель был непреклонен.

Но ярость Митта уже выплеснулась наружу. Толкнув от себя стол, он подошел к мужчине, слова которого стали для него роковыми. Одним прыжком поднявшись на помост, он стал лицом к лицу с решившим его судьбу человеком. Сидящие рядом депутаты отшатнулись от Митта. Полицейские, не сразу поняв, что происходит, рванули было с места, но Новак, стоящий в стороне от трибуны, покачал головой, показывая, чтобы они не спешили.

– Да как вы смеете такое говорить! Кто вы такой, чтобы за меня решать, какие мои действия были противоправными, а какие нет? Я боролся за права людей! – он кричал, на его подбородке повисла слюна, но, не обращая на это никакого внимания, он продолжал: – Что вы вообще знаете обо мне?! Вы твердите – закон, закон, при этом нарушая его на каждом шагу. Нарушите его для меня! Всего один раз! Я всего лишь хочу сделать что-то полезное для людей.

Гудвин не просил, нет. Эти его слова скорее походили на безумные выкрики о спасении чахоточного в предсмертной агонии или же на последний сумасшедший и неосуществимый приказ проигрывающего сражение офицера. Митт вплотную приблизился к председателю собрания. На лице последнего отчетливо читался страх... Он не ожидал такой реакции. Голос его поменял свой тембр; он глухо произнес:– Мы не сможем ничем вам помочь, мистер Гудвин. Простите...

Митт зло посмотрел на председателя. Он не знал, что предпринять. Его время вышло. Повернувшись к пришедшим на собрание политикам, которые так же, в страхе и удивлении наблюдали за происходящим, Гудвин закричал: – Да! Он прав! Я не родился здесь, а прожил действительно только год, но приехал в эту страну лишь для того, чтобы работать, надеясь, что мой опыт пригодится хотя бы вам! И да, мне повезло участвовать в революции, потому что я хотел свергнуть власть, которая гнобит свой народ! Я бы и здесь поднял людей на революцию, но всей душой стремился этого не делать, а попробовать изменить жизнь людей другим образом. Пускай заместитель министра финансов совсем не то, чего я хотел, но я был готов к этой никчемной работе, в надежде, что она хоть когда-нибудь принесет свои плоды людям. Все эти слова, которые я читал на собраниях – они не мои! Вы совершаете глубочайшую ошибку, не позволяя мне по-настоящему взяться за дело, ради которого я сюда приехал.

Слова его эхом разносились по огромному залу, красные стены которого будто бы помогали мужчине, в разы усиливая и без того громкий голос. Все сидели молча, никто даже не шевелился, пристальные взгляды были направлены на оратора. Он хотел ещё что-то добавить, но краем глаза уловил... Министр финансов, все это время смотрел на него с усмешкой и явным пренебрежением. Противная улыбка так и гуляла на его лице, от чего Митт стал ещё злее. Он слотнул и, спрыгнув вниз, быстрым шагом достиг Новака.

– Вы смеетесь? – сказал он, вложив в свой вопрос всё негодование, которое только мог.

– Конечно, – ещё шире улыбнулся Новак, не обращая внимания на эмоции Гудвина. – Вы полный дурак, если могли подумать, что вас поставят на этот пост.

– Почему это? – недоумевал Митт. Ему стало так интересно послушать мнение этого выскочки, что ярость на минуту успокоилась в нём.

Новак немного отошел от него, посмотрев на полицейских; те достали деревянные дубинки и спрятали их за спинами. Они так ловко это сделали, что Митт не смог заметить их действий.

– Сэр, вы позволите? – спокойно произнес министр.

Успевший прийти в себя председатель, сухо кивнул головой. От жуткого ужаса не осталось и следа, мужчина уже думал о том, как бы без лишнего шума вывести из здания взбесившегося старого сумасшедшего.

– Мистер Гудвин. Зал заседаний не место для ваших разборок. Нужно *desipere in loco*. Но вы были так активны, что не дали полицейским даже успеть среагировать. – Новак остановился перед трибунами председателей собрания и продолжил говорить с издевкой в голосе.

– Вы думаете, что в нашей великой стране нет людей, которые могут занять эту вакантную должность?! Вы, своими прошлыми противоправными действиями ставите под угрозу саму систему власти в нашем государстве. И, если вы думали, что переехав на новое место, о вас забудут, и не раскопают ваши прошлые «заслуги», то сильно ошибались, – он посмотрел на Митта, который вновь приблизился к трибуне, где за столами восседали главные люди штата.

– Я так не думал! Я не понимаю, к чему эти слова?! – гневно ответил Гудвин.

– Он имеет в виду, – ответил за министра председатель, – что мы не можем оставить без внимания подделку вами документов и проникновение в святая святых сената. Поэтому мы вынуждены вас задержать, мистер Гудвин, – председатель посмотрел на полицейских, которые уже подошли к трибунам. Митт попятился назад, смекнув, что к чему. Последняя надежда на адекватность окружавших его людей улетучилась. Нащупав ногой ступеньку, Гудвин взобрался к депутатам и, упершись спиной в один из столов, проговорил:

– Знаете что, господа? Не надо делать поспешных выводов.

– Арестуйте его, чего стоите, – крикнул на полицейских Новак. – Хватит устраивать клоунаду в здании Капитолия.

Полицейские подчинились; рванув вперед, они выставили перед собой дубинки. Митту ничего не оставалось, как защищаться, хотя он ни за что на свете не поверил бы, что обещавший быть счастливым день так обернется для него. Люди начали вставать со своих мест; они не знали, как реагировать. Некоторые поспешили к выходу, другие стояли на месте, и наблюдали за процессом задержания, но никто не решился вмешаться, ни за какую из сторон. Один из полицейских хотел схватить мужчину, но не успел.

Митт перепрыгнул через стол, едва не налетев на депутата, который вовремя вскочил и отпрыгнул в сторону. Остальные члены собрания, совладав со своим возрастом, тоже поднялись с кресел и, столпившись в маленькую группу, теснили друг друга назад, к стене. Второй полицейский стал перед ними и пошел на Гудвина, который опрокинул на него один из американских флагов, стоявших за центральным столом главы собрания.

* – Безумствовать там, где это уместно

Флаг с грохотом упал, не навредив полисмену, успевшему увернуться, но дезориентированный на секунду полицейский получил сильный удар в челюсть и, закачавшись, свалился на пол. Оставшийся страж закона приблизился к Митту со спины, но тот успел схватить ближайшего из депутатов за просторную мантию, подтянул к себе и, развернувшись лицом к полицейскому, укрылся за широким телом представителя власти.

– Стой на месте, или я его убью! Сверну ему шею! – не дожидаясь реакции полицейского, Гудвин отступил назад, постоянно оглядываясь на тех, кто стоял рядом. Лежавший страж опомнился и стал подниматься. Митт, не найдя взглядом Новака, дошел с заложником до двери, из которой тот выходил; пнув её ногой, он вместе с депутатом очутился в другой комнате, толкнул мужчину на пол, сам же перевернул огромный шкаф, временно заблокировав дверь. На минуту Митт оказался в безопасности. Как бы он хотел увидеть здесь Новака, но комната с круглым столом посередине и множеством шкафов у стен была пуста. Немного успокоившись, Гудвин понял, что значила презрительная улыбка министра финансов – он ещё до заседания знал, что Митту не дадут ни то, что работать, но даже выйти из здания ему не позволят.

– Как выбраться наружу? – крикнул Гудвин на мужчину. Тот ничего не мог ответить; то ли был напуган, так, что потерял дар речи, то ли от страха забыл, где находится выход. Гудвин выругался, и едва сдержался, чтобы не ударить неразговорчивого заложника. Дверь, ведущую в зал, попытались открыть. Решив сначала бежать к единственному выходу, Митт быстро оставил эту идею, подумав, что по этому пути его скорее поймают, чем ему удастся сбежать. Подойдя к окну, Митт швырнул в него схваченный стул, закрыл глаза рукой, и через секунду уже перебирался через оконную раму наружу. Он мысленно обрадовался, что заседа-

ние проходило на первом этаже. Пробираясь через высокие кустарники, он слышал сзади себя шум, но оборачиваться не стал. Гудвин чувствовал, что далеко он не сможет убежать – возраст давал о себе знать – но преодолевая колющую боль в животе и страх за сердце, которое готово было выпрыгнуть из груди в любую секунду, он продолжал двигаться вперед, радуясь стремительному удалению от него Капитолия.

– Митт? Что с вами? – к мужчине подбежал Джерри, подхватив его под плечи.

– Меня решили а... арестовать. Они всё... всё узнали и решили меня арестовать, – Джерри помог старику добраться до кухни и сесть на стул. Вид у Гудвина был такой, будто он очистил авгиевы конюшни за один день и в одиночестве. Он был едва жив, дышал часто и громко, сердце его продолжало бешено колотиться. Его рубашка была мокрая от пота, морщинистое лицо от усталости и нехватки воздуха сделалось пунцовым. Одежда мужчины была помята и изорвана кое-где, брюки испачканы в пыли.

Для Джерри эти слова стали большим удивлением. Он ожидал чего угодно, даже, что Митту просто откажут, но чтобы ещё узнали о его настоящем прошлом и пытались задержать – американцу казалось, что это просто невозможно.

– Хорошо, что вы застали меня дома. Я скоро собирался уходить. Митт, а как вы добрались до города?

– Добрые люди помогли пробраться на поезд. А где Ханна?

– Ей нездоровится, она спит в своей комнате.

– ...не хочу напугать её своим видом, – потихоньку приходя в себя, проговорил отец девушки.

Молодой человек, казалось, его не слушает. Он бормотал:

– Как же так... этого просто не может быть! Я настолько тщательно очистил ваше имя, что даже позавидовал вашему новому прошлому! Этого просто не может быть...

– Может кто-то из твоих друзей раскрыл нас?

– Не думаю. О моих делах знали только четыре человека, и на всех их я мог бы положиться, как на себя.

– Раз так, то у меня есть только одна версия – это сделал Новак – министр финансов, помнишь, о котором ты мне рассказывал? Я же должен был стать его правой рукой... Думаю, всё заключается в его желании посадить рядом с собой надежного для него человека, а не какого-то неизвестного впервые увиденного кандидата. Думаю, это он раздобыл где-то информацию и предоставил её этим... председателям. Подумай все-таки, возможно он кого-то из твоих друзей подкупил.

– Может вы и правы... Я постараюсь это выяснить. Хотя... почему вы думаете, что именно Новак виноват. Лично я с ним не знаком, лишь слышал о нем, да видел мельком несколько раз. Но то, что говорите, может иметь место. И все же почему именно Новак?

– Джерри, мне трудно это объяснить! Новак был сегодня на моем рассмотрении. И он прямо сказал, если я надеялся на то, что меня изберут, то был бы самым большим дураком.

– Митт, это ещё не повод...

– Повод, Джерри! – крикнул Митт, не удержавшись. – Я по его глазам видел, что это он за всем стоит! Если он узнал моё прошлое, а он, скорее всего это сделал, чтобы обезопасить себя в будущем, то он просто не мог допустить меня к управлению городскими финансами.

– Ну, хорошо, Митт, давайте успокоимся! Как же теперь быть... – Джерри серьезно посмотрел на Гудвина. – Вот что, вам необходимо на время спрятаться, Митт. После выборов обстановка в стране поменяется, и всё утихнет. Я найду для вас укромное место, где можно будет переждать выборы и пожить несколько месяцев, – начал было Джерри, но Гудвин не дал ему договорить.

– Нет, Джерри. Не надо, я не стану прятаться. Они думали, что арестуют меня, но у них не вышло. Они думают, что найдут меня, но у них и это не выйдет!

В словах этого человека Джерри почувствовал нотку безумия. Глаза Гудвина горели. Он, казалось, был рад произошедшему, казалось, он только и ждал чего-то в этом роде. Митт медленно встал и, положив руку, всю в ссадинах, на плечо своего будущего зятя, серьезно произнес: – Джерри, я, наконец, понял! Сколько же лет должно было пройти, чтобы мне открылась эта простая истина.

– Вы о чем, Митт?

– Я неправильно поступал все годы своей революционной жизни! Я пытался бороться с разгулом власти не теми методами.

– Я вас не очень понимаю, но... мне всегда казалось, что ваше занятие имеет свою высокую цену.

– Нет, нет, ты прав! Ты прав! Но... в России я пытался сделать людей образованными, чтобы они сами поняли всю несправедливость существующего строя, во Франции же я попал в революционную волну, и меня выкинуло на берег, как и всех остальных революционеров, как только стихла буря людского негодования, почти ничего не добившаяся, стихла и ушла. То есть я хочу сказать, что опоздал, войдя в рабочее движение в середине пути.

– Что вы хотите этим сказать? – Джерри хотел отойти от мужчины, но продолжая чувствовать тяжелую руку пожилого человека на своем плече, руку, всё сильнее сжимающую плоть, не смог этого сделать. Митт с блестящими от разгоравшейся в нем идеи глазами смотрел на будущего тестя.

– Я пойду на улицы! Я сам сделаю революцию! Буду собирать людей, говорить им, что... Да им ничего не надо будет говорить! Ты сам каждый день видишь, что творится в городе, ты должен понять, какое количество людей послушает меня! Какое количество бедноты пойдет со мной!

Джерри подумал, что Гудвин обезумел. Пытаясь хоть немного успокоить Митта, хотя бы на секунду увидеть его спокойный взгляд, не одержимый сумасшедшими идеями, Джерри несильно потрянул тело старика. Тот никак не отреагировал, смотря на молодого мужчину, но, не видя его.

– Митт, Нью-Йорк один из процветающих городов. Бедность у нас, это не единственная проблема. Есть ещё рабство. А фермеры с их бедной землей на Западе, есть же ещё индейцы, жизнь которых попросту обречена. Вам стоит успокоиться и подумать, вы тогда поймете, что не нужно делать поспешных выводов и что бунтом в одном городе ничего...

– Я бы жизнь отдал, чтобы эти бедняги, о которых ты сказал, стали счастливее, но я не в силах что-либо сделать для них, пока в правительстве будут сидеть лживые твари, набивающие свои карманы деньгами, – прокричал мужчина на Джерри, придя, наконец, в себя. – Я помогу людям этого города тем, что открою им истинное лицо этих мерзавцев, разносчиков всех людских бед, которые подминают под себя каждого, кто им не по душе. Эти проклятые воры, полицейские, банкиры, депутаты, министры... Они хуже, чем тиф или холера. Чего стоит этот министр, Новак! Я его хоть сейчас задушил бы своими руками.

– Но у вас же нет никаких доказательств, кроме ваших предположений.

– Джерри, мне достаточно было увидеть хитрый взгляд этого человека, чтобы понять, кто он есть на самом деле. Я ни единожды видел такой взгляд, и всегда он означал одно и то же – стремление к власти любой ценой, лживость, низость, хитрость, тщеславие!

Джерри не нашел, что ответить. Мужчина говорил уже не с ним, а с самим собой или может, ещё с кем-то, в любом случае, это было ненормально, и молодой человек попытался ещё раз утихомирить буйство старика.

– Митт, не торопитесь. Вам нужно какое-то время подождать, а потом уже что-либо предпринимать.

В ответ он увидел бешеный взгляд Гудвина и замер. Никогда ещё Митт не смотрел и не обращался к американцу так, как он это сделал:

– Послушай, Рожен. Не мешай мне! Они ответят за всё! Я потратил жизнь, чтобы добиться чего-то, и не сдамся из-за шайки преступников на верхах.

– А как же Ханна и Пол? Подумайте об их жизнях, какими они станут, если что-то случится с вами. Я не могу допустить этого! – строгим взглядом Джерри посмотрел на Митта. Ему надоели эти детские игры пожилого мужчины.

– Не указывай мне, юнец! – услышал Джерри ответ, а затем получил удар, прилетевший ему в лицо. Джерри обязательно упал бы, но успел схватиться за стул, удержал равновесие, и лишь успел заметить, как исчез в дверном проеме Гудвин. Испугавшись за Ханну, он ринулся к её комнате, но увидев настежь раскрытую входную дверь, остановился. Нужно было что-то придумать, однако поведение мужчины выбило Джерри из колеи нормальных мыслей. Он не подумал – почувствовал, как Митт потерял рассудок.

«Слава Богу, Ханну не разбудил», – успокоившись, подумал он. Внезапно, за спиной он услышал какой-то шум. Это была Ханна, заспанная и заплаканная. Девушка подбежала к своему мужчине, испуганно посмотрела на ссадину на его лице и, всхлипывая, произнесла:

– Он сошел с ума, я чувствую, Джерри, – не сдерживая себя, она рыдала на плече любимого.

– Он просто расстроен. Не плачь, родная... Ханна...

– Папа никогда бы так не сделал, будь он нормальным! Джерри, я боюсь его... и за него боюсь... – крепко прижавшись к мужчине, прошептала сквозь слезы девушка.

– Ты всё слышала?

– А как можно было не услышать ваши крики...

– Я пойду его искать, постараюсь успокоить!

– Как ты его найдешь, мы же не в деревне!?

– Заплачу уличным мальчишкам, что—нибудь придумаю, – отстранив от себя Ханну, ответил Джерри.

– Я с тобой!

Он, конечно же, был против, но характер у девушки был под стать отцовскому и переубедить ее было невозможно, поэтому быстро одевшись, они отправились на поиски Митта.

Глава 6

Ноябрь 1860г

– Она вас немного обманула, – засмеявшись, ответил Уолтер. Старичок был бравурен и свеж, несмотря на глубокие морщины, избородившие его лицо и руки, настолько, что, казалось, все соки вышли из него. Но его оживленный взгляд, оптимистический голос и размашистая походка, выдавали человека, совсем ещё не уставшего от жизни. Одет он был по моде тех лет: теплое пальто ниже колен, остроносые туфли, слегка запыленные, но всё ещё отдающие магазинным блеском, невысокая шляпа, идеально подходящая к его голове и трость, так же ритмично двигавшаяся вместе с Уолтером – была бы на ней штанина, можно было бы легко подумать, что мужчина имеет три ноги.

– На самом деле, я ездил подлечиться и отдохнуть, знаете ли, возраст уже не тот, поэтому нужно изредка навещать врачей, чтобы они могли хоть что-то заработать, – он снова засмеялся, довольный своей шуткой, чем вызвал в Ханне ответную улыбку.

– И вы знаете, красавица, время, проведенное там прекрасно на меня подействовало – кстати, этот госпиталь расположен под Вашингтоном, там отличные места, отправьтесь туда, не пожалее! – и отойдя от собеседницы, старик пару раз быстро развернулся, крутя перед собой тростью. Затем он стал танцевать на месте, приветливо улыбаясь журналистке. Ханна оценила его бойкость: – Вы прекрасно выглядите, мистер Уолтер.

– Признаю, это так! Спасибо, мисс Гудвин! – дав её свой локоть, он повел Ханну по безлюдной дороге своей небольшой фермы, куда приехала девушка, узнав, что журналист по пути домой, остановился здесь.

– Вы знаете, мисс Гудвин, я так люблю это место; здесь воздух пропитан свободой, а природа спокойно отдыхает от человеческих глупостей и пороков, – набрав полные легкие воздуха, старик затих.

– Вы поэтому не на поезде приехали? Чтобы не делать лишний крюк? Я прождала вас два часа на вокзале, надеясь, что вы придете вторым поездом (ведь я решила, что на первый вы не успели), но вас и там не было, – шутливо, но с толикой укора проговорила Ханна.

– Глубоко извиняюсь перед вами, если бы я знал, что меня ожидает такая прекрасная особа, обязательно сообщил бы вам о том, что я остановлюсь здесь. Но на поезде я не езжу принципиально, поэтому застать меня там вам бы вряд ли удалось, даже спустя целый день.

Брови Ханны слегка приподнялись от удивления.

– Это очень странно, ведь все, наоборот, только и думают о том, чтобы пересест с лошади на поезд. Это же будущее! В нашей газете недавно появилась статья, в которой говорилось, что железные дороги в скором времени покроют всю страну, что людям станет намного легче и быстрее добираться из одного штата в другой.

– Да, я так понимаю ваш энтузиазм! Это действительно прекрасно, что вы с трепетом и надеждой думаете о будущем!

– А вы разве нет?

– Это будущее не для прошлого!

Девушка непонимающе посмотрела на старого мужчину.

– Мисс Гудвин, мне трудно свыкнуться с мыслью, что не лошади являются нашим главным транспортом. Они безопасны, практически не привередливы, и более того, они живые, с ними можно поговорить, если, вдруг окажешься один, всякое ведь бывает в дороге, – посмотрев на журналистку, которая с не ясным для неё самой недоверием покосилась на него, Уолтер широко улыбнулся и добавил: – Ну ладно, не смотрите на меня так, я вам всё вру! Просто я боюсь ездить на поездах. Как только я читаю в газете об очередном их столкновении, или обрушении моста, по которому проходил состав, или о разбойниках, подрывающих железно-

дорожные пути, сердце уходит в пятки. А мне ещё хочется пожить! Посмотрите, как здесь красиво, мисс Гудвин.

Ханна не стала спорить с Уолтером, решив, что в таком возрасте, может статься, что и она будет леденеть при виде технического прогресса. Но слова мужчины о природе она одобрила, и ненадолго забыв о своих вопросах, погрузилась в чарующие просторы местной фауны. Глубокая осень проникла во все видимые места; под ногами шелестели последние отголоски лета, в густой чаще, в толчее деревьев не осталось и следа чего-то светлого, зеленого. В небольшом пруду, у которого мирно искали скудный подножный корм лошади, даже в обеденное время вода оставалась очень холодной. Но смотря на эту природу, невозможно было сказать, что осень испортила местные пейзажи. Это даже в голову не могло прийти тому, кто хоть ненадолго проникался прелестями ещё незапятнанного человеком места. И даже то, что золотая осень уже прошла, а на кустах почти не осталось растительности, ни коем образом не ослабляло загадочности и красоты этих диких мест. Легкий ветер, оживляющий голые деревья, приятный уху шелест сухих листьев под ногами, теплый воздух, выходящий, словно пламя дракона, из ноздрей лошадей. Наступая туфлями на холодную землю и, слыша под собой особый звук... звук осени, становилось так спокойно, что Ханна искренне поблагодарила Уолтера за возможность погулять по его ферме. Ненадолго она забыла всё: шум живого города, постоянное напряжение от работы, которое не покидало её даже по ночам, прошедшие выборы, поднявшие огромный ажиотаж общественности, папа, которому становилось всё хуже.

Даже с помощью городских мальчишек она с Джерри не смогла найти Митта в тот день, отчего на следующее утро на её голове появился первый седой волос. Отец вернулся только через два дня, весь изможденный, уставший, грязный, понурый... Он извинился перед Джерри за свою глупость и, сказав, что чувствует себя нормально, отправился в комнату, спать. На вопрос, где он был и что делал, Митт ответил, что размышлял, чем ему заняться дальше. Большого от него невозможно было добиться. Ханна просила Пола поговорить с ним, но тот только отмахивался, твердя, что сделает ещё хуже. Несколько дней прошли как обычно, за исключением напряженности за столом во время ужина, когда никто не знал, о чем говорить. Но потом отец снова пропал, правда, на этот раз, только на день. Такие исчезновения повторялись ещё несколько раз. Короткие невразумительные ответы на беспокойства дочери, вот всё, чем мог успокоить её Гудвин-старший. Девушка становилась раздражительной. Несколько раз повздорила с Джерри, Полу наговорила глупостей, а всё из-за того, что она не могла свыкнуться с беспокойством за состояние отца. Ко всему прочему добавилась ещё одна проблема: Ханна обнаружила пропажу перешедших ей от мамы украшений, она обыскала весь дом, но так и не найдя драгоценности, решила спросить у Митта, не брал ли он его. Едва не разругавшись с дочерью из-за подобных обвинений в свой адрес, Митт убедил девушку в своей полной непричастности к тайной пропаже. Закрыв этот разговор, Ханна ещё долго не могла смириться и забыть о потере памятных для нее вещей. Последний раз отец ушел из дома в день выборов, а вернулся спустя пять дней. Возвратившись домой, он застал только Пола, озлобленно заговорил с ним, обращаясь больше к самому себе, нежели к сыну:

– Это же немыслимо! Пол, ты знаешь, что победил Линкольн?

– Да, – Пол напрягся; он не ожидал, что отец вообще с ним заговорит, тем более, как ни в чем не бывало. Но увидев крайнее возбуждение Митта, молодой человек успокоил себя и, не желая ненароком спровоцировать новую ссору, спокойно спросил: – Ты же, вроде бы, сам об этом твердил недавно. Был уверен в его победе!

– Все изменилось. Люди его поддерживали, в городе отсутствует послевыборное напряжение. Если бы Дуглас или Брекинридж выиграли на выборах, тогда мы бы подняли людей на вооруженное восстание.

– Пап, о каком восстании ты говоришь? Каких людей? И кто такие – мы? – Пол не понимал, как реагировать на слова, казавшиеся ему бредом.

– Мы готовим людей к революции! К городской войне! Пусть только победят демократы, и тысячи людей тут же пойдут против них! Народу нужна свобода! – он размахивал руками перед лицом сына, изображая из себя поборника слабых и лишенных, чем ещё больше походил на ненормального.

– Почему победят, выборы ведь уже прошли несколько дней назад?

Но отец его не услышал.

– Новак! Я до тебя доберусь! Доберусь до всех вас, лживые мерзавцы, сидящие в креслах правительства. Все демократы будут свергнуты со своих постов! – все эти слова он говорил будто бы невидимому собеседнику, и его огромные руки, сложенные в кулаки, так и летали, суля угрозы воображаемым врагам. Пол подумал о том, что хорошо было бы запереть отца в его комнате.

– Отец... папа, – начал он. Митт остановился, внимательно посмотрел на сына.

– Что-то я заговорился... Пойду, отдохну.

– Постой, расскажи мне, что ты задумал? Где ты пропадал? Где был все эти дни? Ханна о тебе... мы все о тебе очень беспокоимся!

– Пол, не обращай внимания, – очень спокойно произнес в ответ пожилой человек, поднимаясь по лестнице в свою комнату. – Это просто бред твоего старого отца. Только и всего! Если ты не против, мне нужно вздремнуть.

Пол решил не усугублять ситуацию и согласно кивнул в ответ. Услышав от него этот разговор, сестра перепугалась, что отец попал в одну из многочисленных банд, разбросанных в разных частях города. Она попросила брата и Джерри во что бы то ни стало не дать Митту уйти, а если ему всё-таки это удастся, проследить за его передвижениями. Заручившись поддержкой мужчин, она отправилась на встречу к Уолтеру, который приехал немного позже обещанного его женой срока. На вокзале она узнала (на станции работал сосед старого журнала), что Уолтер скорее всего, движется домой на лошадях, проезжая мимо своей фермы на северо-западной окраине города. Ханна отправилась туда.

И теперь она позволила себе расслабиться на какое-то время, забыться, почувствовать себя абсолютно пустой от любой информации, лишь бы в голове хватило места впитать всё благолепие этого места, в котором правила первозданная природа. Из полусонного состояния её вывел смех старика: – Я вижу, вы всерьез восприняли мои слова! Я уже десять минут рассказываю вам, как проходило моё восстановление в столице, а вы мне даже не поддакиваете! Давно в таких местах не были?

– Уже и забыла, когда последний раз дышала таким воздухом, – с каплей грусти заметила девушка.

– Хотите, я скажу Гансу, он мой первый помощник, работает уже пятнадцать лет на ферме, чтобы он вам открывал дом, и вы можете приезжать сюда, когда захотите. Мы с женой всё равно редко здесь бываем!

– О, нет, нет, что вы! Не беспокойтесь по этому поводу, у моего... мужа тоже большой дом за городом, там сейчас его мама живет. Правда, мы там так редко бываем, что этого определено не хватает, но, надеюсь, вскоре отправимся снова.

– Отлично! Это просто здорово! Скоро таких мест, где можно свободно подышать свежим воздухом и не наблюдать лица соседей, станет так мало...

– Мистер Уолтер, я бы хотела задать несколько вопросов, которые, собственно, и привели меня к вам, – Ханна поняла, что старик ещё долго может рассказывать ей о богатстве и великолепии природы, поэтому решила сменить тему. Мысли о статье, которая уже давно готова была вылиться на бумагу, но до сих пор складывалась в единую картину лишь в голове девушки, вновь возвратились к ней.

– Я помню, вы уже говорили, так что я полностью в вашем распоряжении, миссис Гудвин, – сделал ударение он на миссис и с укором посмотрел на неё: – А я не знал, что вы

замужем, уж было хотел приударить за вами! Как же жаль... То есть, за вас я очень рад! И, честно сказать, я не знал, что у Виктора был брат.

Его вопросительно-изучающий взгляд быстро сломил девушку. Выдохнув, она виновато улыбнулась: – Вы правы, я вовсе не его племянница. Глупо вышло... подумала, что с вашей женой будет легче разговаривать, если представлюсь родственницей мистера Лонгмана.

Уолтер засмеялся.

– Так как же мне к вам обращаться?

– На самом деле мы ещё не поженились, но очень скоро собираемся это сделать. Так что...

– Понял, понял! – снова улыбнулся старик. – В письме, которое мне прислала Софи, она рассказала о вас, предположив, что вы – журналистка.

– Почему она так подумала?

– Она просто точно знает, что у Виктора не было братьев или сестер, – ответил Уолтер, не придавая серьезного значения этим словам. Ханна молчала, не зная, чем оправдаться. Мужчине быстро это понял, добродушно прибавив: – Забудьте, мисс Гудвин. Мы на вас не в обиде, надеюсь, что ваши намерения будут преследовать добрые цели. Но, пожалуйста, я вас внимательно слушаю! Только сначала давайте повернем назад, к дому; я ещё не получил достаточного наслаждения от созерцания открывающегося серо-голубого горизонта, а чаша нам вот-вот закроет весь вид.

Они повернули назад.

– Как близко вы были знакомы с мистером Лонгманом? – неуверенно начала Ханна, ещё чувствуя вину перед журналистом.

– Ооо, этого идиота я знал много лет! Прошу прощения за бранное слово!

– Почему вы так отзываетесь о нем? Вы же дружили, насколько я поняла из слов вашей жены...

– Я его по дружбе и называю идиотом, – он улыбнулся. – Виктор был хорошим человеком, но... отпетым ревнителем справедливости. А в наше время этого никому не нужно! Я иногда удивляюсь, как он дожил до стольких лет!

– Что вы имеете в виду под своими словами?

– Вы понимаете, мы с Виктором ещё в молодости определили, что для интенсивного развития мира, который мы сейчас видим, нужно развиваться и человеческим чувствам! Причем, главным образом, чувствам отрицательным, ну, это я так считал! Не думайте, что это ерунда, мисс Гудвин, я могу привести вам десятки примеров, когда люди использовали свою злость, зависть, страх, ревность, отвращение, эгоизм для достижения своих – частных, а порой и общечеловеческих положительных целей. Вот вам абстрактная история: есть два товарища, или брата, или вообще два друг другу незнакомых человека. Один из них придумал велосипед. Другой узнал об этом, и подумал: «А чем я хуже него, неужели моих мозгов не хватит, чтобы придумать что-нибудь». И он придумывает, ну скажем, удобное сидение к этому велосипеду, а ещё лучше, делает свой собственный велосипед не с двумя колесами, а с четырьмя. Хотя, честно признаюсь, не понятно, зачем нужны ещё два колеса. Так вот, простая история, а в ней: и ревность, и обида, и эгоизм, а ведь может быть и злость и зависть. Чувства играют одну из определяющих ролей в процессе развития. И что удивительно: чувства отрицательные, а изобретения положительные. Вы, кстати, читали Мандевиля, он отлично описывает всё то, что я вам только что рассказал.

– Не приходилось. И честно говоря, мистер Уолтер, я не очень понимаю, что вы хотите сказать своими словами. Каким образом ваш рассказ относится к вашему другу?

– Всё просто, мисс Гудвин. Я вам рассказал свои мысли. Виктор думал так же, но абсолютно противоположно, как это не парадоксально.

– То есть? – Ханне пока мало что было понятно.

– Лонгман всегда противопоставлял моим словам размышления о том, что двигателем прогресса являются чувства положительные. Он был единственным полностью справедливым и честным человеком, которого я знал. Будучи журналистом, причем очень хорошим, он боролся с любой ерундой, которая могла показаться ему несправедливой. Как мог, естественно. Всевозможные разоблачающие статьи, тайная жизнь представителей верхушки и тому подобное. Он ненавидел воровство, зависть и обман, разврат во всех его проявлениях, а таковых было много у высших лиц. Я ему многократно твердил, что по-другому они – эти лица, не умеют и не могут жить, что в их мире это единственно возможные способы, чтобы закрепиться или пробиться наверх. Виктор меня не слушал и не переставал искать правду, что и послужило причиной его трагической смерти. Этого требовалось ожидать.

Ханна поражалась, с каким спокойствием этот старик говорил о смерти своего друга, будто бы они и вовсе не были друзьями. Множество вопросов кружилось в её голове, но девушка решила спросить то, что, на ее взгляд, Уолтер должен был знать наверняка:

– Неужели его убили! – всем своим видом показав невозможность этого факта, воскликнула она.

– Я именно это и подозреваю, мисс Гудвин, – спокойно ответил Уолтер.

Ханна молчала, давая возможность мужчине договорить.

– Местные власти его ненавидели едва ли не больше, чем он их. Вы не представляете, как часто ему угрожали. А он продолжал делать своё дело. Я как-то заикнулся, что его внука ненароком может подвергнуться опасности, но Виктор упорно не хотел слушать, отвечая, что просто не может жить, закрывая глаза на проблемы, которыми переполнен наш город.

Минуту пара прошла в молчании. Журналистка терпеливо ждала, когда старик закончит начатый рассказ. С каждым услышанным словом, Ханна чувствовала, как сильнее проникается симпатией к неизвестному ей человеку, ощущала всю необходимость открытия тайны его смерти.

– Я бы до вечера вам мог рассказывать, кто ему угрожал, и сколько раз это было, но понимаю, чем это может закончиться для меня и Софи, а поэтому, с вашего позволения, лишь немного намекну на верную дорогу. Последним делом... Кстати, мисс Гудвин, а зачем вам все это нужно?

– Хочу написать разоблачающую статью! – не стала кривить душой журналистка.

– Ммм, хорошая идея, полностью на вашей стороне! – Уолтер был рад, что девушка сказала ему правду. – А зачем вам это?

Ханна никак не хотела говорить, что поначалу для нее это была просто работа, выполнив которую, она достигла бы своей цели. Расценив молчание девушки по своему, старик произнес:

– Не волнуйтесь, мисс Гудвин, я верю, что вы преследуете добрую цель, поэтому не утруждайте себя ответом, – и, улыбнувшись, продолжил: – Последним делом Виктора были финансовые махинации в нашем городском правительстве. Всё началось с того, что его товарищ, который работает в одной из местных больниц, в разговоре с Лонгманом, пожаловался на постоянную недодачу денег, поступающих от города на содержание больницы и на зарплаты врачей. Я думаю, он неспроста заговорил с Виктором на такую тему, зная нрав этого идиота. И он оказался прав – Лонгман ухватился за волновавшую его тему. Обладая полчищем информаторов, Виктор быстро выяснил, что дело это не чисто, более того, он узнал, что в нехватке денег может быть виновато министерство финансов Нью-Йорка... То есть, я имею ввиду приближенные министра финансов, ну, и он сам, конечно же; его фамилия Новак, вы слышали что-нибудь о нем? – Ханна неопределенно покачала головой. – Так вот, Виктор за короткий срок собрал компромат на этих людей и написал большую разоблачительную статью.

Фамилия, произнесенная Уолтером, зацепила Ханну; она быстро вспомнила, где её слышала. Джерри и Митт неоднократно говорили об этом человеке, и это именно его отец винил в своей провальной попытке занять должность, к которой шел. И как только эти воспоминания

всплыли, перед глазами девушки стала появляться некая, пока ещё размытая, картина связи этого Новака с ней, с мертвым журналистом, с её отцом.

– Вы меня слушаете?

– Что? – не поняла Гудвин: – Да, продолжайте, пожалуйста. Хотя постойте, вы не знаете, у Лонгмана сохранился материал, по которому он писал эту статью?

– Я бы хотел вам предоставить возможность увидеть материал, который собрал мой покойный друг, но, честно говоря, это может навести людей, работающих в газете на некоторые подозрения, а я бы хотел этого избежать.

– Ничего, я понимаю. Извините, что перебила вас. Продолжайте, пожалуйста.

– В общем, я почти закончил, мисс Гудвин. Статью Виктора пропустили в печать, но без фамилий главных действующих лиц. Через некоторое время этот идиот мне рассказал, что какого-то там заместителя министра финансов отстранили с занимаемой должности, и этому послужила его статья. Он был безумно рад своей победе, но желал вывести на чистую воду тех, кто остался сидеть на своих креслах. Он ведь понимал, что увольнение одного человека служило только лишь для отвода глаз. Поэтому Виктор собирался написать ещё более разоблачительную и убийственную статью, на этот раз, полностью раскрывавшую делишки всех тех, кто в ней значился бы. Да... Виктор был готов бороться до конца, лишь бы все ответили за воровство тех денег, которые, как он говорит, предназначались людям. Однако, у него это не вышло... – Уолтер многозначительно посмотрел на Ханну.

– Странно, я не нашла никакой статьи в газетах, выпущенных незадолго до смерти мистера Лонгмана? А Сэдди, его внучка, говорила, что к ней приходили его коллеги, выискивая материал для последней его статьи.

– Это был кто угодно, но не наши коллеги. Хотя бы потому, что люди просто-напросто боятся серьезных проблем, поэтому никто не решился бы вникать в дела Виктора.

– А кто это был, по-вашему, и зачем они навещали Сэдди?

– Вернее всего, что приходившие к Сэдди люди подчищали за Виктором, наверное, искали информацию к его последнему делу, думаю, чтобы её уничтожить. Уж очень он сильно наследил в чьем-то доме. А малютка Сэдди... как она себя чувствует?

– Я видела ее в октябре, она очень страдала... Ей пришлось переехать, чтобы...

– О, я знаю, эти вымышленные долги... Да, не смотрите так удивленно, Виктор никому не был должен. Надо бы ее навестить... – после слов Уолтера, Ханне стало вдруг как-то не по себе. Нотка отвращения возникла в её сердце к этому человеку. Но забыв об этом на время, девушка спросила:

– Из всего следует, что ваш друг не попадал под поезд.

– Видимо, нет; я видел его тело и могу сказать, что после встречи с поездами тело человека не могло так хорошо сохраниться, а он был в целости, хотя сильно покалечен.

– А как же версия о том, что он был пьян? Его внучка, насколько я поняла, даже не знает, что он много пил.

– Она и не может ничего знать, при ней Виктор не пил никогда. Почти всегда компанию ему составлял я. Можно сказать, что мой дом был единственным местом, где Виктор позволял себе вести близкую дружбу со спиртным. А, напивавшись, он всегда оставался у меня, отсыпаться. Поэтому исключено, чтобы Лонгман был пьян в момент смерти. Тем более, пил он не так много, как прозвучало в вашем голосе.

– Ну, хорошо, а как же его тело, никто, кроме вас, не видел его после смерти?

– Вы знаете, нет. Я был на опознании первым, мне удалось посмотреть на беднягу, остальным же строго запретили это делать, сославшись на то, что его тело покалечено настолько, что никто его не сможет опознать, что это ужасная картина, а во время похорон Виктор был полностью накрыт. Но мне кажется, кто-то прилично заплатил врачам, чтобы они не показывали тело старика ни его внучке, ни его друзьям. А мне просто повезло, я успел приехать в морг до этого.

– Но что же Сэдди, неужели она не настояла на том, чтобы последний раз посмотреть на родственника?

Уолтер лишь пожал плечами.

– Могу предположить, потеря её настолько сломила, что она просто не пережила бы, увидев картину, которую ей описали доктора.

Высвободив свою руку из руки собеседника, Ханна возмущенно спросила: – А вы, почему ничего никому не сообщили? – журналистке это странное поведение мужчины было непонятно. Они давно остановились перед старым деревянным домом Уолтера, и теперь их разговор слышали пару фермеров, которые отдыхали, сидя у амбарных ворот. Ханна, не заметив их сначала, потом, понизила голос, чтобы их разговор продолжил оставаться тайной.

– Зачем? Если бы я не держал язык за зубами, то, возможно, не ездил бы лечиться и не говорил с такой прекрасной дамой, как вы. А Виктору было уже всё равно, что про него скажут.

Ханне надоел этот льстец. Ей ещё не приходилось сталкиваться с человеком, отношение к которому так быстро менялось. Из веселого старика, балующего своими легкими шутками, он превратился в предателя и труса, который искренне думает, что он прав. Гудвин стало противно находиться рядом с ним.

– А давайте пойдем в дом, я угощу вас вкусным чаем, – не замечая за собой сколь угодно малой вины, предложил Уолтер, решив, что полностью удовлетворил интерес журналистки.

– Нет, извините, мне надо ехать, мне не очень хорошо, – едва выговорила Ханна и быстро направилась к своей повозке.

– Мисс Гудвин! – воззвал, не понявший причину скорого отступления Ханна, Уолтер. – Куда же вы? Подождите! Пойдите!

– Знаете! – громко произнесла та, поднимаясь по ступенькам фаэтона, – Внучке умершего не всё равно, что о нем скажут, этого вам должно было быть достаточно. Теперь и мне стало не всё равно! И уж тем более, вы были обязаны ей помочь! Вы трус!

Старик с отчаянием и едва уловимым недовольством хотел запротестовать, но Ханна не дала ему открыть рот, выкрикнув напоследок: – Моя статья будет как раз о том, почему Лонгман умер! И да, вы можете не переживать, ваше имя я не стану упоминать и если дело дойдет до суда, в свидетели вас вызывать тоже не будут. Наслаждайтесь своей природой! Вы – трус! – ещё раз повторила она, перед тем, как закрыть за собой дверцу фаэтона, стоявшего рядом с домом. Повозка тронулась. Темная штора на маленьком окне задернулась. Уолтер даже захотев, не сумел бы остановить журналистку; подавшись вперед, где только что стояли лошади, он несколько взволнованно крикнул: – Простите меня, мисс Гудвин!

А поняв, что она его не слышит, со злостью добавил: – Какая неблагодарная! Даже спасибо не сказала! Доживи до моих лет! Эй, Стью, Бен, помогите мне загрузить чемоданы обратно в повозку. Вы поменяли упряжь?

Весело улыбающийся ковбой подошел к Уолтеру и скороговоркой ответил: – Нет, сэр, ещё не успели. Стюард порвал шлею, нужно будет подождать.

– Так чего же вы сидели, прохлаждались! Вы вообще чем-нибудь занимались всё то время, пока меня не было?! – крикнул на мужчину взбешенный старик и пнул тростью фермера по ноге. – Чтобы через полчаса всё было готово! Я пойду чай пить...

Высокий молодой фермер снял свою широкополую шляпу, проводил Уолтера и, пригладив волосы, пробормотал: – Старый маразматик! Чтоб тебя! – И подойдя к своему товарищу, заметил: – Ты видел его!? Хотел заарканить девчонку, а она его быстро поставила на место.

– А представь, если бы вместо этой бабы был Линкольн, а Уолтера заменил Дуглас! И эти милые улыбки, и брошенное вслед «неблагодарный!» – Бен от души загоготал. А потом сам продолжил:

– А когда гуляли по тропе, он бы говорил Линкольну: «Ты увел у меня женщину, но я тебя прощу, если сложишь свои полномочия».

– И в конце обиженное лицо Дугласа, у которого ничего вышло.

– И...и ещё... Линкольн уезжает и бороду покусывает!! Жалко друга... Аха-ха-ха – снова громко засмеялся Бен, которому на этот раз вторил и Стью. От души нахохотавшись, мужчины пошли готовить лошадей.

На пути в город Ханне стало немного лучше и спокойнее. Однако, она всё ещё с отвращением вспоминала слова Уолтера; никогда она не могла понять такого отношения к жизни. Гудвин не представляла, как можно было дружить с таким наглецом, как можно было не увидеть его криводушия! Попробовав, наконец, отвлечься, журналистка попыталась собрать всю имеющуюся информацию в единое целое. Достав из сумочки маленький блокнот с карандашом, девушка принялась писать – папка собранных ей заметок по этому делу осталась на работе – ей пришлось по памяти излагать свои мысли на бумаге, чтобы ничего не упустить. Слова выходили корявыми, предложения путались и повторялись, но Ханну это не волновало, она чувствовала, видела перед глазами завтрашнюю, может послезавтрашнюю газету, где на первой полосе была её статья. Ей было всё равно, что многое она додумает сама, всё равно, что только часть информации будет правдой, Гудвин прекрасно понимала, что даже того небольшого кусочка правды будет достаточно, чтобы приоткрыть причину смерти журналиста и наказать (по крайней мере напугать) тех, кто к его смерти причастен. В какой-то момент девушка поняла, что не может ждать до завтра, она окликнула кучера, попросив вести её в редакцию.

«Опытный журналист пожертвовал жизнью ради справедливости. Он хотел, чтобы виновные ответили перед законом, но он не учел, что виновные и закон – это одни и те же люди» – писала она в блокноте. «Сегодня открылась ещё одна тайна, связанная с тайными делишками наших замечательных представителей власти» – набрасывала Ханна предложение за предложением. Перед её глазами проносились слова, которые будут читать тысячи нью-йоркцев, слова, которые повергнут в шок тех, кто думал, что вышел сухим из воды. Она уже забыла, для чего искала интересную новость, сейчас ей было всё равно, повысят её или нет, дадут ей возможность писать для первых страниц или нет; внутри этой хрупкой женщины бушевало такое пламя, которое мог погасить только вид арестованных убийц, которые обязательно попадутся после всеобщего разглашения их грязных проделок. Последние предложения так и не были ей написаны, Гудвин выскочила из повозки, с кем-то столкнулась, не заметив этого, бросилась к входной двери многоэтажного здания и стала быстро подниматься в кабинет к Джону Бигелю. Не постучавшись, девушка забежала в комнату, бросив на стол редактора блокнот.

– Ханна, я иногда задумываюсь, тебе вообще давали хоть какое-то воспитание! – безмятежным голосом проговорил Джон, не отрываясь от чтения газеты.

– Джон, у меня появилась мысль! Ты мне должен помочь! Скажи, у тебя есть связи с газетой, в которой работал Лонгман?

– Я буду очень рад, если ты переведешься к ним. Для этого я тебя познакомлю со всеми, кого знаю в «Нью-Йорк Таймс».

– Мне нужен весь материал, который готовил для опубликования Лонгман в последний месяц жизни. Я уверена, что он должен быть у них, пусть даже в копиях. Нужно достать все-все! Может где-то придется заплатить, но я уверена, что у них должны быть информация, которую собрал Лонгман. Она мне очень нужна!

– А что мне за это будет? – ехидно спросил мужчина.

– Статья, от которой ты сначала придешь в ужас, а потом станешь известнее всех редакторов нашего города.

– Ради второго я готов пустить в печать даже самую невероятную новость! Что это у тебя здесь! – Бигелу взял блокнот в руки. Закончив чтение пяти только что исписанных листов бумаги, мужчина обратился к Ханне. – Я надеюсь, ты не думаешь, что мы пустим это в тираж.

– Это? – указала журналистка на свой блокнот. – Нет, не думаю. Но если ты сможешь мне достать материал, который собрал Лонгман, статья получится именно такой, какая нужна, чтобы поднять весь город на уши.

– Ханна, дорогая, я не пойму, зачем тебе это? Вряд ли наш босс повысит тебя, если каким-то образом этот материал пройдет мимо его рук.

– Ты за себя боишься, да, Джон? – ухмыльнулась девушка. – Но я обещаю, что...

– Да не за себя! И не нужно мне обещаний! Ты понимаешь, что значат твои слова. Без доказательства они – ничто, но это ничто легко закроет нашу газету, если оно появится на первой полосе.

– Я поэтому и прошу тебя помочь мне достать работы Лонгмана. Уверена, что там будут неопровержимые доказательства.

– Доказательства чего, дорогая!?

– Джон, я прошу, помоги мне!

– Нет, нет! Это исключено! Ты только представь на минутку, что будет, если всё-таки твоя статья выйдет с материалом, собранным этим стариком. Будет катастрофа, Ханна! Будут суды, следствия! Ты понимаешь, что тебе придется неделями не спать, чтобы доказывать суду свою правоту! А у людей, которых ты обвиняешь, связи, я уверен, побольше твоих будут.

– Я не боюсь ответственности! – стояла Ханна на своем. Закрыв глаза, Бигелу стал разминать переносицу.

– Послеавтра я улываю в Европу. Не меньше, чем на полгода. Но может быть и дольше. Ханна, я не смогу тебе помочь в случае чего!

– Помоги мне, пока ещё не уехал, Джон! Я этого никогда не забуду!

Редактор аккуратно сложил недочитанную газету и встал из-за стола.

– Надо поспешить, пока мой знакомый в «Нью-Йорк Таймс» не ушел с работы! Ты уверена, что мы найдем, что ищем?

– Я уверена, что даже если после смерти Лонгмана его дела подчищали, такую информацию не могли просто уничтожить, она должна быть у них в газете, это слишком серьезная тема, чтобы забыть о ней.

– Ох уж эти твои предположения. Пойспешим...

– Спасибо, Джон! – бросилась Ханна на плечи мужчине.

– Знаешь, почему я тебе помогаю? – спокойно спросил Бигелу.

– Я думаю, ты понял всю важность статьи, которую я хочу написать.

– Нет, я просто подумал, что вероятнее всего после того, как газета с твоей статьей выйдет, не будет никаких судов, не будет расследования. Тебя просто уволят. А ты же знаешь, я всегда говорил, что работа журналистом – это не твоё!

Ханна негромко засмеялась. Она была рада, что у неё всё получилось; и, хотя статья была ещё не готова, девушка чувствовала, что уже завтра утром люди будут читать газету с её работой.

Его глаза полезли на лоб! Он был в не себя от прочитанного! Пустая перевернутая чашка лежала рядом с его креслом на дорогом ковре, где широкое пятно кофе уже начало высыхать! Мужчина многократно перечитывал новость и с каждым разом всё больше не верил своим глазам.

На первой странице газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» была размещена весомая статья с громким названием «Мертвый журналист раскрывает тайны похищенных министерством

финансов денег и своей смерти». Эти слова ввелись в мозг мужчины, словно бы их выжгли раскаленной кочергой.

«Когда появлялась новость о финансовых махинациях в эшелоне власти, Лонгман с яростью быка, увидевшего мулету, набрасывался на эту власть, словно ищейка, разыскивая необходимую информацию... По словам его коллег, Виктор Лонгман был самым справедливым...» – проносились строчка за строчкой публикации перед глазами мужчины, – «Тело было повторно обследовано... были обнаружены многочисленные следы побоев... Связывают это с его последней публикацией... где замешан министр финансов... Выяснилось, что врачи получили некоторую сумму денег, чтобы не показывать тело... даже его коллеги думали, что причиной смерти было...» – на этих словах Новак постоянно останавливался, проверяя, не ошибся ли он. Новак несколько раз смотрел дату выхода газеты, город, в котором она выходит, даже название газеты читал вновь и вновь. «Лонгман выяснил, что недостающая сумма была выведена из оборота, после чего бесследно исчезла... А вскоре министр финансов стал строить загородный особняк, а два его заместителя получили повышения. Он так же узнал, что министр финансов купил десять процентов акций... Это говорит нам только об одном... А вот ещё некоторая цифра, говорящие не в пользу министерства...»

«Мы были свидетелями нескольких судебных заседаний, после которых некоторые люди из состава правительства города оставили свои посты». «Но Виктор Лонгман знал, что это лишь уловка, чтобы успокоить общественность, и хотел, чтобы все, кто был замешан в крупном воровстве, понесли...» «Так насколько же честны наши власти с нами...»

«Это невероятно», – думал Новак. – «Да как такое могло произойти!». Подойдя к широкому окну, он взглянул вниз. С высоты десятого этажа можно было узреть обширный участок города с его строящейся архитектурой и невысокими зданиями, в которых кто только не обитал. «Скоро они все узнают и придут сюда! А даже если и не придут, это не спасет меня», – думал Новак, глядя на проходящих по улице людей. «Как же так! Откуда? Почему сейчас? И самое главное – кто? Кто? Кто?» – крутились в его мозгу вопросы. Вспомнились события трехмесячной давности, героем которых он стал. Конечно же, не лично, но организуя звеном был именно он. Когда изворотливый старикашка-журналист пришел к нему первый раз, Новак даже не представлял, какой шум тот может поднять. Разговор у них тогда не вышел. Лонгман пытался припугнуть министра имеющейся у него информацией, чтобы добиться отставки Новака, но министр был неприкасаемым, как каменная стена он отбивал атаки газетчика, который так и не смог добиться его признания. Затем была новая встреча, где Лонгман говорил точные цифры украденного, но снова ничего не достиг. Потом Новак послал людей к журналисту; угрожали расправой, предупреждали, что его родственники будут страдать, если он не оставит начатое дело. Но угрозы не помешали старику опубликовать полувыдуманную статью о круговороте финансов в руках городской власти. Конечно, многое из той публикации было вымыслом, Лонгман был не дурак и не стал раскрывать сразу все козыри. Затем были суды, на которых Новак ни разу не присутствовал, а лишь бросал своих помощников и заместителей туда, как в котел. Одного из них отстранили от работы, с невозможностью восстановления в должности. Ещё один ушел лично, сославшись на подорвавшееся здоровье, а его должность и вовсе убрали. Будучи слабохарактерным и богобоязненным, заместитель Новака раскаялся в том, что совершал кражи городских денег, и хотел встретиться с Лонгманом и рассказать ему все, что знал. Но встречи не произошло, и что было с ними потом, мало кто знал, кроме Новака и нескольких его людей... Министру ничего не оставалось делать, как отомстить журналисту и защитить себя в будущем от подобных проблем; избавиться от старого ловкача, преподнеся это как несчастный случай. Новак тогда не беспокоился, что в несчастный случай не поверят – журналист был стар, тем более, как стало известно, порой пил – это было идеальным сочетанием для случайной смерти. И когда всё успокоилось, Новак даже успел забыть о неудавшемся «покушении» на его карьеру. И вот теперь снова! Он ломал голову,

кто же это мог быть, кто же мог написать о том, что должно было быть навсегда похоронено вместе со своим первооткрывателем.

В дверь неожиданно постучали. От испуга министр дернулся и резко выругался.

– Войдите, – грубым голосом сказал Новак. Вошедшим был его ближайший помощник.

– Сэр, вас вызывает губернатор!

– Хейнц, найди мне того, кто написал это! – швырнув газету на стол, разозлено проговорил Новак.

– Будет сделано.

– И назначь мне встречу с владельцем этой газетенки!

– Как можно скорее?

– Да!

– Будет сделано! Ещё что-нибудь, сэр?

– Проваливай!

Хейнц вышел. Новак вздохнул. Разговор с губернатором не обещал ничего хорошего. Собравшись с духом, мужчина отправился на голгофу.

Глава 7

Ноябрь 1860г.

– Грегг, ты знаешь ответ?

– Я не расслышал, скажи ещё раз! – Аткинсон снова запрокинул голову назад и прошептал: – Что за вопрос?

– Какой вид наркоза был открыт в сорок седьмом году: хлороформ или эфир? – очень медленно, по буквам повторил вопрос Пол.

– Первое, конечно.

– Спасибо, – отстранившись от товарища, Гудвин написал ответ на исписанном листе бумаги.

Он совершенно не успел подготовиться к тесту. Последнее недели Гудвин был настолько занят, что до учебы не доходили руки. Отец постоянно пропадал, а вместе с ним и ценные вещи из дома, которых и так было не много. Пол ни единожды устраивал слежки за отцом, но тот таинственным образом исчезал из его поля зрения, будто бы чувствовал, что за ним следят. Младший Гудвин так ни разу и не смог отыскать Митта, несмотря на то, что он побывал во всех уголках города и познакомился, кажись, со всеми городскими жителями, расспрашивая их об отце. Правда, несколько раз они с Джерри всё-таки натыкались на мужчину, но эти случайности происходили, когда Митт сам двигался домой. Не помогали ни полицейские, к которым после двух безрезультатных обращений забыли дорогу, ни облазившие все закоулки в городе бедные дети, мотивированные несколькими монетами во стократ сильнее, чем бравые стражи порядка денежным предложением Джерри.

С Миттом стало трудно разговаривать; он терял рассудок и Пол это прекрасно понимал, но пока не бил тревогу. Он рассказал о своих мыслях только Джерри, не желая волновать сестру, которая разрывалась между работой и поисками отца, с каждым днем становясь всё раздражительнее и мрачнее. В те редкие моменты, когда отец появлялся дома, Ханна пыталась с ним поговорить, порой, не дожидаясь мужчин, но родственник всегда её прерывал и уходил в свою комнату.

Поэтому декции для Пола стали унылым времяпрепровождением, когда не было другого желания, кроме как поспать. Поначалу Гудвин старался больше времени заниматься учебой дома, но стоило ему только переступить порог, как появлялась заплаканная Ханна, которая умоляла найти отца, и Пол отправлялся на поиски. И каждый новый раз, каждое новое исчезновение Митта случалось все чаще; дошло до того, что мужчина приходил домой поздно вечером, а утром снова исчезал. Какая уж тут могла быть учеба, когда приходилось ни свет, ни заря, услышав шум закрывающейся двери, в очередной раз пытаться догнать и остановить отца.

– Грегг! – заставив студента снова повернуться, Пол задал вопрос: – Поздние вторичные или отсроченные первичные швы накладывают до появления грануляций?

– Мистер Гудвин, вы проверяете знания мистера Аткинсона? – осведомился Хованьский, стоя в другом конце аудитории, в очередной раз заметивший, как Пол пытается выудить хоть немного информации из головы друга. – Не утруждайте себя, комиссия с этим сама справится! А вас мы можем сегодня больше не увидеть, если такое повторится, – спокойно погрозил ему профессор, будучи единственным в аудитории преподавателем.

Пол хотел ответить ему, но в сотый раз решил промолчать. Гудвину отвратительно было наблюдать, как профессор, не скрывая своего участия, помогал Сариту, часто просматривая его записи и кивая головой, если ответы были верными. От такого отношения к себе и остальным Гудвина тошнило; он знал, что может встать и публично разругаться с Хованьским, но вследствие очень важной контрольной работы, результаты которой напрямую влияли на предстоящую зимнюю практику, зло молчал. У Пола создавалось ощущение, что Ховань-

ский целенаправленно открыто помогает Сариту, останавливаясь перед студентом так, что Гудвин видел каждое действие преподавателя. Эта мысль могла показаться бредом, не будь Пол так уверен в ней – слишком уж профессор не любил его, а стоило Полу только попытаться возмутиться, у Хованьского появилась бы реальная возможность выгнать его из аудитории. Пытаясь не наблюдать за происходящим, будущий врач склонялся над вопросами и перечитывал их по нескольку раз, в надежде вспомнить верные ответы. И, хотя на практике Гудвину не было равных, даже Аткинсон, при всех своих знаниях не так быстро соображал, теорию во многих местах Пол упустил. Связано это было как с особенностью его обучения в подростковые годы, где лекции были многочисленны, но редко касались сложных теоретических вопросов, так и с отсутствием желания учить целые параграфы определений и понятий.

– Время вышло! Прошу вас собрать все листы на моем столе и ожидать результатов. Комиссия проверит все работы и сразу же проведет распределение на практику, – через несколько минут заявил преподаватель, по-прежнему внимательно наблюдая за Полом.

Выйдя в коридор медицинской школы, большинство студентов нашло себе место у стен и окон, некоторые ушли перекусить. Громкие пустые беседы стали заполнять коридор, помогая не переживать за результаты и хоть как-то занять появившееся время.

– Пол, ты представь, как будет здорово, если меня отправят практиковаться в Вашингтон. Целых три месяца. Профессор Монсон рассказывал мне, что там намного лучше качество медицины. А ведь два города так близко друг к другу расположены, – восторженно рассказывал Аткинсон Полу свои мысли, найдя его стоящим в одиночестве у окна напротив лекционного кабинета через полчаса после окончания контрольной.

– Угу, – промычал Гудвин, совсем не слушавший, что говорит Грегг. Он не сводил глаз с Сарита, весело болтавшего с Конолом, которой был готов смеяться над любой, даже самой плоской, шуткой.

– А потом приехать и сдать досрочно экзамены, чтобы устраиваться куда угодно, – Аткинсон закрыл глаза от прелести воображаемой картины. – Это так здорово! Как думаешь, у меня получится, Пол? Пол? Ты куда?

Гудвин отошел от надоевшего ему студента и приблизился к Сариту, с каждым метром чувствуя нарастающую злость к этому человеку. Отношений между ними не было никаких, они почти не разговаривали, лишь изредка обменивались несколькими словами по теме лекций. Гудвин до конца не понимал, что движет им, почему он ненавидит Сарита так же, как его отца, но был уверен, что яблоко от яблони упало совсем близко.

– Тебе папаша во всем помог? – с места в карьер спросил Пол, остановившись перед сокурсником. Изображать их себя вежливостью Гудвин был не намерен, даже смотреть спокойно на Сарита не было сил в этот момент.

Уолсен сначала не понял, что обращаются к нему. Увидев перед собой оскалившегося Гудвина, он, широко улыбнувшись, ответил: – Уж побольше, чем тебе! А вообще это не твое дело.

– Раз так, то признайся открыто в своем невежестве! На вас противно было смотреть! Все видели, что ты сам ничего не сделал! – грубо потребовал Пол.

– Пол, успокойся, не цепляй Сарита? – решил вмешаться Конол, но Гудвин только бросил быстрый взгляд на него и снова посмотрел на своего недруга.

– Говори за себя! – спокойно ответил Сарит. – Ведь сам не отставал от Аткинсона. Нужно было готовиться, чтобы не списывать у других. Если ты не компетентен в вопросах медицины, нечего было поступать сюда, – говорил он так, словно смеялся в лицо Полу.

Это едкое замечание, добравшись до головы Пола, внесло туда новую порцию ярости. – Как бы я плохо не был готов сегодня, это не сравнится с твоим незнанием абсолютно любых вещей, связанных с медициной! – медленно выговорил он каждое слово, чтобы успокоиться. И не давая ничего ответить Сариту, продолжил: – Будь моя воля, я бы давно вышвырнул вас

обоих из школы, запретив тебе учиться, а ему учить. Ты так жалко смотришься, когда папаша пытается сделать из тебя подобие врача-идиота, который всю жизнь будет думать, что он лучший врач, хотя не представляет из себя ничего! Но ему, видать, очень не понравилось, когда на пути его бездарного сынишки появилась преграда.

Сарит улыбался.

– Ты – преграда?

Гудвин уже не услышал насмешки однокурсника: – А ты не подскажешь, почему твой папаша так старается тебя подтянуть к весенним экзаменам? Нам бы всем было интересно услышать это!

Вокруг них столпилась почти вся группа, даже проходившие мимо студенты других курсов останавливались, чтобы послушать словесную перепалку. Сарит никак не хотел вступать в спор и, уверенно держа себя в руках, произнес в ответ:

– Отец мне подсказывал только одно: он говорил, что ты безмерно глуп! – и, показывая, что он закончил разговор, Сарит вновь повернулся к ирландцу, наблюдавшему за разногласием студентов со все большей злостью по отношению к Полу. Видимо, плоский юмор, в избытке имевшийся у Сарита, покорила Конола.

– Я не договорил! – Пол рванул Уолсена за плечо. Тот на секунду потерял равновесие, но устояв на ногах, зло уставился на Гудвина, намереваясь что-то сказать.

– Пол, хватит тебе, пойдем пообедаем, пока есть время, – пытался остановить разгневанного друга подошедший Грегг.

– Послушай Аткинсона, он верно говорит. Знаешь, Гудвин, от голода человек становится злым и нервным, тебе определенно нужно заполнить желудок, – Сарит попытался перевести разговор в шутку. Пол снова не услышал его слов.

– Мне было бы плевать на вас обоих, если бы вы не мешали учиться остальным студентам!

– Это ты о ком сейчас? Каким студентам я мешаю? Я ни разу не слышал, чтобы кто-то говорил подобные слова. Или ты говоришь только о себе, Пол? А прячешься за громкими словами беспокойства обо всех!

– Ты, – Гудвин ткнул пальцем в грудь своего врага. – Ты никчемность! Ты – ничтожество, которое даже не отводит глаз, когда ему говорят о собственной бездарности. Да к твоему отцу даже можно найти хоть какое-то уважение, за проявленное им терпение в отношении тебя, с тобой же и говорить противно.

– Гудвин, ты специально пропускаешь мимо ушей мои вопросы? – с недоумением спросил Сарит.

– Какие вопросы ты мне можешь задавать? Человек, который сам не может ответить ни на один вопрос без помощи своего отца.

Сарит внешне не был похож на профессора, но ему перешли многие отцовские качества; спокойствие и способность в любой ситуации найти, что ответить были одними из таких. Сделав вид, что слова Пола его не задела, сын профессора спокойно заключил: – Пол, ты не прав на этот счет. Ты даже не знаешь, сколько времени я трачу на чтение конспектов и книг по медицине. Да, я с тобой соглашусь, что отец относится ко мне не совсем объективно в отношении учебы, но уверяю тебя, он крайне редко вмешивается в моё обучение. Так что ты абсолютно преувеличил свои обвинения! – Сарит снова добродушно, но с укором на лице улыбнулся, будто перед ним стоял не взрослый мужчина, а маленький, требующий чего-то ребенок, успокоить которого можно было лишь игнорированием его криков.

Пол больше не мог терпеть. Сильным ударом левой руки в лицо, он отправил на пол Уолсена, который каждым своим словом впрыскивал в сердце Гудвина яд. Оказавшись в ногах у Пола, Сарит прижал руку к лицу, пробуя, насколько серьезна была рана. Ему было больно, и он не стремился это скрыть, а как будто нарочно, то ли от того, что он никогда не устаивался ударов в лицо, то ли от того, что оказался пристыженным перед своими сокурсни-

ками, Уолсен подстать мастерству настоящего артиста, покачивался от боли, держась за рану и не торопясь вставать. Однако же страх отчетливо читался в его глазах, и уж он был настоящим. Сарит немного отполз назад, попытавшись, наконец, подняться, но вновь едва не был сокрушен повторным ударом, однако, Пола успели оттащить сокурсники.

– Отпустите меня, я в порядке! – бросил Гудвин схватившим его студентам. Освободившись, он стал поправлять мятую рубашку, но почувствовав на себе взгляды окружающих, резко поднял голову и замер. Кто-то со страхом и непониманием смотрел на Пола, другие с сильным удивлением, а Конол уже был готов броситься на сокурсника, но поднявшийся на ноги Сарит остановил ирландца.

– Эй, Конол, успокойся, он не стоит того, – посмотрев с усмешкой на Гудвина, заявил Уолсен. Казалось, будто не было тех мгновений, которые он провел на полу, боясь за свою жизнь.

– Ах ты!.. Да что вы устались! Не в театре же! – раздраженно крикнул Гудвин, видя, что студенты продолжают внимательно следить за ситуацией.

– Действительно, нечего смотреть на человека, у него неудачно сложился день. С кем не бывает. Вы же сами понимаете – экзамен, волнение, чрезмерная напряженность, вот вам и потеря концентрации, – весело заговорил Сарит, предлагая всем разойтись. Он принял самую подходящую позицию в этой ситуации – будто бы не он был тем, кому пришелся удар. Он говорил так, словно ничего не произошло, а если что-то и было, то этим не стоит забивать себе голову, а нужно как можно скорее забыть эту историю и забыть её. Но когда кольцо из студентов поредело, Сарит громко добавил: – А знаешь, Пол, если уж на то пошло, и ты на меня вешаешь такие обвинения, то я вправе сделать обратное... – Пол слушал. – Человек, которого по знакомству зачислили в школу на последний курс, потому что сам бы он вряд ли смог это сделать, должен думать в первую очередь о чистоте своей совести, а не чужой. Мне нечего скрывать, отец порой мне помогает, но это бывает, как я уже сказал, чрезвычайно редко. Тем более, кто из здесь присутствующих может сказать, что не принял бы помощи от своего отца в аналогичной ситуации.

Сариту явно доставляло удовольствие поливать грязью Гудвина. Сцена, разыгранная им в стенах школы, легко могла перерасти в отчисление одного из студентов, но Пол ничего не успел ответить на высказывание в свой адрес. Дверь в аудиторию открылась, и вышедший молодой лаборант, не обращая внимания на непонятное столпотворение, обратился к студентам: – Можете занимать свои места.

Непреодолимое волнение рождалось, как только студент заходил в аудиторию. В это мгновение забывалось всё на свете, даже неприятные моменты, которые могли возникнуть до этого. Никто из студентов не подал вида, и тем более не рассказал о случившемся только что в коридоре школы инциденте ни одному из преподавателей, будущих врачей сейчас больше заботили результаты их работ. Молодые люди в нетерпении расположились на своих местах. Перед учащимися сидели несколько преподавателей, которые и составляли нынешнюю комиссию. Две пожилые женщины, обучающие основам урологии и акушерства, мисс Боулен и мисс Стоун, Хованьский, и два мужчины – лысеющий профессор, преподаватель биологии и помощник ректора, Монсон, и молодой мистер Шарц, приехавший из Германии на несколько месяцев на практику и занимавшийся тем, что время от времени замещал отсутствующих преподавателей, а в основном работал в лаборатории школы. Белые глаженные халаты, скрывающие строгую одежду, ясные взгляды, осанки, напоминающие натянутые струны, в общем, члены комиссии в полной мере олицетворяли важность прошедшей контрольной и ей результатов.

Пол не сразу отошел от случившегося, поэтому первое время не слышал, о чем говорило собрание решавших судьбы, лишь изредка улавливая одобрительные возгласы товарищей, да жидкие аплодисменты, достававшиеся всем по очереди. Он повторял в голове слова

Сарита и, не желая верить этим бредням, уговаривал себя, что никто не мог сделать ему такой услуги. Однако, он осекся, когда подумал о Джерри. Воспоминания последних месяцев достали со своих пыльных полок разговор, в котором Джерри обещал помощь его отцу пробраться в правительство. Ограничился ли этот американец помощью только старшему Гудвину или до Пола тоже добрался. В одно мгновение в груди у Пола заклокотала лава ненависти и злобы к мужчине его сестры. И этот стремительный поток чувств непременно выплеснулся бы, окажись Джерри рядом, но краем уха Пол услышал имя своего школьного неприятеля и, с трудом отбросив от себя все мысли, стал вслушиваться в речь члена комиссии.

– Продолжим, – басовитым голосом начал профессор Монсон, бывший председателем комиссии. – Мистер Сарит Уолсен, – услышав своё имя, молодой мужчина поднялся. – Вы прекрасно справились с последней работой, а так же сделали один из лучших отчетов о посещении местной больницы нынешней осенью. Поэтому вам предоставляется возможность пройти трехмесячную практику в Западной Государственной Больнице в городе Вашингтон, округ Колумбия. Поздравляю вас!

Зал заполнился бурными аплодисментами, чего Гудвин никак не ожидал. Сарит поблагодарил комиссию; на его лице играла улыбка невыдуманной радости, но Гудвин считал, что такая улыбка недостойна лица этого студента. Грегг, с которого в три ручья стекал пот, томительно дожидаясь своей участи. После поздравления Сарита он обратился к товарищу: – Пол, я не пойму, нас с Саритом вдвоем в одно место отправят? Я же не ослышался?! Они сказали... – Шептал он, поправляя свои очки, и нервно перебирая пальцами край старенькой жилетки.

– Сейчас всё узнаем, – вяло ответил Пол, быстро понявший, что Греггу не суждено оказаться в скором времени в месте, о котором он так грезил. Пол не хотел расстраивать друга, отдав эту возможность комиссии; ему стало абсолютно ясно, что ни Монсон, ни другие, сидящие внизу преподаватели, а профессор Хованьский определял, куда отправить студентов, а если все же ни он один, то своими хитросплетениями ему ничего не стоило направлять в нужное русло остальных членов комиссии. Одно подозрение закралось в душе у молодого мужчины: что-то подсказывало, что его самого ждет не простая практика и нужно готовиться не к райской жизни. Поняв это, Пол успокоился и стал слушать, решив, что ни за что не покажет Хованьскому своих волнений.

Когда произнесли имя Грегга, тот в нетерпении встал, вглядываясь в каждое движение губ профессора, словно бы желал управлять произносимыми мужчиной словами. На самом деле, Аткинсон просто боялся того, что скажет Монсон; боялся быть приниженым в лицах товарищей, боялся, что его надежды не оправдаются, боялся не стать первым, зная, что от этого его комплексы вырастут до небес. Гудвин ни чем не мог помочь своему другу, как бы много они не говорили на подобные темы; часто бывало так, что Аткинсон после разговоров по душам злился на Пола, за то, что тому были чужды терзания Грегга, что сам Гудвин никогда не страдал от неприятия. Однако, приходя в себя, Аткинсон вновь искал помощи в словах Пола, не устававшего успокаивать своего проблемного друга. Сейчас была как раз та минута, когда Греггу хотелось выговориться и послушать успокаивающие слова, но вместо этого приходилось нервничать и трястись всем телом, надеясь, что этого никто не замечает.

– Мистер Аткинсон, комиссия долго совещалась. Ваши работы оказались лучшими в группе и даже лучшими на потоке, – студент кивал в знак согласия, не понимая, чего же они так тянут с ответом. Очки его постоянно сползали на край носа от обильного пота, которым Грегг покрывался с каждым словом, произнесенным в его сторону. – Мы рассмотрели ваше желание провести практику в Западной Государственной Больнице, и уже готовы были дать своё согласие, но, в конце концов, решили вас оставить на эти три месяца в школе, дабы дать вам возможность продолжить исследования с профессором Хованьским.

– Но... Но ведь я же мечтал о Вашингтоне. Я хотел... Профессор, вы же сами, помните, вы... что... ммм? Вы мне рассказывали про тамошнюю медицину, вы сами открыто гово-

рили мне, что это очень перспе... перспект... Говорили, что если экзамен, если все пройдет удачно... получу такую возможность. Я вот... я и справился... – Пола очень удивили выпаленные Греггом слова, он думал, что Аткинсон даже не посмеет сопротивляться, но он, несмотря на то, что его голос дрожал, как у приговоренного к казни, а слова путались, как у параноика, ответил несогласием на решение комиссии. Однако же было видно, что Грегг готов был вот-вот сорваться, глаза его наполнились слезами, как это бывает у обиженного младенца, которого удерживает от рыданий нежная улыбка матери, решившей, что сейчас не самый удачный момент для слез.

Профессор Монсон не нашелся, что ответить, и ему на помощь вовремя подоспел Хованьский. Он вышел из-за стола, тепло улыбаясь, подошел к Аткинсону и с заботой ответил бедному студенту.

– Грегг, я буду так тебя называть, мы же очень давно знаем друг друга, – его ядовито-сладкий голос мог подействовать только на такого, как Грегг, о чем очень сожалел Гудвин, понимая, что его товарищ легко поведется на просительные речи.

– Ты блестящий теоретик. Ты добьешься величайших открытий в области медицины, именно потому, что ты понимаешь суть всех процессов в человеческом организме лучше остальных студентов. Даже я, твой преподаватель, просил твоего совета и помощи много раз. Я буду очень рад, если ты согласишься провести эти месяцы в лаборатории со мной. Ты же знаешь, что скоро мы продвинемся очень далеко в наших исследованиях, поэтому мне, как никогда, нужна твоя помощь.

– Но как же врачебная деятельность?! – Грегг был сломлен, это стало ясно как дважды два. Для него это было плохо тем, что не только Пол увидел это, но и Хованьский. Ему оставалось только добить студента.

– Грегг, пойми, тебя никто не держит в школе. Как только ты закончишь, можешь работать где угодно. Я скажу тебе больше! Я сам помогу тебе устроиться в Вашингтоне, если ты того захочешь. Но такие ценные кадры сейчас терять не хотелось бы. Это может подтвердить и наш молодой практикант, не так ли мистер Шарц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.